

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Жан Марабини

ПОВСЕДУШНАЯ ЖИЗНЬ

БЕРЛИНА ПРИ ГИТЛЕРЕ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жан Марабини

Jean Marabini
LA VIE QUOTIDIENNE
A BERLIN SOUS HITLER

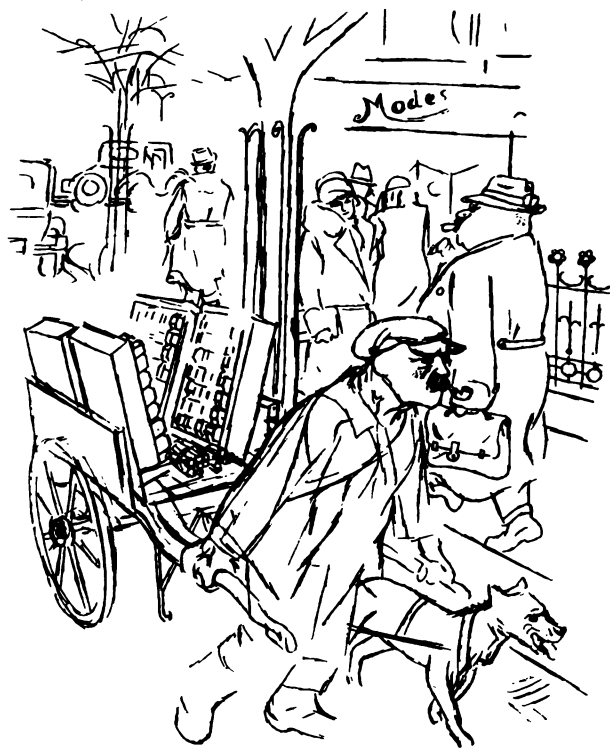

HACHETTE

ЖИЗНЬ

БЕРЛИНА ПРИ ГИТЛЕРЕ

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2003

УДК 943.085.0
ББК 63.3(0)6(4Гем)
М 25

*Перевод с французского
Т. А. БАСКАКОВОЙ*

*Научная редакция и вступительная статья
В. С. ГАЛЛА*

*Художественное оформление серии
С. В. ЛЮБАЕВА*

Перевод осуществлен по изданию:
Jean Marabini.
La vie quotidienne a Berlin sous Hitler.
Paris, Hachette, 1985.

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.*

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

*Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français.*

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции.

© Hachette Littératures, 1985
© Баскакова Т. А., перевод, 2003
© Галл В. С., вступительная статья, 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003
© «Палимпсест», 2003

ISBN 5-235-02469-9

Около семидесяти лет тому назад, 30 января 1933 года, в 7 «а» классе харьковской школы № 1 появился новичок — Миша Осовец. Сам по себе приход в класс нового ученика конечно же не является сенсацией, но здесь был особый случай... Люди старшего поколения, жившие за «железным занавесом», помнят, сколь редко тогда можно было встретить не только иностранца, но даже и соотечественника, которому довелось побывать за рубежом. В те годы слова «инопланетянин» и «пришелец» не были столь популярны, как сейчас, но именно они, пожалуй, лучше всего подходили к нашему новому однокласснику. Миша прибыл к нам хотя и не с другой планеты, а из столицы Германии Берлина, но тогда это было почти одно и то же. Все в нем было для нас странным и необычным — манера поведения, школьные принадлежности, даже одежда (короткие брюки-шорты и застёжки-молнии). Он часто рассказывал нам о Берлине, и рассказы его пленяли нашу фантазию. Я вместе с другими моими одноклассниками возмечтал побывать когда-нибудь в Берлине, одновременно понимая всю несбыточность этих помыслов и терзаясь угрызениями совести из-за пагубности моей мечты, ибо юный пионер-ленинец, готовящийся вскоре вступить в комсомол, не имел права, не должен был прельщаться рассказами о столице капиталистической державы.

Дата 30 января 1933 года запомнилась мне вовсе не в связи с нашим новичком-берлинцем, а потому что (тогдашние школьники, не в пример нынешним, очень живо интересовались политикой и всем, что происходило в мире) именно в этот день в Берлине пришел к власти невзрачный мужчина, бывший ефрейтор с чаплинскими усиками и комичной челкой — Адольф Гитлер.

Мог ли я тогда подумать, что будущая моя судьба — и в победном 45-м, и много позже, вплоть до сегодняшних дней, — окажется тесно связанной с германской столицей...

Содержание книги, которую читатель держит в руках, полностью соответствует ее названию. Жан Марабини не ограничивается перечислением широко известных и полузабытых исторических событий (как это чаще всего бывает), а талантливо рисует картину *повседневной жизни* Берлина в 30—40-е годы теперь уже прошлого века во всем ее колорите. Достойна искреннего удивления и восхищения способность современного французского автора-журналиста так тщательно вникать во все подробности быта и нравов того времени. Перед нами проходит пестрая вереница персонажей: представители власти и обыватели, фабриканты и рабочие, дамы высшего света и модистки, охранители правящего режима и заговорщики, рядовые нацисты и нацистские бонзы. Портреты властителей Германии, на мой взгляд, особенно удались автору. Это касается и престарелого президента Пауля фон Гинденбурга (проблема впадающих в маразм руководителей государства, увы, знакома нам до боли), и нацистской верхушки — «великолепной четверки», или четырех «Г», как обобщенно называли тогда у нас Гитлера, Геринга, Гимmlера и Геббельса. Некоторая же упрощенность в объяснении причин, по которым Гинденбург отправил в отставку фон Шлейхера и назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера, равно как и некоторые другие встречающиеся порой в книге поверхностные оценки служат только лишним подтверждением того, что

Ж. Марабини-бытописатель, безусловно, превосходит Ж. Марабини-историка. Эта оговорка ни в коей мере не призвана умалить очевидных достоинств данной книги, тем более что автору в данном случае несомненно повезло с переводчиком — труд Т. А. Баскаковой заслуживает самых высоких похвал.

Как участник Берлинской битвы, я конечно же под совершенно особым впечатлением читал страницы, посвященные германской столице весны 45-го года, — поры, когда у всех на устах было словосочетание «логово зверя» — хрестоматийное выражение военного времени. В памяти всплывают дымящиеся руины и полуразрушенные здания с зияющими глазницами окон в нескончаемом гуле артобстрелов, центральная улица *Унтер ден Линден* («Под липами»), переставшая оправдывать свое название, поскольку вместо расцветающих (весна!) лип чернели их обугленные стволы. Вспоминается главный фасад рейхстага в пороховом дыму, на закопченных колоннах которого разгоряченные боем советские солдаты, в том числе и аз грешный, начертали свои имена. Еще более памятно для меня 1 мая 1945 года, а именно крепость Шпандау на западной окраине Берлина. В эту окруженную нашими войсками цитадель мы с майором Василием Гришиным добровольно вызвались пойти парламентарями, хотя и грозила данная миссия почти верной смертью... Итогом наших переговоров стало предотвращение гибели сотен людей, в том числе и абсолютно ни в чем не повинных граждан — женщин, детей и стариков, надеявшихся за мощными средневековыми стенами спастись от «нашествия русских варваров». Берлинцы и поныне помнят об этих событиях, считая нас героями Шпандау. Множество статей и интервью, документальные киноленты и художественный фильм («Мне было девятнадцать») — яркое тому подтверждение. Вспоминаются и первые послевоенные будни Берлина, и (кстати, коль уж нашей темой является повседневная жизнь) полубыль-полуанекдот про лейтенанта Ивана Иванова, проснувшегося в одном из немногих уцелевших зданий от настойчиво доносящихся с улицы шипящих звуков, — оказывается, это

пожилые немцы, разбирающие груды развалин, выстроились цепочкой и сопровождают каждый акт передачи отдельного кирпичика из рук в руки вежливыми «Данке шён» и «Битте шён». Рождение этого анекдота легко объяснимо, однако согласитесь, вежливость — далеко не худшее человеческое качество.

Теперь я часто бываю в Берлине по приглашению общественных организаций, бургомистра Шпандау и моих друзей и не перестаю восхищаться возродившимся из пепла городом. *Унтер ден Линден* вновь шумит листвой полувековых послевоенных лип. Фешенебельная *Курфюрстендамм*, или просто *Кудамм*, как называют ее берлинцы, сверкает зеркальными витринами модных магазинов и ресторанов. Речные трамваи курсируют по туристическому маршруту «Под мостами Берлина» (патриотичные берлинцы убеждены, что мостов в их родном городе больше, чем в Венеции). Идет интенсивное строительство нового правительственного квартала, ибо после объединения Германии Берлин вновь обрел столичный статус. Сохранилось многое и от прежних времен. В вагонах метро и эс-бана в руках берлинцев по-прежнему шуршат «Берлинер цайтунг» и «Тагесшпигель», а вечером, после работы, в ближайшей кнайпе они пьют свое любимое пиво «Берлинер киндль» или «Пильзнер». Сохранился и специфический неподражаемый берлинский юмор, замешанный на скепсисе и иронии. Одним словом, берлинцы сохранили свой менталитет.

Память — необычайно чуткое человеческое свойство. Иногда достаточно малейшего дуновения, чтобы волны памяти пустились в свой бег. Вот вам живой пример. Современная телереклама чудесного порошка «Персил». Стоп! А ведь он, между прочим, был очень популярен еще в старой довоенной Германии. На улицах Берлина красовались рекламные плакаты: «“Персил” остается “Персилом”». Ну да бог с ним, со стиральным порошком. А вот что касается германской столицы... то и вправду: Берлин остается Берлином!

Владимир Галл

Как писать книгу о «Повседневной жизни в Берлине при Гитлере», если в период правления фюрера сама повседневность исчезла, а люди оказались заложниками абсолютной, тоталитарной политики? В Берлине годы с 1933-го по 1945-й были не просто одним из исторических моментов — тогда само время, казалось, мучило и убивало людей. Всё или почти всё превратилось в груды развалин. Постепенный упадок города, претендовавшего на то, чтобы быть столицей «тысячелетней империи», наложил глубокий отпечаток на весь двадцатый век. В Берлине и вокруг Берлина лицо Вселенной радикально менялось. На этих театральных подмостках терялись даже названия улиц. Мужчины и юноши, уходившие на войну, не возвращались с нее, и о них быстро забывали. Сама память стала чем-то невозможным. Известно, что Берлин, веселый и красивый город, атмосферу которого в обозначенный период мы попытаемся воссоздать, в справочнике Бедекера характеризовался словом «грандиозный», ибо превосходил размерами Париж и Лондон. В момент, когда Гитлер пришел к власти, в нем проживало не более двух миллионов жителей — пруссаков, евреев и представителей других национальностей. Затем его превратили в метрополию, где трудились четыре миллиона рабов, ввезенных из Европы. Берлин со своими ба-

раками стал средоточием военных заводов Третьего рейха, обеспечивавших страну вооружением. Несмотря на многочисленные смерти, потоки беженцев, внезапные исчезновения молодых людей, в нем к концу войны все еще проживали четыре миллиона женщин, стариков, главным образом иммигрантов. В моей книге вы найдете описание дней и ночей этого апокалиптического универсума, освещавшегося фосфорными вспышками непрерывных бомбардировок. Но мы не сможем говорить о противоестественном, низведенном до «личиночного» уровня существовании остатков берлинского населения, не разобравшись вначале с «черными пауками» режима, офицерами и полицейскими чиновниками, поскольку только знание их интриг и внутренних конфликтов позволит нам теперь, пятьдесят лет спустя, понять, что же происходило в то время.

ВРЕМЯ ШТУРМОВЫХ БРИГАД

30 января 1933 года, Фроэнштрассе, 7 часов утра. На улице нет ни дерева, ни детской площадки, неумолчно шумят поезда эс-бана¹, автобусы движутся между двух рядов однообразно серых домов. Во дворах — скелеты осыпавшихся рождественских елок. Карл, бывший рабочий-обувщик, умывается над раковиной холодной водой. Этот безработный, давно не получающий пособия, в данный момент думает о том, что, позанимавшись минут двадцать зарядкой, позволит себе выкурить сигарету «Юнона» (пфенниг за штуку)². Потом углем растопит плитку, приготовит кофе. Раньше, когда он еще работал, он не спеша завтракал, прочитывал «свою утреннюю газету», прежде чем отправиться на обувную фабрику автобусом № 8. Сейчас ему грустно, он вспоминает жену, умершую от туберкулеза. Чтобы избавиться от гнетущей обстановки дома, он спешит на Ноллендорфплац, в помещение, где собираются штурмовые отряды (СА)³.

¹ Э с - б а н — городская электричка. (Примеч. пер.)

² В марке 100 пфеннигов. Марка эквивалентна 2,50 франка. В момент оккупации Франции ее цена будет искусственным образом поднята до 20 франков. (Примеч. пер.)

³ SA: *Sturmabteilungen*, штурмовые отряды. (Начали создаваться в Германии с августа 1921 г. на базе некоторых соединений «Добровольческого корпуса». До ноября 1921 г. назывались «Гимнастическим и спортивным дивизионом». — Примеч. пер.)

Как и его товарищам по отряду, ему там ежедневно выдают по одной марке. Члены отряда неспешно беседуют о «всемирном жидовском заговоре», о Франции, само имя которой стало синонимом борделя. Входя в зал, Карл, выбросив вперед руку, приветствует портрет фюрера. На красных с белыми кругами знаменах ярко выделяется черная свастика. Здесь более теплая, более мужественная атмосфера, чем та, что царила раньше в партийных ячейках. На длинном столе из пихты — потрескавшиеся кружки, эмалированный кофейник, топленое свиное сало с редкими вкраплениями кусочков мяса. Булочки, правда, не такие белые и хрустящие, какими были когда-то. Вскоре после того, как на печке разогревают кофе, все дружно затягивают патриотические песни. Винтовки и дубинки стоят в пирамидах. Пахнет кожей — запах, к которому Карл, бывший обувщик, очень чувствителен. Теперь Карл каждый день раздает листовки на станции метро «Вильмерсдорф». Раздает тощим, бледным парням, недовольным тем, что им приходится вставать ни свет ни заря, выходить на мороз, когда буржуа еще нежатся на своих пуховых перинах. «Национал-социалистическая революция — это народная революция», — сказал им начальник отряда, и Карл охотно ему поверил.

Красный митинг и праздник «мартовского» пива

Карл не знает о том, что Адольф Гитлер уже обосновался в центре столицы. Штурмовики разговаривают о многолюдном коммунистическом митинге, который должен состояться в Люстгартене после полудня, несмотря на поистине сибирский мороз. Сегодня воскресенье, и «красный праздник» соберет, может быть, 100 тысяч манифестантов. «Может, и меньше, — ухмыляется один из товарищей Карла. — Берлинцы уже на нашей стороне». Шеф объясняет, что штурмовикам не о чем беспокоиться ввиду разъяснения, данного Эрн-

стом Ремом и национал-социалистами. Рем, абсолютный хозяин штурмовых бригад, соперник Гитлера, обратил внимание на тот факт, что в это последнее воскресенье месяца должен состояться *Bockbierschaft*, большой праздник «мартовского» (то есть крепкого) пива, который заинтересует берлинцев гораздо больше, чем коммунистический митинг. Люди хотят потанцевать и согреться, отведав содержимое гигантских бочек, несмотря на холод и ледяной туман, поднимающийся с пригородных озер.

В семейном пансионе

Фрау Шульц, дородная вдова, содержит пансион из шестнадцати комнат на Курфюрстендамм, улице, название которой берлинцы сократили до «Кудамм». Комната в пансионе стоит 10 марок в день; это дорого, если учесть, что среднемесячная зарплата колеблется от 100 до 200 марок и что в городе проживает шесть миллионов безработных. Десять лет назад фрау Шульц была подругой того самого Эккарта¹, который придумал для Гитлера прозвище *der Führer*, «вождь». В июле 1932 года она присутствовала на церемонии оглашения результатов выборов в рейхстаг и знает, что национал-социалисты тогда собрали более 14 миллионов голосов. Она аплодировала им и насчитала 230 национал-социалистских депутатов, которые — все в сапогах и в коричневых рубашках — вошли в полукруглый зал парламента, где шло заседание, которое открыла пожилая Клара Цеткин (старейший депутат рейхстага, коммунистка). Через несколько мгновений Герман Геринг, получив перевес в 63 голоса, совершенно легально стал председателем рейхстага². В пансионе

---

¹ Дитрих Эккарт (1868—1923) — немецкий поэт и журналист, один из идеологов нацизма, близкий друг Гитлера. Строка из его поэмы «Йойрио» (1919) — «Германия, проснись!» — вышивалась на флагах НСДАП. (*Примеч. пер.*)

² И занимал этот пост до 1945 г. (*Примеч. пер.*)

фрау Шульц живут журналисты (в том числе один французский) и музыканты.

Сегодня воскресенье, в столовой накрыт стол к обильному утреннему завтраку. Обитатели пансиона спорят о нацистских и других политических лидерах. Фрау Шульц нападает на Лоретта, корреспондента «Пари-суар», который только что констатировал наличие в Германии «режима террора». Сама же хозяйка пансиона вполне удовлетворена тем, что «коммунисты наконец встали на прогрессивный путь и уже несколько дней всё спокойно». Выступая в Груневальде перед сотысячной толпой, Адольф Гитлер говорил о необходимости установить подлинный социальный мир. Берлинцы знают, что полицейские отряды патрулируют город и что армейские подразделения сконцентрировались у Бранденбургских ворот. «Фюрер, — объясняет фрау Шульц, — хочет легальной власти. Он выиграл выборы вопреки прогнозам Эрнста Рема и его штурмовиков. С демократией можно бороться ее собственным оружием». Французский журналист скептически рассматривает портрет фельдмаршала Гинденбурга, ставшего в 1925 году президентом Германии. Фельдмаршал как-то сказал, что «Гитлер имеет такие манеры, которые должны быть у министра почт». Из мелочных побуждений он, фельдмаршал, отдалил от себя генерала фон Шлейхера¹. Однако значит ли это, что следует ждать «неизбежного прихода эры варварства»? Французский журналист думает о своей статье для «Пари-суар» от 31 января. В ней он «прославит» — разумеется, с иронией — праздник «мартовского» пива, который начнется сегодня после полудня.

Поднявшись к себе в комнату (постель уже аккуратнейшим образом застелена усердной горничной), он обводит взглядом свою пишущую машинку, высокий потолок с лепниной, окна с двойными рамами, картины, написанные маслом, и акварели на

---

¹ Курт фон Шлейхер (1882—1934) занимал должность рейхсканцлера с 3 декабря 1932 г. до 28 января 1933 г. (*Примеч. пер.*)

стенах, персидский ковер на хорошо навощенном паркетном полу, широкую металлическую кровать, большую печь, украшенную белыми фарфоровыми блюдами эпохи императоров Вильгельма I и Вильгельма II. Он идет по просторному коридору, в конце которого располагается место, *wo der Kaiser zu Fuss hingeht*, «куда сам император пешком ходит», как шутит его хозяйка. В роскошной туалетной комнате, декорированной дрезденской кафельной плиткой с цветочными мотивами, он открывает краны над гигантской ванной, покоящейся на бронзовых львиных лапах. Сейчас, с сигаретой «Абдулла» в зубах, развалившись в огромном кресле из ивовых прутьев, обращенном к раковине и к этажерке, на которой фрау Шульц расставила флаконы с девятью разновидностями солей и одеколонов, журналист чувствует себя вполне довольным жизнью. В атмосфере города он улавливает некую ажитацию, дух близких перемен. Его хозяйка, впрочем, остается верной старым временам. Она хорошо организовала свое дело, поставила на широкую ногу частный пансион, доставшийся ей в наследство от отца. Нашему журналисту повезло с этой «монументальной» ванной комнатой — здесь идеально слышны, благодаря плохо заделанной дыре, все разговоры, которые ведутся на первом этаже. И главное, большинство постояльцев пансиона даже не подозревает о столь необычном акустическом феномене.

Гинденбург сейчас принял свое самое серьезное решение со времени битвы при Танненберге 1915 года, когда одержал победу над русскими: он принудил уйти в отставку блестящего и амбициозного генерала Курта фон Шлейхера, которого сам назначил главой правительства менее двух месяцев назад. Что будет делать теперь фон Шлейхер, который так унижен и тем не менее продолжает пользоваться поддержкой Военного управления? И что будет делать Гитлер? Не он ли через несколько часов станет новым рейхсканцлером? «Карты розданы, но игра еще только начинается», — со вздохом говорит себе корреспондент французской газеты.

Оскар фон Гинденбург, сын и военный адъютант главы государства, считает, что пора положить конец этой неопределенности. Он в курсе всех интриг политической элиты Германии. Он сам приложил руку к последовательному отстранению от власти «трех Куриациев»¹ — канцлеров Брюнинга², фон Папена³ и вот теперь фон Шлейхера. Человек с широкими скулами и грубыми чертами лица, такой же грузный, как и его отец, Оскар, в отличие от последнего, не кажется мраморной статуей. Но он тоже отличается продажностью и цинизмом, консервативными взглядами и непостоянством. Держась пока в тени отца, прославленного победителя русских, Гинденбург-младший считает, что именно он, сын, — будущий *deus ex machina*⁴. Правда, есть еще Отто Мейснер, багроволицый тучный секретарь⁵, неизменно появляющийся на людях в слишком тесных костюмах, в очках с толстыми стеклами, за которыми плохо различим его взгляд. Этому прусскому Фуше всегда удается выйти сухим из воды. Он служил социалисту Эберту⁶, теперь служит прославленному Гинденбургу, а завтра будет служить Гитлеру. Оскар и Отто, два «серых кардина-

---

¹ При царе Тулле Гостилии (673—641 гг. до н.э.) в результате поединка между тремя братьями Куриациями из Альбы Лонги и тремя братьями Горациями из Рима Альба Лонга перешла под римское господство. (Примеч. пер.)

² Генрих Брюнинг (1885—1970) стал канцлером Германии 28 марта 1930 г. и сформировал правительство, которое было первым из серии переходных кабинетов от веймарского режима к нацизму. 30 мая 1932 г. по требованию президента Гинденбурга ушел в отставку. В 1934 г. эмигрировал в США. (Примеч. пер.)

³ Франц фон Папен (1879—1969) был рейхсканцлером Германии с 1 июня до 17 ноября 1932 г., когда по настоянию Гинденбурга вместе со всем составом правительства подал в отставку. После этого он выполнял обязанности главы правительства до 3 декабря, а затем передал свой пост фон Шлейхеру. (Примеч. пер.)

⁴ «Бог из машины», появление которого производит главный поворот в сюжете пьесы (лат.). (Примеч. пер.)

⁵ Отто Мейснер (1880—1953), юрист по образованию, с 1924 г. до мая 1945 г. был бессменным статс-секретарем, руководителем Президентской канцелярии. (Примеч. пер.)

⁶ Фридрих Эберт (1871—1925) — первый президент Веймарской республики (с 1919 г.). (Примеч. пер.)

ла», маневрируют за спиной старого фельдмаршала и одновременно интригуют против «клана сеньоров», «кружка союзников» и берлинского «Геррен-клуба» («Клуба господ»), где еще вчера встречались Брюнинг, фон Папен и фон Шлейхер — друзья, объединенные своим аристократическим происхождением и приверженностью военным традициям.

А между тем верхушка армии — рейхсвер — еще слаба, ее раздирают разногласия. Офицеры генерального штаба, монархисты по духу, готовы принять любой легальный режим, лишь бы он соответствовал их милитаристским устремлениям; им в общем все равно, будет ли новым рейхсканцлером кандидат от левых сил Носке или Гитлер. Ближайшая цель армейского руководства — держаться в тени и всеми силами избегать гражданской войны, которая может привести к революции. Военное управление (тайный генеральный штаб), собственно, и «изобрело» Гитлера, как еще раньше создало «Стальной шлем»¹; оно возлагает надежды на Женевскую конференцию по разоружению, мечтая освободиться от «цепей» Версаля и восстановить былую мощь германской армии. В начале тридцатых годов оно еще симпатизирует Франции, этому «рыцарственному врагу», но уже требует упразднения «польского коридора». Однако руководство рейхсвера всегда отличалось осторожностью. Когда генерал Гренер расформирует первые штурмовые отряды, оно отречется от Гренера. Когда Рем, два года спустя, пожелает превратить свои вспомогательные подразделения в новую, революционную армию, оно подтолкнет Гитлера к «Ночи длинных ножей». С этого момента и вплоть до 1945 года вся история Германии будет, по сути, историей взаимоотношений Гитлера с военными. Пока Гитлер повиновался генеральному штабу (а повиновался он долго), генеральный штаб его поддерживал. Как только Гитлер восстал, начались заговоры. Рейхсвер, как подчеркивает в своей книге бывший французский посол в Германии Франсуа-Понсе, уже в

---

¹ Крайне правая организация ветеранов Первой мировой войны. (Создана в 1918 г. — *Примеч. пер.*)

тридцатые годы боялся слишком опасного конфликта с СССР. Генералы поддерживают тесные связи с «Клубом баронов», объединяющим влиятельных политиков. Фон Нейрат, министр иностранных дел, чей служебный кабинет располагается на Вильгельмштрассе, являет собой, так сказать, второе политическое лицо рейхсвера. Но Нейрат не пользуется широкой популярностью. Фон Папен это понял и вовремя сблизился с фюрером, тогда как фон Шлейхер, напротив, отдалился от своего старого друга Адольфа (который займет после него пост канцлера).

Фон Шлейхер исполняет должность рейхсканцлера пока только 70 дней, но против него с самого начала плетутся интриги. Фон Папен уже давно работает с людьми из ближайшего окружения президента — Оскаром фон Гинденбургом и Мейснером, — чтобы добиться смещения фон Шлейхера, человека выдающегося ума и ярких политических способностей. Шлейхер слишком поздно понял, что генеральный штаб может привлечь на свою сторону массы (а это явно предпочтительнее, чем введение диктатуры) только одним способом — предложив программу с четко выраженной социальной направленностью. В настоящий момент он — единственный из политиков высшего ранга, кто придерживается такого мнения. В речи, которая передается по радио, он объявляет о прекращении действия закона, ограничивающего размер заработной платы рабочих 100 марками в месяц, и обещает передать мелким собственникам 300 тысяч гектаров земли, ныне принадлежащей баронам. Один из главных помощников фюрера, Штрассер¹ переходит на сторону рейхсканцлера фон

---

¹ Грегор Штрассер (1892—1934) с 1926 г. был руководителем НСДАП (Национал-социалистской немецкой рабочей партии) по пропаганде, с 1932 г. — руководителем НСДАП по оргпартиарботе и одновременно заместителем Гитлера. В 1932 г. Курт фон Шлейхер предложил ему занять посты вице-канцлера и госсекретаря Пруссии. В результате у Штрассера произошел конфликт с Гитлером, прочившим на эти посты Геринга и обвинившим своего заместителя в стремлении расколоть партию. 8 декабря 1932 г. Штрассер отказался от своих партийных должностей, отошел от политики и позже устроился консультантом по трудовым спорам в химическую компанию. *(Примеч. пер.)*

Шлейхера, однако это не останавливает происков интригана Оскара (младшего Гинденбурга). Мнения военных разделились. Многие — те, кто придерживается правой ориентации, — называют нынешнего рейхсканцлера «социальным предателем» и «красным генералом». Нацисты пользуются этим, чтобы надавить на «Стальной шлем», который колеблется и парализован своей неуверенностью. Пресса и рейхстаг, опираясь на информацию, в обилии предоставляемую им Герингом и Геббельсом, громко возмущаются взятками, которые получают юнкера¹ и даже один из ближайших друзей главы государства. Эти грязные сплетни побуждают Гинденбурга 28 января отстранить фон Шлейхера от должности. Гитлер переезжает в отель «Кайзерхоф», расположенный в нескольких метрах от здания рейхсканцелярии и от президентского дворца. Толпа берлинцев уже осаждает дворец. Фон Шлейхер отправляется в Потсдам, чтобы обсудить происшедшее с офицерами генерального штаба. «Стоит ли, — говорит он им, — поддерживать руководителя государства, который не умеет пользоваться своим авторитетом?» В рядах сторонников правого консервативного крыла уже нет единства; нет его и в левоцентристском блоке, у социалистов и коммунистов. Крестьяне готовы взбунтоваться, потому что вынуждены за гроши продавать свое молоко (по 10 пфеннигов за литр) и потому что им приказывают подмешивать маргарин к маслу, что очень выгодно для производителей маргарина. Фон Папен в Кёльне уже договорился с фюрером о совместных действиях — как и его друзья, банкир Шахт, промышленник Тиссен и другие. Эти важные лица оказывают давление на старого фельдмаршала.

Всё начинается с шантажа

Почти наверняка зная, что выиграет эту шахматную партию, Гитлер все еще не верит себе до конца. А

---

¹ Аристократы-землевладельцы.

вдруг старый лис фон Папен предаст его? Фюрер решает, что две предосторожности лучше, чем одна.

Вилла, расположенная в одном из самых фешенебельных районов Берлина — Далеме; Отто, сын президента, сидит на софе в библиотеке Иоахима фон Риббентропа, новоиспеченного национал-социалиста¹. Никто не обращает внимания на роскошную обстановку в доме фон Риббентропа (зятя крупнейшего производителя немецких шампанских вин), которого, несмотря на его сомнительный дворянский титул — а может, именно из-за него, — никогда не приглашают в «Клуб господ». Мало кто знает фон Риббентропа, и о нем никогда не говорят ни в кругах прусской аристократии, ни в министерстве иностранных дел, где он будет блистать через несколько лет. И все же сегодня в гости к фон Риббентропу пожаловали и Гитлер, и фон Папен. Уже 13 лет как Гитлер, в полном расцвете своего еще непризнанного таланта, мало-помалу пробивается из прокуренной атмосферы баварских пивных на эстрады, ярмарки, площади, стадионы, где он выступает перед микрофоном, в черном воскресном костюме мелкого служащего, и возбуждает немцев, рассказывая им об их комплексе вины и об их горестях. Он обещает реванш под крики «*Deutschland, erwache!*», «Германия, проснись!»... И вот он уже возглавляет НСДАП, национал-социалистскую партию, самую могущественную в стране, имеющую 13 миллионов членов, которая осыпает бранью евреев, священников, профсоюзы, демократов, большевиков, весь мир.

Сейчас Гитлер шантажирует — тихим голосом — полковника фон Гинденбурга-младшего, которому пытается помочь его друг Отто Мейснер, бессменный секретарь президента. Гитлер достает из своего кармана секретное донесение и медленно зачитывает его вслух. Папен и Геринг удовлетворенно улыбаются. Геббельс, которого здесь нет, собрал улики против старых дворянских семей, наложивших руку на

---

¹ Иоахим фон Риббентроп вступил в нацистскую партию в мае 1932 г. (*Примеч. пер.*)

средства государственной помощи. Миллиарды марок были прикарманены землевладельцами из восточных регионов страны. Правительственные субсидии, вместо того чтобы хоть как-то исправить катастрофическое положение в сельском хозяйстве, пошли на уплату долгов, покупку автомобилей, скаковых лошадей и новых поместий. Геббельс сумел «присвокупить» к этому и данные о «роскошных» поездках на Французскую Ривьеру. Граф фон Оденбург-Янущау, например, противозаконно присвоил 620 тысяч марок. Президентское поместье в Нойдеке, в Восточной Пруссии, «предоставленное» Гинденбургу, было негласно передано его сыну — имение, освобожденное от налогов и даже от пошлины на передачу имущества. Гитлер, решившийся нарушить негласный закон, в соответствии с которым глава германского государства должен находиться вне всяких подозрений, говорит мягким голосом, в течение часа заверяя своих слушателей, что доведет эти разоблачения до сведения депутатов рейхстага и берлинской прессы. Гинденбург-младший покидает особняк Риббентропа, так и не произнеся в ответ ни слова. Такси — сегодня он хочет выглядеть поскромнее — уже ждет его у дверей. Мейснер, не проницаемый за стеклами очков, садится на неудобное сиденье рядом с ним. Оба погружены в свои мысли. Наконец Гинденбург-младший шепотом спрашивает:

— Что же делать, Отто?

Полная тишина. Отто Мейснер осторожно молчит. Но потом произносит:

— Я полагаю, нам придется принять условия Гитлера.

Безработные, воры, молодые авантюристы

Ночь с 29 на 30 января 1933 года. Эрнст Рем совещается со своими лейтенантами в отеле «Кайзерхоф». Из окна — в каких-нибудь ста метрах — он видит решетчатую ограду здания рейхсканцелярии. Рем — коренастый здоровяк с расплющенной пере-

носицей, с лицом, покрытым шрамами. Официально признанный «вторым лицом» в национал-социалистской партии, он в действительности является безраздельным владыкой своей «коричневой армии», СА. Уже многие годы, без отдыха, этот ветеран Вердена призывает к созданию «Стального Рейха», чистого и сильного, к ликвидации политиканов, промышленников, старой военной касты. Этот страшный для Гитлера человек имеет под своим непосредственным началом 300 тысяч штурмовиков — ветеранов, безработных, бывших коммунистов, крестьян, разоренных кризисом. Под руководством профессиональных военных рецидивисты, воры, сутенеры, наемные убийцы, юнцы, стремящиеся к большим авантюрам, превратились в единственную армию разоруженной Германии. Более того, это была «революционная сила», в которой Гитлер нуждался, чтобы заставить немцев бояться себя, — «штурмовики, оттачивающие свои длинные ножи о края тротуаров», как она характеризовалась в одной песенке. Чувствует ли Рем, этот изуродованный шрамами солдатфон, привыкший к сражениям и насилию, который до сих пор был для фюрера незаменим, что ситуация начинает ускользать из-под его контроля? Нет, он в такое не верит. Пообещав Гитлеру сделать «грязную работу», то есть ликвидировать прежде всего левых, оставшихся в меньшинстве (включая социалистов и коммунистов), а потом евреев, которые владеют большей частью городских капиталов и пользуются огромным влиянием во всех ключевых сферах — власти во все времена это допускали, — Рем думает, что фюрер всегда будет в нем нуждаться. Он одержал победу над государственной полицией. Он не доверяет рейхсверу, своему заклятому врагу (рейхсвер, со своей стороны, тоже ему не доверяет). Он не доверяет даже самому Гитлеру (которого крупная еврейская буржуазия боится куда меньше, чем Рема, полагая, что сможет его подкупить). Вместе со своими «коричневыми» офицерами Рем застраивает всю страну казармами, наводняет ее своими знаменами. Будучи «революционной» альтернативой на-

цизму, он в эту ночь собирается временно попридержать «молодчиков», вооруженных НСДАП. Его люди пока просто концентрируются в столице, готовясь окружить здание рейхсканцелярии в случае, если фюрер вдруг объявит «марш-бросок», «великий очистительный вечер», «уборку свинарника». Эти лозунги уже сами по себе достаточно много говорят толпе. Но Гитлер не отдает приказа воспользоваться последним воскресным митингом коммунистов, чтобы начать борьбу. На протяжении всего выходного дня штурмовики будут пребывать в бездействии, следуя строгим приказам своих командиров, и им не останется ничего другого, кроме как петь, чистить оружие, пить пиво в своих укрытиях — тогда как на улицах будут хозяйничать их противники. Не веря никому и даже своему лучшему товарищу — Рему, Гитлер уже взялся (вместе с Гиммлером, Дитрихом¹, Гейдрихом) за создание собственной «черной» гвардии, состоящей из нескольких бригад, — СС². Однако в настоящий момент, все еще оставаясь в нерешительности, несмотря на обещания фон Папена и на разговор с сыном Гинденбурга — ведь в конце концов фельдмаршал может просто проигнорировать его шантаж, — Гитлер ночь напролет расхаживает по коридорам «Кайзерхофа», этой гигантской гостиницы, фасад которой имеет 90 окон. Как и Рем, Геббельс сейчас непрерывно звонит по телефону, стараясь не потерять ни минуты. Каждый должен оставаться на посту и делать свое дело.

Призрачные войска на улицах

Геббельс появляется внезапно, хватая своего шефа за плечо (впрочем, он всегда не в меру возбужден, даже ест так поспешно, что становится похожим на

---

¹ Йозеф (Зепп) Дитрих (1892—1966), мясник по профессии, одним из первых вступил в НСДАП, завоевал расположение Гитлера и в 1928 г. стал начальником его охраны. К 1931 г. он получил звание группенфюрера (генерал-лейтенанта) СС. (*Примеч. пер.*)

² SS: *Schutzstaffeln*, «защитные отряды».

воробья, торопящегося склевать корм с тарелки): «Некий подполковник Вернер фон Альвенслебен внизу, в регистратуре, требует, чтобы его пустили поговорить с вами». Этот Альвенслебен, поднявшись наверх, заявляет, что генерал фон Шлейхер готовится выступить маршем на Берлин во главе потсдамских полков. Гитлер, человек с романтической прядью волос на лбу (которую его «импресарио» Гофман¹ скопировал с прически Никисле, дирижера популярного оркестра), явно растерян. Онемев в первое мгновение от ужаса — или просто притворившись смертельно испуганным, — он затем поручает Альвенслебену прозондировать противника, но больше никого не посылает в Потсдам и даже пока не извещает Рема о предполагаемых (наверняка мнимых) планах Курта фон Шлейхера. Необходимо извлечь всю возможную выгоду из новой ситуации. Геринг как председатель рейхстага спешит в особняк Гинденбурга-младшего, чтобы сообщить ему, что против его отца готовится государственный переворот. Можно ли считать этот эпизод комедией, провокацией, устроенной Герингом, Геббельсом или — что не исключено — самим Гитлером? Или же инициатива исходила от Рема? Как бы то ни было, до рассвета не прозвучало ни единого выстрела, а на улицах так и не материализовались призрачные полки! Только снежные тучи нависают над Берлином, окоченевшим от холода в это бледное утро 30 января. Маленький хромой Геббельс (у него искривленная ступня — напоминание о перенесенном в четырехлетнем возрасте полиомиелите) то появляется, то опять куда-то исчезает. Геринг наносит визиты разным высоким лицам, пользуясь своим положением председателя нижней палаты. За всю ночь эти двое не обменялись ни словом, хотя их пути неоднократно пересекались.

---

¹ Генрих Гофман (1885—1957) был личным фотографом Гитлера, и долгое время только ему одному разрешалось фотографировать фюрера в неформальной обстановке. В 1933 г. он был избран в рейхстаг, а в 1938 г. Гитлер присвоил ему звание профессора. *(Примеч. пер.)*

Десять часов утра. «Кайзерхоф» гудит как пчелиный улей, беспорядочно бегают туда и сюда носильщики, курьеры. Люди Рема охраняют выходы из отеля, а все служащие, регистраторы и телефонистки уже выбились из сил. Адьютант Гитлера поддерживает связь с государственным секретарем Отто Мейснером, с канцелярией президента; вдруг, встав навыгтяжку, он передает трубку фюреру. Фельдмаршал говорит Гитлеру, что ждет его у себя в самое ближайшее время. В этот миг, запишет секретарь фюрера, «на лице Адольфа Гитлера, обычно замкнутом и меланхоличном, отразилось триумфальное удовлетворение». Пятнадцать минут спустя Гитлер, в черном рединготе и цилиндре, толкнув дверь, выходит из отеля в сопровождении Фрика¹ и Гугенберга² из «Стального шлема», чей переход на сторону фюрера был большим успехом Геринга. Гитлер с трудом продвигается по улице (а его спутники следуют в нескольких шагах позади) к ажурной решетке бывшей канцелярии Бисмарка. Франц фон Папен, в мягкой фетровой шляпе и длинном пальто с лисьим воротником, уже ждет их, топчется на снегу. Папен усмехается, увидев толстяка Гугенберга и столь не похожего на него человека в унылом черном одеянии. Ровно в 11.30 члены будущего правительства должны собраться в кабинете у старого вояки Гинденбурга, привыкшего ценить точность. Им придется войти через дом 77 на Вильгельмштрассе, потому что в президентском дворце идет ремонт. Генерал-лейтенант фон Бломберг³ (уж он-

---

¹ Вильгельм Фрик (1877—1946) — руководитель депутатской группы НСДАП в рейхстаге, юрист, один из ближайших друзей Гитлера в первые годы борьбы за власть, впоследствии рейхсминистр внутренних дел.

² Альфред Гугенберг (1865—1951) — государственный и политический деятель, депутат рейхстага, предприниматель, один из богатейших людей Германии. (*Примеч. пер.*)

³ Он останется одним из подлинных хозяев Германии до «сухой чистки» 1935 г., когда в соответствии с личными распоряжениями Гитлера всех генералов заменит один Кейтель. Именно устранение Бломберга и Фритча, во всем послушному Гейдриху, положило начало тонкой игре, которую адмирал Канарис и многие высшие военные чины будут вести вплоть до 22 июля 1944 г.

то не входит в число друзей фон Шлейхера...), барон фон Нейрат, граф Шверм — именно те люди, которые могли бы сейчас успокоить Гинденбурга, — бросают косые взгляды на Гитлера, которого между собой называют не иначе как «мелким шарлатаном». Группа долго идет по саду. Бьют часы. Члены нового кабинета потеряли драгоценное время. Наконец, уже перед кабинетом главы государства, нервничающий Гитлер внезапно набрасывается с какими-то претензиями на Гугенберга. Спор между «Стальным шлемом» и главой нацистской партии ставит под угрозу их совместное предприятие. Повышенные тона, на которых пререкаются два оппонента, их ожесточенные реплики в нескольких метрах от тяжелой президентской двери ввергают в состояние паники и служащих, и самого фон Папена, обычно столь невозмутимого. Восьмидесятилетний президент, сидя за своим письменным столом, слышит эти необычные крики и едва не задыхается от негодования. «Богемский ефрейтор уже дает о себе знать!» — обращается он к государственному секретарю Мейснеру. Гитлер расходится все больше и не смотрит на часы; фельдмаршал вот-вот поднимется из-за стола и покинет кабинет, так и не приняв своих визитеров. Гинденбурга удерживают от этого шага только страх перед государственным переворотом, якобы замышляемым фон Шлейхером, да еще перспектива скандала, которую Гитлер тонко обрисовал его сыну в особняке Риббентропа. Отто Мейснер, прекрасно знающий характер своего шефа, приоткрывает маленькую, обитую кожей дверь и сухо говорит: «Президент с минуты на минуту может уйти к себе». Гитлер входит в просторную комнату, обшитую дубовыми панелями. Его колени дрожат, он бледен, взгляд выдает тревогу, как если бы ему предстояло встретиться с призраком Бисмарка. Однако присутствие Гинденбурга-младшего, стоящего за тяжелым креслом отца, мгновенно убеждает его в том, что победа за ним, и он берет себя в руки.

Фельдмаршал встает из-за стола, и маленький человек в рединготе приносит, как того требует обычай, торжественную присягу: «Я клянусь, с Божьей помощью, служить Германии и вашему превосходительству!» А потом, глядя прямо в глаза президенту рейха, добавляет, отчеканивая слова: «Как я служил вам, когда был солдатом».

Папен со скучающим видом достает из жилетного кармана часы; на его взгляд, истинный солдат — это Рем, а Гитлер таковым только притворяется. Однако Гитлер ему нужен, чтобы разделаться с Ремом. Через несколько секунд бывший австрийский подданный без определенных занятий, сорока трех лет от роду, поспешно произведенный в немцы в Брауншвейге, где абсолютными хозяевами являются нацисты, выигрывает первую в своей жизни крупную баталию. Фюрер просит разрешения удалиться и спускается по ступеням крыльца, предварительно склонившись перед фельдмаршалом в глубоком поклоне. Он садится в свою первую должностную машину — черный открытый «Мерседес». Это апофеоз бывшего банкетного оратора, которого сейчас приветствуют солдаты рейхсвера. Машина проезжает несколько метров по Вильгельмштрассе и останавливается, потому что улица заблокирована толпой, в громких криках выплескивающей свой энтузиазм. Новый рейхсканцлер, все еще в рединготе и цилиндре (выдержанных в стиле «не привлекать к себе излишнего внимания», как выразился один наблюдатель из Французского посольства), стоя приветствует горожан выброшенной вперед рукой. Люди один за другим неуверенно повторяют этот жест. Многие берлинцы, собравшиеся здесь, все еще считают себя социалистами или либералами и впервые в жизни пытаются воспроизвести гитлеровское приветствие. Проходит достаточно много времени, прежде чем «Мерседесу» удастся преодолеть 100 метров, которые отделяют здание президентской канцелярии от «Кайзерхофа». Нацистские главари, бледные от воз-

буждения или беспокойства, ждут у дверей отеля. Рем наблюдал всю сцену в бинокль. Он прекрасно знал, что если первое лицо в партии потерпит неудачу, то именно ему, Рему, придется смертельно рисковать, вводя в игру свои войска и провоцируя гражданскую войну. Он спешит первым поздравить нового главу правительства. Крики радости перекрывают жужжание кинокамер. Адольф Гитлер наконец толкает входную дверь и входит в вестибюль отеля. Его глаза, как расскажет потом Геббельс, полны слез, он не замечает своих товарищей, не произносит ни слова и поднимается к себе, словно галлюцинирующий, в сопровождении Рема, Геринга и шефа пропаганды Геббельса. К маленькой группе ближайших сподвижников фюрера присоединяется четвертый персонаж, фотограф Генрих Гофман. Это он вот уже много лет формирует образ «народного трибуна», при котором играет роль своего рода имиджмейкера. Гофман еще и «отец» некой Евы, долгое время разыгрывавшей из себя любовницу фюрера: Адольф должен казаться немецкому народу нормальным человеком, а он никогда не умел вести себя нормально, когда в его объятиях оказывалась хорошенькая девушка. Гофман найдет для него и вторую Еву, свою молоденькую привлекательную ассистентку с голубыми глазами, двадцатилетнюю Еву Браун, — фотограф сам вызовет ее по телефону вечером того же достопамятного дня. Из пяти человек, собравшихся в комнате, Гофман, пожалуй, доволен больше всех. У него в запасе около сотни клише, которые он до времени держит в тайне. Вот и сейчас он дает советы фюреру, учит его театральным позам, которые должны произвести впечатление на толпы немцев. Гитлер молча его выслушивает, пробует делать те движения и жесты, которые подсказывает ему его «импресарио». Но прежде всего, говорит Гофман, фюрер должен навсегда отказаться от редингота, носить отныне только военную форму и, при случае, плетъ из кожи бегемота. Ну, здесь старик уже явно перегнул палку. Он, Гитлер, обойдется в своем маленьком театре и без Евы Гофман, и тем более без этой самой плети.

А между тем у этого страшного человека, способного подчинить себе и Берлин, и всю Германию, были два качества, которыми он прекрасно умел пользоваться, не прибегая к советам своего наставника. Он знал, что, по крайней мере вблизи, взгляд его очень светлых голубых глаз горит таким ярким, почти непереносимым огнем, что это делает его опасным гипнотизером. Этим присущим ему магнетизмом, унаследованным от матери, Клары Пёльцль, простой австрийской домработницы¹, Гитлер воспользовался всего полчаса назад, чтобы подчинить своей воле победителя русских, национального героя времен Первой мировой войны, главу государства. Он не нуждается в уроках и для того, чтобы осознать силу своего голоса и своего слова, «этой проповеднической речи, которая воспламеняет толпы подобно факелу», как скажет потом Мартин Борман². И добавит, что Гитлер умеет «полностью держать в своих руках всех тех, кто понимает немецкий. Этот голос, иногда мягкий, глубокий, теплый, по его желанию вдруг становится хриплым, неистовым, срывается в крик и в дикую истерию. Таким голосом обладают выдающиеся личности, которых Бог, следуя своим тайным планам, сделал медиумами, гуру, призванными изменить человеческую историю»³.

---

¹ Клара Пёльцль (1850—1908) родилась в обнищавшей крестьянской семье. В 15 лет ее взяли вести хозяйство в дом таможенного чиновника Алоиса Шикльгрубера (1837—1903), с которым после смерти его второй жены она вступила в брак и которому родила пятерых детей. (Примеч. пер.)

² Мартин Борман (1900—1945?) — ближайший соратник Гитлера, которого фюрер, став рейхсканцлером, назначил руководителем аппарата своего заместителя Рудольфа Гесса. В мае 1941 г., после перелета Гесса, Гитлер назначил Бормана своим заместителем по НСДАП и руководителем вновь созданной партийной канцелярии. В 1943 г. Борман стал секретарем фюрера и оставался верным ему до конца. (Примеч. пер.)

³ Ср. описание речи Гитлера в романе Марты Додд, дочери Уильяма Додда, посла США в Германии в 1933—1937 гг., которая, будучи молодой журналисткой, прожила этот отрезок времени вместе с отцом в Берлине:

«Он [герой романа летчик Эрих Ландт] заметил, что лицо у фю-

Этот голос, этот взгляд еще в 1931 году толкнули на смерть девушку Гели Раубаль¹. Были и другие представительницы прекрасного пола, совершившие самоубийство из-за любви к этому «сексуально-нейтральному» существу, вульгарному и смешному. Зато Гитлер, прозаический и примитивный «любовник», которого привлекают только женщины-«матери», подчиняющие его себе во всем, что касается половой жизни, испытывает своего рода псевдооргазмы на сцене, среди наэлектризованной толпы, которую он заставляет реветь от экстаза. Когда Гитлер спускается с трибуны — после нескольких часов транса, исступленных призывов к народу, в промежутках между которыми толпа скандирует его имя, — он ощущает себя, как скажет в 1945 году психиатр Ахилл Дельмас, «опустошенным, залитым потом, освобожденным в сексуальном и ментальном смысле». После каждого такого выступления он направляется к своему автомобилю, потеряв несколько килограммов веса, и спешит домой, чтобы поскорее принять душ, сменить одежду».

рера заурядное, с правильными чертами, но с обвисающей дряблой кожей и темными отечными мешками вокруг глаз... Бледные, водянисто-голубые глаза Гитлера ярко светились, поражая и гипнотизируя пристальностью взора... Монотонный, гортанный голос не сразу дошел до сознания Эриха... Гитлер употреблял такие фразы и выражения, которых Эрих никогда еще не слышивал, и соединял слова в необычайные сочетания, отчего они звучали напыщенно, драматично и вместе с тем величественно... Неожиданно голос его стал хрипнуть, прерываться от ярости. Он поднялся и начал бешено жестикулировать; глаза у него загорелись, мускулы на лице напряглись и сложились в гневные складки; в речи послышался сильный австрийский акцент, делавший ее неразборчивой. Он принялся шагать взад и вперед через всю комнату, и от этого нескончаемого, бредового монолога атмосфера вдруг стала душной.

Постепенно ощущение реальности происходящего покинуло Эриха. Он почувствовал, как его охватывает полудремота, схожая с гипнотическим состоянием, и необыкновенные, резкие и пыльные слова Гитлера глубоко оседали в его подсознании, хотя сам он и не сумел бы повторить ни одного из этих слов».

(Марта Додд. Посеешь ветер... / Пер. Н. Васильева. М., 1959. С. 65.) *(Примеч. пер.)*

¹ Гели Раубаль (1908—1931) — двоюродная племянница Гитлера и его возлюбленная. 18 сентября 1931 г. Гели нашли застреленной в мюнхенской квартире Гитлера. До сих пор точно неизвестно, была ли она убита или покончила с собой. *(Примеч. пер.)*

Итак, фюрер приносит присягу в понедельник 30 января 1933 года, в 11.17. В 12.30 он все еще совещается с Ремом по поводу многолюдного парада СА, который должен состояться вечером того же дня. Необходимо «разубедить» фон Шлейхера в возможности успешной атаки, а фельдмаршалу помешать опомниться. 13 часов. Продавцы газет на Александерплац выкрикивают набранные красным и черным заголовки передовиц, содержащие новость, которая сегодня затмила все остальные: «Гитлер — рейхсканцлер». Норман Лодж, американский журналист, говорит себе: «Несомненно, крупные столичные газеты подготовили этот специальный выпуск — на всякий случай — заранее». Все разговоры о коммунистическом митинге вдруг, как по волшебству, прекратились. Еще один американец, работающий в радиоконпании Хёрста, не может сдержать радости. «Красные в 24 часа смотали удочки», — телеграфирует он в Америку. Потом отправляется в кабаре «Улица», в тупичке возле Кудамма, и пьянствует там до вечера. В агентствах печати царит лихорадочное возбуждение. Нансен, шведский репортер газеты «Дагенс нюхетер», работает в непосредственном контакте с «Берлинер цайтунг», будущей «Фёлькишер беобахтер», самой многотиражной газетой нацистского режима. Впрочем, сегодня все берлинские периодические издания побили абсолютный рекорд по скорости распространения информации. С четырех часов утра, то есть за шесть часов до судьбоносного момента, Геббельс, помощник Гитлера, ответственный за пропаганду и прессу, обходил редакции и «тактично, но настойчиво» убеждал подготовить новость к печати еще до официального назначения нового канцлера.

Многие берлинцы остались дома, чтобы следить за ходом событий по радио. Фрау Липшуц, супруга еврейского банкира, проживающая в богатом квартале Груневальда, отмечает «эмфатический и декламаторский тон» сообщений в средствах массовой информации, но она боится коммунистов больше,

чем Гитлера, и потому ощущает себя немецкой националисткой. Телевидение — это, по словам Гофмана, «абсолютное оружие» — спешно готовит специальные репортажи. Успехи берлинских телевизионщиков будут демонстрироваться в немецком павильоне на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. Но и сейчас, 30 января 1933 года, сотни столичных фотографов и кинорепортеров работают не покладая рук. В «Доме Карла Либкнехта», штаб-квартире Коммунистической партии Германии, царит растерянность. Левая пресса, пережившая за последние несколько часов сокрушительный удар, перепечатывает старую статью о «едином фронте», подписанную Тельманом. Через 48 часов газеты партии, оппозиционной по отношению к нацистам, будут закрыты. Для них начинается время подпольного существования. Через десять дней отряды штурмовиков совершат налеты на радиостанции, и с этого момента свободно высказывать свое мнение смогут только те, кто не бросает тени на нацистов. Некоторые социалисты — Лёбе, Штранпфер, Зольман и другие — чувствуют надвигающуюся на них опасность. Они собираются 30 января в пригородном ресторанчике, принадлежащем одному из активистов их партии, чтобы поспешно выработать совместный план действий. Другие, безвестные, попытаются «сохранить лицо» — и умрут в переполненных тюрьмах. Тысячи и тысячи людей будут уничтожены отрядами СА.

Гаванские сигары и «тикеры»

Фон Папен, вернувшийся, чтобы позавтракать, в свою роскошную резиденцию, окруженную настоящим миниатюрным лесом, не спешит присоединиться к «всеобщему ликованию», о котором пишет уже оркестрованная Геббельсом немецкая пресса. Прежде чем отправиться на заседание кабинета, которое должно состояться во второй половине дня, он заходит в «Клуб господ», чтобы выкурить гаванскую сигару. В иностранных агентствах обсуждается состав нового

правительства, в котором фон Папен получил должность вице-канцлера. Сорок восемь часов назад именно он объявил об отставке генерала фон Шлейхера.

В отеле «Адлон», немецком «Рице» локального значения, Вилли Хаас, сценарист фильма «Безрадостный переулоч», завтракает с Пабстом¹, режиссером того же фильма. Они заплатили 15 марок за вход, их обслуживает старый метрдотель. Эти персонажи вчерашнего дня, среди корзин с цветами, пьют шампанское, чтобы «отметить конец мира». У них в петлицах гвоздики, они совершенно спокойны. Зато возбуждение не спадает во всех редакциях популярных газет — на Кохштрассе, Эрнст-Ройтер-плац, Лейпцигерштрассе. Крупные еврейские газетные агентства и издательства пока продолжают работать, но они уже сменили руководство по указаниям Рема и Геббельса. Здесь, в редакциях, — вспышки фотоаппаратов, грохот ротационных печатных машин и щелканье теле-тайпов («тикеров», как их называют на берлинском аргю). Какой-то репортер говорит: «Сегодня, точнее, этой ночью будет спектакль на улицах». Все уже знают, что в окраинных кварталах плотные массы людей готовятся к дикарскому празднику, несмотря на десятиградусный мороз. Во второй половине дня ротозеи начинают скапливаться в министерском квартале и вокруг дворца Бисмарка, чтобы загодя обеспечить себе лучшие зрительские места.

Много штурмовиков и чуть-чуть эсэсовцев

Можно ли поверить, что Гитлер пока имеет в своем кабинете только двух нацистов? Сейчас, за фасадом дворца президента рейха, фон Папен начинает

---

¹ Георг Вильгельм Пабст (1885—1967) — немецкий кинорежиссер, получивший широкую известность после выхода на экраны фильма «Безрадостный переулоч» (1925), в котором была передана атмосфера нищеты и спекуляции, царившая в Австрии после Первой мировой войны. В 1931 г. снял фильм «Трехгрошовая опера». После прихода нацистов к власти эмигрировал из Германии, работал во Франции и США, а в 1939 г. переехал в Австрию. (Примеч. пер.)

волноваться. За всю свою историю Берлин никогда не знал подобной ночи. «Маска Медузы», «эмблема страха», водворилась повсюду; она появляется из теней, размножаясь до бесконечности, в виде свастики, заключенной в белый круг, на ярко-красном фоне. «Не есть ли это, — спрашивает себя (слишком поздно) фон Папен, — просто знак романтизма, предвестие счастья, которого наконец ждут берлинцы после стольких лет кризиса?» Кое-кто уже боится — и все же поражается тому, что за одну ночь и один день удалось собрать эти тысячи эмблем. Фон Папен подходит к окну, несмотря на холод. Ему зябко, он поднимает меховой воротник. «В гулкой ночи маршируют обутые в сапоги автоматы, заставляя дрожать Шарлоттенбургское шоссе; они выходят на Унтер ден Линден, пройдя перед тем через триумфальные Бранденбургские ворота. Они идут, шеренга за шеренгой, в зловещем ритме, задаваемом музыкой фанфар, под песнопения новой литургии» — так опишет эту сцену французский посол.

Опершись на трость, восьмидесятилетний фельдмаршал тоже прислушивается к выкрикам на улице: «Сегодня Берлин, завтра — Германия и весь мир!» Гинденбург уже досадует на себя за то, что невольно дал повод для этого чудовищного дефиле коричневорубашечников, которые движутся, выстроившись по бригадам, под дробь барабанов и раскаты духовых инструментов, освещаемые тысячами пылающих факелов. Он встревожен и обращается к Мейснеру, своему преданному секретарю: «Отто, вы мне не говорили, что их так много». Но секретарь едва его слышит. Его уши заполнены песней «Хорст Вессель», новым гимном нацистов, в котором прославляются «развевающиеся знамена и сомкнутые ряды». «Но разве эта песня, — спрашивает себя статс-секретарь, — не написана мнимым нацистским героем, который в действительности был сутенером и которого зарезал ножом другой сутенер (Али Хелер) из-за какой-то проститутки?» Гинденбург между тем уже дрожит от негодования.

А в Потсдаме злится фон Шлейхер. Он уже знает,

что, не выступив прошлой ночью на Берлин, проиграл партию. Еще три дня назад он был рейхсканцлером и хотел спасти Германию, опираясь одновременно на левых и правых. Что ж, он упустил свой шанс. Теперь он уже не сможет мобилизовать свои гарнизоны для борьбы с этим пылающим змеем СА, озаренным факелами. Варварский праздник. За несколько часов «коричневая» армия, похоже, завоевала сердца берлинцев. Среди коричневорубашечников марширует и последний, недавно набранный контингент — они идут все в черном, без музыки, в униформах с изображением черепа. Их возглавляет молодой (тридцатитрехлетний) человек, Генрих Гиммлер. Рем усмехается, глядя на этих эсэсовцев, бригады экстренного вмешательства, которые набирались в спешке в качестве противовеса ему, Рему. Их численность пока еще смехотворна. Однако Рем отмечает, что, приветствуя их, фюрер чуть более резко выбрасывает вперед руку, прямее держит спину. Гитлер уходит со своего балкона только на рассвете.

Эйнштейн на Шпрее

Когда Берлин просыпается, на дворе уже новая эпоха. Карл, безработный обувщик, готовится к новому параду СА, на этот раз дневному. Фрау Шульц, с блестящими глазами, сидит за столом вместе со своими постояльцами, которые с аппетитом поглощают кофе, булочки с маслом и апельсиновым конфитюром, сосиски, нарезанные ломтиками, вареные яйца и сыр. Альберт Эйнштейн сегодня должен читать лекцию в Обществе имени императора Вильгельма. Но сперва он совершит вместе со своим другом Планком¹ (тоже ученым с

---

¹ Макс Планк (1858—1947) — немецкий физик-теоретик, президент Общества имени императора Вильгельма (созданное в 1911 г. объединение научно-исследовательских институтов), лауреат Нобелевской премии (1918); занимался теорией излучения, термодинамикой, теоретической физикой. (*Примеч. пер.*)

мировым именем) маленький ежедневный промена- над вдоль реки Шпрее в сопровождении своего бассета. В отеле «Адлон» облаченный в вышитую рубашу Хаас, берлинский Кокто, пишет письмо фрейлейн Карло, в которую безнадежно влюблен с 1924 года. Вилли, метрдотель, прозванный за свою необыкновенную осведомленность «берлинской газетой», рассказывает ему, что сегодня ночью какой-то еврей покончил с собой, бросившись под поезд эс-бана. «Наверняка это не из-за Гитлера, — откликается Хаас, — если только покойный не был пророком». Гаспар Невер у себя в мастерской демонстрирует английским любителям живописи свои афиши. Он указывает на одну из них, к «Трех- грошовой опере». «Может быть, очень скоро к этой афише добавят мрачную надпись: “Спектакль от- менен”», — говорит один англичанин, чтобы сбавить цену. На Тиргартенштрассе, 44 семья Грюн- фельда, владельца самых современных магазинов в Берлине, готовится к отъезду в Нью-Йорк. На вокзалах отдельные еврейские семьи уже стоят в очередях к кассам, торгующим билетами в Вену и Цюрих. «Это было время, когда они [нацисты] на- носили удар за ударом, устраивали свои парады и вели себя — при мощной поддержке своей прес- сы — с дерзостью и даже высокомерием», — ска- жет потом Стефан Цвейг.

Актеры, кабаре

В просторных студиях УФА¹ Пауль Лени, Фриц Ланг, Эрнст Лубитш² все еще работают с Полой Не-

---

¹ *Universum Film Aktiengesellschaft*, акционерное общество «Универсум-фильм».

² П. Лени — режиссер фильма «Кабинет восковых фигур» (1925), работал в стиле экспрессионизма; Ф. Ланг — режиссер фильмов «Усталая смерть» (1921) и «Нибелунги» (1923—1924); Э. Лубитш — режиссер исторических фильмов «Глаза мумии Ма» (1915), «Кармен» (1918), «Мадам Дюбарри» (1919), «Анна Болейн» (1920). (*Примеч. пер.*)

гри¹. Дитерле, Куртиц, Петер Лорре² — думают ли они уже о том, чтобы покинуть Берлин? Пабст, во всяком случае, пока остается: он будет ставить «Юную гитлерианку». Но и он уедет позднее, когда поссорится с Геббельсом. Конечно, ничто не решается в один день. Пола Уайтмана³ еще встречают овациями в Музыкальном обществе, а Шёнберга⁴ — в Прусской академии. На заводах электрического оборудования «Сименс» инженеры трудятся в мастерских, расписанных по эскизам Гропиуса⁵, а в Институте исследований Солнца Эрих Мендельсон, знаток старого Берлина, звонит по телефону Альбану Бергу⁶, создателю оперы «Воццек»:

— По мнению этих людей, развитие музыки оставалось на Вагнере, надо уезжать... Они наверняка запретят «Лулу»⁷.

— Эрих, я хорошо знаю их культурную политику: всё, что не является «народным», то есть германским, должно исчезнуть.

В «Нельсон-ревью», на Кудамме, специалисты по

---

¹ Актриса немого кино; после прихода нацистов к власти осталась работать в Германии. (*Примеч. пер.*)

² Вильгельм Дитерле — кинорежиссер; после прихода к власти нацистов эмигрировал. (*Примеч. пер.*)

Михаэль Куртиц (1888—1962) — немецкий кинорежиссер венгерского происхождения; эмигрировал в США.

Петер Лорре (Ласло Лёвенштейн) (1904—1964) — венгерский киноактер; прославился в роли ребенка-убийцы в фильме Ф. Ланга «М» (1931). С 1935 г. снимался в Голливуде. (*Примеч. пер.*)

³ Пол Уайтман (1890—1967) — американский музыкант, руководил джаз-оркестром и много сделал для популяризации джаза в Европе. Его называли «королем джаза». (*Примеч. пер.*)

⁴ Арнольд Шёнберг (1874—1951) — австрийский композитор, с 1925 г. жил в Берлине (с 1933 г. — в США), основоположник атональной музыки и додекафонии.

⁵ Вальтер Гропиус (1883—1969) — выдающийся немецкий архитектор, основоположник функционализма (стиль «баухауз»); в 1934 г. эмигрировал, работал в Великобритании и США. (*Примеч. пер.*)

⁶ Альбан Берг (1885—1935) — австрийский композитор-экспрессионист, создатель опер «Воццек» (1921) и «Лулу» (1935). (*Примеч. пер.*)

⁷ «Лулу» Пабста, как Луизой Брукс в главной роли, действительно была запрещена как образчик «иудейско-капиталистического декаданса». Но зато Гитлер сделает все возможное, чтобы вернуть в Германию Марлен Дитрих, к которой испытывает тайное влечение. Ему это не удастся.

страусовым перьям и блесткам готовят костюмы к вечернему спектаклю, под портретом Жозефины Бейкер¹. На афише изображены женщины в униформе, одетые в черное, марширующие, подобно китайским теням, за белым экраном. Единственное яркое пятно — сама рыжая примадонна, которая в действительности является мужчиной. Никто не сомневается в том, что уже сегодня вечером нацисты, «борясь за истинно немецкое искусство», ворвутся в зал и подвергнут директора кабаре суду линча под крики: «Смерть жидовствующим большевикам от культуры!»

Однако и в последующие дни далеко не все евреи убеждены в неизбежности катастрофы, хотя Геринг уже держит полицию в своих руках. А между тем Гинденбург слишком мягок и мало-помалу отдает всю полноту власти нацистам. Некоторые представители еврейской буржуазии кичатся тем, что, например, «оплачивают по цене бриллиантов» спектакль Пискатора², заканчивающийся пением «Интернационала», который артисты исполняют, подняв вверх сжатые кулаки. Стефан Цвейг, австро-еврейский писатель, анализирует, находясь в Вене, это состояние духа «не имеющих религии снобов, чьи резиденции украшены чувственными фресками работы Отто Дикса³ и мебелью в стиле “баухауз”». Согласно Цвейгу,

---

¹ Жозефина Бейкер (1906—1975) — американская негритянская танцовщица и певица. В 1925 г. приехала в Париж, выступала в «Негритянском ревю» и других мюзик-холлах, снималась в кино. С 1937 г. — гражданка Франции. Участница движения Сопротивления, после войны награждена военным крестом и орденом Почетного легиона. В 1950 г. основала в своем имении детский дом для детей разных национальностей. *(Примеч. пер.)*

² Эрвин Пискатор (1893—1966) — немецкий театральный режиссер, коммунист. Открыл в Берлине «Театр Пискатора» (работал в 1927—1932 гг., с перерывами). Был в числе первых режиссеров, осуществивших идею политического театра; вводил в спектакли кинохронику, фотомонтаж, разворачивал действие одновременно на нескольких площадках, использовал новые сценические конструкции — движущиеся дорожки и пр. Уехал из Германии накануне прихода к власти нацистов, работал в Москве, Париже, Нью-Йорке, с 1962 г. был художественным руководителем театра «Фрайе фольксбюне» в Западном Берлине.

³ Отто Дикс (1891—1969) — немецкий живописец и график, в 20-х гг. был связан с дадаизмом, экспрессионизмом и «новой вещественностью». *(Примеч. пер.)*

они сами навлекают на свой Вавилон разрушительный огонь. Цвейг, конечно, перегибает палку. В начале гитлеровской эры и так слишком много говорят о «еврейском космополитизме». На самом деле завсегда и «Белой мыши» и «Эльдорадо» — на девяносто процентов «чистые арийцы», такие, как Бригитта Хельм, Цара Леандер, Лилиан Харвей, Вилли Фрич. Упитанные, обнаженные берлинки, дерущиеся в грязи, или телефоны на столиках, которым обязано своей славой кабаре «Старый Берлин», — просто локальные достопримечательности для привлечения публики. Однако это уже не имеет значения. Гала-сеансы, на которых проститутки с хлыстами ищут себе добровольных жертв среди публики, вскоре, при новых хозяевах страны, сменятся куда более жестокими избиениями заключенных в тюрьмах. А «карнавальные» действия на «Эйфелевой башне» Берлина, *Funkturm*¹, вскоре будут происходить за настоящими стенами и ограждениями из колючей проволоки.

Дадаистское такси покидает Берлин

Пискатор бежит (без своего политического театра) в СССР, откуда вскоре уедет в Америку. Карикатурист Гросс², человек, которому в Берлине больше всего льстят и которого больше всего ненавидят, тоже приходит к выводу, что пора уносить ноги. Создатель «Красной группы», но, по мнению коммунистов, анархист и сноб, Гросс всегда был излюбленной мишенью для их нападок. Однако и он признает, что имеются

---

¹ Радиобашня (нем.). (Примеч. пер.)

² Георг Гросс (настоящее имя Георг Эренфрид) (1893—1959) — немецкий график и живописец, член коммунистической партии (с 1918 г.). В 1924 г. организовал «Красную группу» художников, с 1928 г. — член Ассоциации революционных художников Германии. Некоторое время примыкал к дадаизму и экспрессионизму. Широкую известность получили его графические циклы «Лицо господствующего класса» (1921), «Се человек» (1922), «Расплата следует!» (1922—1923), «Новое лицо господствующего класса» (1930) и работа «Се человек», где распятый Христос изображен в противогазе и армейских башмаках. В 1932 г. эмигрировал в США. (Примеч. пер.)

разные уровни опасности. Предложенная им формула *Consiscamus discrepantes* («Придемте к согласию, несмотря на различия между нами») явно запоздала. И вот он уезжает, со своей дадаистской швейной машинкой и с дорожными сумками, набитыми старыми денежными купюрами, которые обесценились уже десять лет назад. Автор берлинского «Сатирикона» в последний раз называет таксисту адрес вокзала. Таксист, узнав своего пассажира, спрашивает:

— В какую страну направляетесь, герр Гросс?

— Туда, где не правит человек в габардиновом пальто и с маленькими усиками.

— Вскоре он будет повсюду, — бормочет сквозь зубы шофер.

В «Романском кафе»

Больше не появится в «Романском кафе», охраняемом карликом в униформе, некий господин Гросс, в ковбойских джинсах (уже тогда) или в своем обычном виде, похожий на лондонского банкира, в котелке и со сложенным зонтиком. Однако в начале гитлеровской революции в это кафе, с его бархатными драпировками, зеркалами и золотыми украшениями, просторным дверным тамбуром, уютными укромными уголками и цветами на столах, все еще приходят постоянные клиенты, чтобы обсудить последние новости. Это заведение все еще остается интеллектуальным центром Берлина. Издатели, поэты, художники, драматурги, актеры любят собираться здесь, вдали от жалкого мира рабочих, от плохо застроенных улиц, по которым враскачку едут старые трамваи, от бочек с селедками среди питейных заведений и облупившихся домов безработных. Конечно, кафе расположено в центре столицы, но при этом в стороне от роскошных особняков Груневальда, от отеля «Эксцельсиор», соединенного мраморными переходами с самым большим вокзалом города; в стороне от Зигесалее (на берлинском аргоне так называют улицу Сеньоров) и садов в районе Тиргар-

тен, где сидят няни с детьми и где можно совершать конные прогулки. «Романское кафе» не похоже и на аналогичные заведения на Александерплац, где один гарнир из кислой капусты стоит две марки. Это особый, закрытый мир, примостившийся на краю берлинской площади Пигаль, расцвеченной яркими вывесками и напоминающей по своей атмосфере одновременно Монмартр двадцатых годов и Сен-Жермен-де-Пре пятидесятых. Здесь ищут прибежища, как на острове; сюда приходят, чтобы увидеть Роду, своего рода героиню сюрреализма, женскую ипостась Гросса, исполнительницу песенок о влюбленных монахинях. За одним из столиков, в 1933 году, еще скромно сидит с бокалом коктейля «шерри-коблер» красивая популярная актриса Марго Лион. К ней, смущаясь, подходят два юных штурмовика. Марго обращается к ним со словами из своей любимой песни: «Вы символы страсти или жертвы моды?» Один из штурмовиков, светский молодой человек с голубыми глазами, отвечает ей в тон строкой из стихотворения Курта Швитера «Цветы Анны»: «О, я люблю вас всеми моими двадцатью семью чувствами, я весь пронизан любовью»... Берлин в первый год нацистского правления еще остается двойственным, двусмысленным. Очень скоро начнутся карательные рейды штурмовиков. Однако «Романское кафе» вновь ненадолго обретет спокойствие (несмотря на переломанную мебель) после «Ночи длинных ножей».

Йо-йо, Блошинный рынок, мальчишки для развлечений

Виртуозы игры с йо-йо¹ выступают в «Адлоне», демонстрируют свой талант. Постоянные клиенты отеля в восторге. Один японский мим на лестничной клетке показывает номер «прогулка собаки на поводке». Все вокруг упражняются в обращении с триумфально шествующим по миру йо-йо. В полутемном баре двое бизнесменов из Дюссельдорфа обсуждают,

---

¹ Игрушка: волчок на веревочке. (Примеч. пер.)

как им лучше провести свои зимние берлинские каникулы. Они присоединяются к двум подвыпившим матросам, заказывают у портъе такси и едут на Блошиный рынок, на Ноллендорфплац. Позднее, в одном злачном заведении на Кудамме, они выбирают себе мальчиков для развлечений с грубо подкрашенными косметикой лицами — школьников, которые хотят заработать несколько марок. До рассвета в комнатах борделя не смолкают взрывы смеха, бессвязное кудахтанье. По обледеневшей улице проезжает грузовик СА. На сей раз он не останавливается у подъезда. Все испуганы — от атлетического вида охранников до клиентов. Однако здесь нет ни коммунистов, ни евреев, которые могли бы стать для штурмовиков достойными козлами отпущения.

В Советском посольстве

В посольстве СССР беседуют о Гитлере. Немецкий барон, полковник рейхсвера, одетый в штатское, поднимается на лифте в маленький салон, украшенный фотографиями Ленина и Сталина. Этот юнкер, бывший член «Стального шлема», чувствует себя вполне непринужденно, когда советский посол склоняется перед ним в поклоне. Беседы между немецкими офицерами и сотрудниками русского посольства происходят регулярно. Эти контакты соответствуют традиции тайных взаимоотношений между двумя странами, поддерживаемых, несмотря на различия в идеологии. Сегодня двое собеседников делятся своим недовольством по поводу усиления СА, численность которой уже достигла трех миллионов человек. Русский говорит полковнику, что социал-демократы, христиане, национальные меньшинства и офицеры монархической армии в скором времени будут «окончательно» уничтожены нацистами. Немец, со своей стороны, представляет доказательства того, что последние уже готовы к провокациям против левых. СА и Геринг, ныне действующие «в тандеме», собираются обвинить берлинских коммунистов

в поджоге рейхстага, который сами же и устроят. Ре-му и Герингу важно скомпрометировать Коминтерн. Немецкий офицер разворачивает на столе карту и показывает, где находится тайный подземный ход, соединяющий здание парламента с домом Германа Геринга. По этому ходу и пройдут штурмовики-поджигатели. Эта акция как-то связана с недавним разгромом «Дома Карла Либкнехта», штаб-квартиры немецких коммунистов. Ее предполагается осуществить сегодня же вечером, 28 февраля. Полковник, которого провожает посол, спускается на лифте вниз.

Рейхстаг горит

Паризерплац. Посол Франции Андре Франсуа-Понсе открывает обед, на котором присутствуют 12 гостей. Министр финансов (не нацист) Шверин фон Крозиг сидит справа от супруги посла. Посол как раз приступает к рагу из окорока кабана, убитого в охотничьих угодьях Геринга, когда мажордом передает ему лапидарную записку: «Рейхстаг горит». Он поднимается и подходит к окну, из которого виден купол парламента. Стеклоанный купол сейчас весь охвачен алым пламенем, «как будто в нем зажгли бенгальские огни», как напишет потом Франсуа-Понсе. Посол сообщает эту новость своим гостям. Они настолько поражены неожиданным известием, что на какое-то время теряют дар речи. Только министр финансов вскрикивает, охваченный странным порывом радости: «*Gott sei Dank!*» («Слава богу!»)

Берлинские пожарные суетятся вокруг гигантского костра и наконец проникают в здание. Они обнаруживают около двадцати очагов возгорания — в большом зале, в буфете, в залах заседания комиссий. Кто-то облил бензином шторы, старую деревянную обшивку стен. «Это преступление было подготовлено очень многочисленной группой», — утверждает шеф пожарных. Полицейские хватают человека с блуждающим взглядом, который имеет

при себе документы на имя Маринуса ван дер Люббе¹. Он действительно кажется пережившим какое-то сильное потрясение.

В синагоге

Многочисленные евреи собираются в своих синагогах. После службы они горячо обсуждают начавшуюся «охоту на коммунистов». «Они атеисты, с ними поступили правильно». — «Рема рано или поздно отстранят от дел, и тогда консервативные правые вновь придут к власти». — «Я не верю, что нацисты возьмут под свой контроль прессу, книжные издательства, кино». — «Да что они вообще смогут сделать без нас: в наших руках банки, коммерция, всё», — говорит толстый торговец мужскими сорочками, который только что заключил с Ремом сказочно выгодный контракт на поставку коричневых рубашек и отказал в каком бы то ни было кредите социалистам, хотевшим одеть в «зеленое» свою милицию. Один из друзей упрекает его: «Ты еще об этом пожалеешь, когда увидишь перед нашей синагогой плотную толпу с красными знаменами. Эти люди ненавидят нас, не могут спокойно смотреть, как мы выходим из своих «Мерседесов» в шубах и складных цилиндрах. Я не удивлюсь, если те, кто сегодня несет плакаты «Мы голодаем», завтра присоединятся к нацистам!» Здесь, у синагоги, все чувствуют и знают, что совершили ряд ошибок. Однако даже самые неисправимые пессимисты не могут вообразить, что ожидает в ближайшем будущем израильскую общину Берлина. Евреи полагаются — впрочем, без большой веры — на гарантии безопасности, которые Гитлер обещал предоставить «всем» церквам. Какой-то человек с большой бородой размахивает газетой от 5 февраля 1933 года, в которой Адольф Гитлер обращается с прось-

---

¹ Маринус ван дер Люббе (1909—1934) — безработный голландец, принадлежавший в прошлом к одной из коммунистических организаций. В момент ареста, видимо, находился в состоянии наркотического опьянения. (*Примеч. пер.*)

бой о сотрудничестве к духовным лицам всех вероисповеданий. Непонятно только, можно ли отнести к числу этих «духовных лиц» и раввинов. Раздаются голоса: «С ним (Гитлером) необходимо вступить в переговоры». В конце концов, разве не было благодарственной службы *Te Deum*¹, во время которой знамена со свастиками склонялись перед католическими священниками? То же самое происходило и в Мариенкирхе (церкви Святой Марии), и в соборе Святой Хедвиги, где католики получили те же гарантии. Не планируется ли в скором времени заключение конкордата с Ватиканом? «Несмотря на нашу тревогу и на зверства СА, — вмешивается в разговор некий раввин, — мы не можем не признать, что до сих пор к нашим синагогам относились с уважением».

Время пиromanов

Пройдет довольно много времени, прежде чем суд в Лейпциге установит факт невиновности берлинских депутатов-коммунистов и Георгия Димитрова. Никто из посторонних не присутствовал на тайной казни «анархиста» ван дер Люббе. Его тело даже не выдали его семье. Крузе, ординарец Рема, на Нюрнбергском процессе подтвердит, что поджог рейхстага был осуществлен 23 членами штурмовых бригад по поручению Рема, одобренному Герингом. Все эти люди будут расстреляны 30 июня 1934 года за исключением самого Крузе, которому удастся бежать в Швейцарию и которого будет искать гестапо. Крузе добавит к своим показаниям, что Рем шантажировал Гитлера, угрожая сделать достоянием гласности обстоятельства этого дела, что и послужило истинной причиной его, Рема, гибели. Посол Франции не верил в мрачный фарс, поставленный новой властью. Он отмечал в своем дневнике, что пожар рейхстага, как и «Ночь длинных ножей», всегда оставался для Гитлера табуированной темой. Геринг, напротив, хо-

---

¹ «Тебя, Боже, славим...» (католическая молитва). (Примеч. пер.)

тя и отрицал факт своего участия в поджоге, втайне настолько им гордился, что в его устах само опровержение этого факта звучало чуть ли не как признание: «Нерона и меня ложно обвиняли в поджоге соответственно Рима и рейхстага. На самом деле Рим сожгли христиане, а рейхстаг — коммунисты». Геринг возмущался сожжением огромного количества книг «антигерманской направленности», организованным на сей раз без всякой маскировки и «козлов отпущения», по поручению Геббельса, одной майской ночью на площади Оперы. Двигала ли им зависть? Или предусмотрительность? Не следует забывать, что Геринг и Геббельс были соперниками. Аутодафе не понравилось берлинцам. Геринг же был хотя и тщеславен, но очень осторожен. Тучный Геринг пользовался популярностью. Он охотно представлял в обличье храброго, добродушного человека, в некоторых случаях — и защитника евреев. В 1941 году, когда его Люфтваффе будет бомбить Лондон и там начнутся пожары, он поставит это себе в заслугу. Но когда, после 1943 года, настанет черед Берлина испытать те же невзгоды, Геринг окажется как бы ни при чем.

Нацистское «государство благоденствия»

Берлинцы, как и все 65 миллионов немцев, в 1934 году в большинстве своем проголосовали за нацистов. Они приветствовали передачу Гитлеру всей полноты власти, едва завуалированную «высылку» Гинденбурга в его поместья, «ликвидацию» социал-демократов и коммунистов. Берлинцы сейчас намерены следовать за лидерами нацистов и одно за другим принимают все их нововведения: возрождение рейхсвера, СА, СС, Германский трудовой фронт¹, общест-

---

¹ Германский трудовой фронт был создан в мае 1933 г. по инициативе Гитлера; он должен был заменить профсоюзы Веймарской республики. Председателем ГТФ в ранге рейхслейтера был назначен заведующий организационным отделом НСДАП Роберт Лей. (Примеч. пер.)

венные работы, «Силу через радость»¹, «Зимнюю помощь». Пока дела идут хорошо, рабочие, крестьяне, промышленники, офицеры, служащие — словом, абсолютно все — удовлетворены режимом, который обещает ликвидацию безработицы, беспорядка, коррупции, инфляции и которому удалось, по крайней мере, выполнить свои обещания относительно безработицы, не затронув интересы богатых! Договор «О дружбе и нейтралитете между Германией и СССР»², «Ось» никого больше не интересуют. И напротив, аншлюс (присоединение Австрии к рейху) льстит самолюбию немцев, а подписание четырехстороннего пакта³ укрепляет их уверенность в будущем. Умело культивируемая ксенофобия постепенно превращается в ров, отделяющий «германское гетто» от остального мира. Конечно, никто не испытывает особой любви к гестапо⁴, государственной тайной полиции, или к СД, службе безопасности, которую уже начинают бояться. Однако надписи: «Свободу Тельману!»⁵ мало-помалу начинают исчезать со стен предместий. Олимпийские игры, праздники на стадионах, пучки света в ночном небе, факельные шествия — всё это очаровывает сердца берлинцев, кото-

---

¹ «Сила через радость» («*Kraft durch Freude*») — национал-социалистская организация в составе Германского трудового фронта; занималась вопросами досуга, отдыха, развлечений, туризма рабочих. (Примеч. пер.)

² Заключен 24 апреля 1926 г. в Берлине. (Примеч. пер.)

³ 15 июля 1933 г. был подписан пакт между Великобританией, Францией, Италией и Германией. (Примеч. пер.)

⁴ *Gestapo: Geheime Staatspolizei* — тайная государственная полиция Третьего рейха, предназначавшаяся для борьбы с инакомыслящими и противниками нацистского режима; была создана декретом Геринга от 26 апреля 1933 г. До 1936 г. подчинялась лично Герингу; его заместителем был назначен Рудольф Дильс. В 1936 г. имперским руководителем гестапо стал Генрих Гиммлер.

SD: Sicherheitsdienst — нацистская секретная служба безопасности. Сформирована в марте 1934 г., первоначально с целью обеспечения безопасности Гитлера и нацистского руководства. Теоретически находилась в ведении министра внутренних дел Фрика, но на практике подчинялась Гейдриху и Гиммлеру.

⁵ Эрнст Тельман (1886—1944) — лидер немецких коммунистов, в 1932 г. баллотировался на пост президента Германии. Через несколько дней после поджога рейхстага был арестован и в дальнейшем содержался в различных тюрьмах и лагерях. Был расстрелян в августе 1944 г. по прямому указанию Гитлера. (Примеч. пер.)

рые сразу же оценили (правда, не осознав, с какими тайными намерениями это делается) возвращение к классицизму в культуре. Национальная столица, *die Hauptstadt*, вскоре будет преобразена архитектурными творениями самого противоречивого из нацистских деятелей искусства — Шпеера. Но это не вызовет сопротивления ни у кого, кроме немногих рафинированных знатоков. В Пруссии любят казармы, и берлинцы будут довольны жизнью до тех пор, пока не исчезнет масло. Они начнут проявлять беспокойство, только когда разразится война с сопровождающими ее ужасами. Но прежде им предстоит испытать огромное облегчение, смешанное с некоторой долей страха, во время «Ночи длинных ножей».

СС против СА, схватка в аду

Гитлер возвращается из Венеции, где Муссолини унизил его, бросив презрительную фразу: «Сначала наведите порядок в своем доме!»

Уже прибыв в Германию, он вновь и вновь с раздражением обдумывает этот совет, прозрачно намекающий на Рема. Может ли быть, что посольство Италии в Берлине располагает информацией о заговоре СА, направленном лично против него, Гитлера? Если это так, то лучше всего нанести удар первым. Предварительно приняв необходимые меры предосторожности. Вместо того чтобы сразу лететь в Берлин, Гитлер встречается с промышленником Густавом Круппом, который, как и Фриц Тиссен («стальной король»), жалуется на незаинтересованность рабочих в своем труде, неблагоприятно сказывающуюся на производстве.

— Виноваты в этом штурмовики, — утверждает Крупп. — Эти люди хотят ввести своего рода большевизм — с сапогами, но без мозгов, — который прельщает многих.

— Уверяю вас, — отвечает ему Гитлер, — что уже завтра штурмовые бригады будут ликвидированы.

Гитлер очень любит своего «товарища» Рема, но тот явно становится обременительным. Не так-то легко

контролировать этого человека, «равного» ему, фюреру, подлинного (в отличие от Гитлера) героя сражений. Наконец, если бы перечисленных причин было недостаточно, следовало бы подумать и о единодушной неприязни к Рему и к СА немецких офицеров. Военные требуют чистки. Гитлер рискует тем, что окажется между СА и армией, как между молотом и наковальней. Итак, он принял решение — во имя государственных интересов, в данном случае совпадающих с его собственными. Он вызывает Ганса Баура¹, своего личного пилота, поднимается с ним в свой «Юнкерс-52» и приказывает взять курс на Мюнхен. Сидя рядом с Бауром в кресле второго пилота, Гитлер, стиснув зубы, вглядывается в черное небо. Потом он листает досье, которое подготовили в Берлине Геринг (уже играющий против Рема, своего вчерашнего союзника) и Гиммлер, — досье о фактах насилия, жестокости, лихоимства и, главным образом, о «дебошах» своего старого товарища. О гомосексуальных наклонностях Рема Гитлер знал всегда. Он ненавидел эту «аномалию». Но покрывал ее, пока это было возможно. По словам Франка, будущего палача Польши, Гитлер однажды даже сказал своему лучшему «другу»: «Разве я должен перестать любить Вагнера лишь из-за того, что он спал с Людвигом Баварским?» Но это было вчера. Сегодня Гитлеру нужно удовлетворить финансовых и индустриальных воротил, армию, Круппа, Тиссена, — удовлетворить, положив конец террору СА посредством убийств и репрессий. Тем более что Геринг и Гиммлер, а вслед за ними и Гейдрих, говорят — или это дезинформация? — о каком-то путче, который якобы готовится против него.

В Мюнхене к Гитлеру присоединяется мертвенно-бледный Геббельс, втайне сочувствующий СА, которого фюрер хочет привлечь к операции, чтобы замарать

---

¹ Ганс Баур (1897 — после 1955) — личный пилот Гитлера (с 1932 по 1945 г.), генерал-лейтенант авиации. Пользовался расположением Гитлера, которого сопровождал во всех поездках. В апреле-мае 1945 г. постоянно находился в бункере фюрера. Был взят в плен советскими войсками и вывезен в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме. После 1950 г. находился в лагерях. В 1955 г. был передан властям ФРГ и освобожден. (*Примеч. пер.*)

и тем прочнее привязать к себе. В сопровождении небольшого отряда СС Гитлер отправляется на озеро¹, где Рем проводит ночь с близкими ему людьми в маленьком отеле. Шеф СА уверен, что на следующий день состоится его «рандеву» с фюрером, во время которого они раз и навсегда придут к соглашению по поводу будущих перспектив «коричневой революции». Рем поражен, видя Гитлера у своих дверей и слыша его крики². Тем временем эсэсовцы Гимmlера проникают в отель, убивают или захватывают в плен штурмовиков. Гитлер бросает халат на обнаженное тело Рема и командует ему: «Одевайся!» Рема заталкивают в муниципальный автобус, реквизированный у местных властей, угрожая ему пистолетом. Его вместе с несколькими преданными ему людьми доставляют в тюрьму Штадельхейма. В Баварии офицеры СС хватают одного за другим шефов штурмовых бригад, которые съехались сюда со всей Германии в ожидании нового союза двух лидеров страны, который, как они предполагали, должен был быть заключен на следующий день. Штурмовики умирают на тюремном дворе, так и не успев осознать, что, собственно, происходит. Эсэсовцы обезглавили СА, организацию, в тысячу раз более могущественную, чем они сами. Важных лиц убивают; тех, кто попроще, отпускают. Рема оставили напоследок. Ему дают револьвер. Он говорит: «Пусть Адольф сам придет и сделает эту работу!» Он не стреляет ни в себя, ни в двух эсэсовцев в черной фор-

---

¹ В городок Бад-Висзее на берегу озера Тегернзее, где намечалось устроить банкет для руководителей групп СА по поводу ухода всего личного состава СА в месячный отпуск. (*Примеч. пер.*)

² Первым человеком, встретившимся Гитлеру в отеле, был юный граф фон Шпрети, адъютант Рема, известный своей исключительной красотой. Гитлер ударил его по лицу своим хлыстом из кожи гишпопотама и передал эсэсовцам, а затем ринулся в комнату Рема, который спал. В это время в соседней комнате был обнаружен друг Рема, обергруппенфюрер Хейнес, со своим шофером, которого Геббельс назвал «мальчиком для радостей». Хейнес попытался защищаться, поэтому оба были убиты прямо в постели. Отряд СА, прибывший сменить караул, был разоружен без единого выстрела. Вся операция закончилась за несколько минут. Мнимый разговор Рема впоследствии назовут «заговором засонь». О событиях «Ночи длинных ножей» подробнее см.: Дел а р ю . История гестапо. Смоленск, 1998. С. 155–175. (*Примеч. пер.*)

ме, которые входят в камеру, чтобы его прикончить. «В этой авантюрной истории, достойной Тацита, — скажет Канарис позднее, уже будучи главой секретных служб армии (абвера), — еще сосуществовали два Цезаря, один из которых перешел Рубикон. (Гитлер), а второй прикрылся своей тогой перед лицом убийц (Рем)!»

Резня в Берлине

После убийства Рема волна убийств прокатилась по всей Германии и по столице. Резня продолжалась с 30 июня по 2 июля 1934 года. Генерал берлинского отделения СА был расстрелян вместе с другими высокопоставленными лицами на плацу для экзекуций военной школы в Лихтерфельде, в южном пригороде. Берлинцы могли слышать залпы, которые звучали безостановочно. Эсэсовцы стреляли в штурмовиков с расстояния пяти метров. Арестованные, которых подвозили со всех сторон, сразу же по прибытии становились в очередь на смерть. На улицах пешеходы растерянно молчали. Они видели, как грузовики СС курсируют по городу, заполненные людьми с блуждающим взглядом и осунувшимися лицами, на этот раз без коричневой униформы. Никто не мог спать. В своем кабинете на Принц-Альбрехт-штрассе¹ Гейдрих безостановочно говорит по телефону. Он поддерживает связь с казармами, в которых производятся расстрелы. Синим карандашом методически делает пометки в списках имен, которые сам составил. Те, кого ведут на расстрел, кричат, рыдают, ругаются, пытаются плюнуть в лица своих бывших товарищей, орут: «Хайль Гитлер!» Трупы сваливают в кучи; потом наступает черед новых жертв; стены красны от крови, земля пропитана ею. Грегор Штрассер тоже казнен, хотя его дети — крестники фюрера. На западе Берлина, в жилом квартале Ной-Бабельсберг, бывший рейхсканцлер фон Шлейхер, сидя в гостиной со своей женой, слушает радио. «Вдруг звонят в дверь,

---

¹ В штаб-квартире гестапо. (Примеч. пер.)

мы открываем, на пороге — какие-то люди с лицами, закрытыми шерстяными платками, они расстреливают из автомата господ и сразу уезжают на своей машине, у которой не был выключен мотор», — расскажет потом горничная, которая спаслась, спрятавшись в платяном шкафу. Расправляются и с генералом фон Дредовом — просто потому, что у него хранились компрометирующие Гитлера бумаги. Ликвидировав поджигателей рейхстага, убийцы, не найдя фон Папена в его берлинском особняке, перерывают ящики его письменного стола, расстреливают его секретаря и его друзей — фон Бозе и Клаузенера¹. Сам фон Папен, хитрый лис, вовремя бежал к Гинденбургу в Восточную Пруссию. Он вернется оттуда позднее с вездесущим Отто Мейснером, чтобы передать Гитлеру поздравления старого фельдмаршала, смысл которых сводился к тому, что фюрер спас Германию².

В ходе этой операции, которая так удалась Гейдриху, исчезнут и те «литературные негры», которые в действительности написали «Майн кампф»³, и сотни других неудобных свидетелей. Гитлер будет отсутствовать до 2 июля — он слишком чувствителен, чтобы выносить запах бойни. Он не желает слышать жалобы казнимых, ругань палачей, мольбы женщин, выпрашивающих пощаду для своих мужей. Когда он вернется в Берлин, его большой «Юнкерс» тяжело приземлится в аэропорту «Темпельхоф». Горизонт затянут темными тучами, и у красной ковровой дорожки его ждут почти исключительно сотрудники штаба гестапо и СС. Гитлер идет им навстречу пошатываясь. «Он, бедняжка, не спал ни одной минуты в течение

---

¹ Оберрегирунгсрат фон Бозе был начальником приемной фон Папена (где его и застрелили), Клаузенер — директором министерства связи и главой организации «Католическое действие». (Примеч. пер.)

² Гинденбург прислал Гитлеру телеграмму следующего содержания: «На основе только что полученных отчетов я убедился, что благодаря вашей решимости и вашей личной храбрости вам удалось задушить в зародыше происки изменников. Я выражаю вам этой телеграммой мою глубокую признательность и искреннюю благодарность. Примите уверения в моих лучших чувствах». Цит. по: Деларю. История гестапо. С. 172. (Примеч. пер.)

³ «Моя борьба» — программное сочинение Гитлера.

нескольких суток», — расскажет Ева Браун своей подруге. Гейдрих держит помятую тетрадь с именами людей, казненных в столице. Гизевиус¹ отмечает, что «пальцы фюрера дрожат, когда он медленно перебирает эти листы. Порой он останавливается на каком-то имени с выражением волнения или гнева на лице или даже отшатывается назад всем корпусом». «Наконец кортеж трогается с места, — пишет этот свидетель и добавляет: — Пафос разворачивавшейся передо мной сцены, мрачные лица, пурпурно-красное небо, как в опере Вагнера, — это было больше, чем я мог вынести». Так исчезли первые соратники Гитлера. Их смерть стала ценой за те соглашения, которые Гитлер вскоре заключит с баронами Рура, которым отныне ничто не помешает обеспечивать перевооружение Германии. Это была также плата генералу фон Бломбергу, министру рейхсвера. Казни подверглись только те генералы и либеральные аристократы, которые не интересовали генеральный штаб или даже были чем-то неудобны для него. Главнокомандующий фон Бломберг опубликовал в официальной газете НСДАП, «Фёлькишер беобахтер», свою статью, в которой, в частности, писал: «Поскольку существует лишь одна партия, отождествившая себя с государством, армия является национал-социалистской и поддерживает этот режим!»

Итак, Гитлер лишился своих первых соратников, штурмовиков, но его уже защищают черные эсэсовцы и вермахт², который наконец поверил, что пришел час его реванша.

---

¹ Ханс Бернд Гизевиус (1904—1974) — немецкий дипломат и писатель. Начал дипломатическую службу в 1933 г., занимал разные посты в министерстве иностранных дел. Был вовлечен в несколько заговоров против Гитлера. С 1940 по 1944 г. был вице-консулом в Цюрихе и после провала июльского заговора 1944 г. остался в Швейцарии. Выступал в качестве одного из главных свидетелей обвинения на Нюрнбергском процессе. После войны жил в США, Западном Берлине, Швейцарии, Западной Германии, описал в своих мемуарах ведущих деятелей Третьего рейха и попытки устранить Гитлера. (*Примеч. пер.*)

² На следующий день после «Ночи длинных ножей» германская армия перешла под контроль национал-социалистов; внешне это выразилось в том, что в армии стало обязательным нацистское приветствие, и в переименовании рейхсвера в вермахт.

АПОФЕОЗ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

«Германия и Берлин уже на пути к могуществу и славе», — говорит генералу фон Бломбергу бывший ефрейтор, комплексующий по поводу того, что является представителем южной ветви немецкой нации, и колеблющийся между «реальной политикой» в духе Бисмарка и безумием, которое подстегивает его, подобно духу мщеника; а еще он находится под влиянием интеллектуальных лидеров СС и Геббельса, который останется рядом с ним до последней минуты, — этого виртуоза «дезинформации», достойного ученика Бисмарка (некогда использовавшего эмсскую депешу¹ как средство для усиления собственной власти и приближения войны). Однако, прежде чем попытаться «дезинформировать» народ, нужно завоевать его симпатии; и Гитлер довольно талантливо будет играть своей способностью лгать и в то же время учитывать (по крайней

¹ Эмсская депеша — телеграмма от 13 июня 1870 г. с изложением беседы между королем Пруссии Вильгельмом I и французским посланником В. Бенедетти по вопросу о замещении вакантного испанского престола, посланная из Эмса советником прусского министерства иностранных дел канцлеру О. Бисмарку. Бисмарк путем сокращения и произвольного редактирования текста придал сообщению провокационный и оскорбительный для французского правительства характер. В таком виде текст был передан в печать, что послужило поводом для объявления Наполеоном II войны Пруссии (19 июня 1870 г.). (*Примеч. пер.*)

мере вначале) элементарные потребности необразованных масс. Так что только в 1938 году или даже позже берлинцы, этот железный наконечник немецкого копья, начнут сомневаться в Гитлере. А в 1934 году те же берлинцы еще уверены, что делами их государства неусыпно занимается один человек, опирающийся на преданных ему исполнителей, честность которых не вызывает никаких подозрений. Люди, «влюбленные в своего кумира» (Гесс), видят свой единственный шанс на достойную жизнь в том, чтобы ими управлял идеолог, верный своей доктрине и своим обещаниям. Эмпиризм Гитлера, свойственное ему тактическое и стратегическое чутье, его «вдохновенность», которая очаровывает его близких и даже военных, не перестающих удивляться этому «ясновидцу, который всегда оказывается прав» в спорах с ними (так, по крайней мере, будет до «битвы за Англию»), — все это в значительной степени привлекает и среднего немца, среднего берлинца. Рядовые граждане полагаются на фюрера слепо, не рассуждая! Города и деревни, фермы и заводы — ничто не ускользает от его бдительного ока. С недавних пор, когда Гинденбург скончался в Нойдеке, все и вся должны подчиняться его, Гитлера, железной воле, его тоталитарной дисциплине. Всем, и прежде всего молодежи, он предлагает сейчас волнующую авантюру. Рабочие и служащие вновь получают работу, снова открываются военные заводы, буржуазия чувствует себя удовлетворенной — как и армия, как и старая аристократия, по настоянию которой фюрер пожертвовал штурмовиками. Молодые счастливы тем, что им предложили некую цель. Сегодняшний день — время надежды. Завтра начнется борьба за «жизненное пространство». Но уже сейчас создается прекрасная армия, в небо взмывают самолеты военно-воздушного флота (Люфтваффе), на воду спускают корабли, похожие на великолепные игрушки. Здоровая жизнь, спорт, парады, демонстрации, факельные шествия — молодежь беззаботно радуется всему этому. А еще немцам предстоит увидеть Олимпийские игры, этот величайший праздник, — прежде чем придет война с ее разочарованиями.

Незадолго до открытия великого спортивного праздника Гейдрих становится начальником государственной службы безопасности (СД)¹, а Канарис — новым начальником армейской разведывательной службы (абвера). Получив назначение 2 января 1935 года, маленький адмирал (рост — 1 м 60 см, возраст — 48 лет, волосы с проседью, глаза голубые) сразу же начинает обустраиваться в служебном помещении, которое называет своей «лисьей норой». Не чувствуя себя счастливым с женой и дочерьми в своей очень скромной квартирке на Доллештрассе, он часто спит на диване в должностном кабинете на набережной Тирпиц-уфер, повернувшись лицом к макету крейсера «Дрезден»². Этот вечно усталый человек, в котором нет ничего от прусской жесткой самодисциплины, нередко зевает даже во время сдачи рапорта. Все свои тайны и секретные сведения, касающиеся организации его ведомства, он хранит не на бумаге, а в памяти. Добровольный молчаливый, он сформировал себя как личность, взяв за образцы знаменитых шпионов императора Вильгельма II. Этот националист, совсем не похожий на Рема, был не единственным, кто втайне сочувствовал штурмовикам и боялся за свою жизнь в «Ночь длинных ножей». Однако он всегда превосходно владел искусством притворяться. Он умеет слушать Гитлера, как никто другой, и даже лучше, чем Гейдрих. Последний, кого Эрика, жена Канариса, называет за глаза «белокурой бестией», иногда приходит в дом адмирала со своей супругой, Линой Гейдрих, чтобы сыграть вместе с хозяевами квартет Баха или

---

¹ 17 июня 1936 г. (Примеч. пер.)

² В Первую мировую войну Фридрих Вильгельм Канарис (1887—1945) служил вахтенным начальником на малом крейсере «Дрезден», который участвовал в военных действиях в Южной Атлантике. В 1915 г. корабль был интернирован чилийскими властями, а потом неожиданно атакован английской эскадрой и после тяжелого боя затоплен командой. Канарис бежал из лагеря для интернированных, перебрался через Кордильеры в Аргентину и оттуда вернулся в Германию. (Примеч. пер.)

Бетховена¹. Алжирец Мохамед, верный слуга Канариса, который в такие вечера подает кофе, немного побаивается «красавчика» Рейнгарда. Вынужденный работать в сотрудничестве со своим старшим по возрасту коллегой, Гейдрих всю жизнь «чувствует», не будучи в состоянии этого доказать, что Канарис «шпионит не в пользу Гитлера». Фюрер же, не обладая таким тонким чутьем, сохранит веру в свое «орудие» (Канариса) почти до самого конца. Все высокие политики, не отваживаясь прямо об этом говорить, догадываются, что Вильгельм Канарис замешан в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург². Он также помогал элитным штурмовым отрядам в тайном уничтожении коммунистов и социал-демократов. В последнее время Гейдрих подогревает антисемитизм Гитлера, но Канарис его в этом не поддерживает. Адмирал рекрутирует для абвера лучших агентов именно среди евреев — это несомненно. Гейдрих все время подкапывается под армию, Канарис же ее защищает. Канарису удастся добиться того, чтобы один из членов «Оси», Франко, вступил в переговоры с Черчиллем, с Папой; Гейдрих провоцирует чистки в Красной армии, способствует заключению германосоветского пакта, разрабатывает план операции «Барбаросса» (план вторжения в Россию), ставит своей конечной целью расширение «жизненного

---

¹ Рейнгард Гейдрих (1904—1942) родился в Галле, в семье директора консерватории, получил прекрасное образование, был одним из лучших в Германии фехтовальщиков, великолепно играл на скрипке. Вместе с тем он был человеком сексуально неуравновешенным, любил организовывать ночные экспедиции в зланные места с несколькими наиболее близкими друзьями, подбирал в притонах проституток, готовых на любые извращения. Этот опыт пригодится ему для создания в Берлине «Салона Китти» — элитарного дома свиданий для высокопоставленных нацистских функционеров и иностранных дипломатов, в котором гестапо установит специальную звукозаписывающую аппаратуру и который станет очень ценным источником информации. Гейдрих отличался абсолютной жестокостью и внушал страх даже самым безжалостным палачам гестапо. О личности Гейдриха см.: Деларю. История гестапо. С. 135—141, 184. (*Примеч. пер.*)

² В апреле 1919 г. он же был назначен членом военно-полевого суда над участниками этого убийства, а потом организовал побег осужденных и даже был за это арестован, но смог доказать свою невиновность. (*Примеч. пер.*)

пространства». Канарис имеет свой план создания «Великой Германии», Гейдрих же думает о технических деталях функционирования *мировой империи*, которая не пощадит ни латинян, ни англосаксонцев, никого. Гитлер верит, что сможет заставить двух этих «феноменальных экземпляров» плодотворно сотрудничать. И действительно, они встречаются семьями, а по утрам даже скачут галопом, бок о бок, по аллеям Тиргартена. Объединившись против всех остальных — Геринга, Геббельса, а потом и Риббентропа, который внедрит собственную агентуру в ряды СД и абвера, — они имеют веские причины, чтобы изображать дружбу и даже нежную привязанность друг к другу. Третий рейх — это корзина с дерущимися крабами: около ста разных тенденций сосуществует внутри абвера, который по объему своих полномочий имеет преимущество перед гестапо, а последнее, в свою очередь, — перед СС и даже перед СД, службой, которую возглавляет Гейдрих и которая на сегодняшний день организована наилучшим образом. Гиммлер так хорошо отдает себе в этом отчет, что поощряет интриги «белоперчаточника» Канариса против СС, соперничающего с абвером, с одной стороны, и против Гейдриха — с другой. Адмирал в Германии никогда не действует открыто, а только через посредников, никогда не оставляет за собой ни малейших следов, особенно в своем окружении. И напротив, в Испании, в Италии, на Балканах, во всех средиземноморских странах — в его жилах есть немного греческой крови — он пускается на всевозможные авантюры, как бы обретая в этом вторую молодость. Правда и то, что иногда он создает разведывательные службы для этих стран.

СССР, Соединенные Штаты для него суть абстрактные понятия, страны, куда менее понятные, чем, например, государства Южной Америки или Япония. Он имеет свои предрассудки, из-за которых не пожелает встретиться со Штауфенбергом, героем июльского заговора, чье чуть было не удавшееся покушение на Гитлера положит конец геноциду 1944 года, который принес немцам, евреям, армиям союзников

больше смертей, чем весь предшествующий период гитлеровской власти и даже чем ее конец. Имели ли Канарис и Гейдрих, эти обманутые обманщики, помимо сатанинских качеств и какие-то человеческие черты? Гейдрих любил свою семью и был любим ею. Канарис (который, хотя и не любил своих близких, обеспечил им безопасное существование) обожал домашних животных до такой степени, что, снедаемый безумным беспокойством, звонил по телефону из Марокко в абвер: «Как дела у Сеппеля и Сабины?» Англичане далеко не сразу догадались, что речь идет не о секретных суперагентах, а о двух таксах адмирала.

Мужская компания в отеле «Кемпински»

В отеле «Кемпински», 1 апреля 1936 года, в 8 часов утра, не видно ни одной женщины, за исключением уборщицы в синем переднике, которая в холле подметает пол, предварительно посыпав его влажными древесными опилками. В большом холле сидят дородные, солидные мужчины. Серьезные господа, они съехались сюда, чтобы попытаться продать (по случаю международного спортивного праздника) свои планы, машины, идеи, наконец, свою энергию. Они только что позавтракали в ресторане. Теперь весь первый этаж отеля пронизан запахом их сигар, хотя скромное извещение, прикрепленное к желтой узорчатой обивке стен, призывает курильщиков ограничиться пределами «серого салона», резервированного для их нужд. Газеты, разбросанные на столах, извещают об открытии Олимпийских игр. Телефонные кабинки осаждаются журналистами со всего мира. Из лифтов выходят люди в нацистской форме — это полицейские чиновники, приехавшие из Нюрнберга. Один из них расплачивается внизу за свой номер. Номер на первом этаже, с гостиной и ванной комнатой, стоит 70 марок. Чиновник сохраняет квитанцию, чтобы потом ему возместили служебные расходы. Затем он направляется в парикмахерский салон; там уже сидит «золотой фазан», как называют этого

типа в берлинских верхах, — ему промокают лицо смоченными горячей водой полотенцами. В промежутках он шутит с заискивающим перед ним парикмахером. Его кобура с револьвером висит на вешалке. До прихода к власти нацистов он был куда менее значимой персоной и работал на Берлинской бирже: в его обязанности входило распространение пессимистических или оптимистических ложных слухов, влиявших на колебания валютного курса. Совершенно лысый, лишенный ресниц и бровей, он будет сегодня сопровождать иностранных официальных лиц за кулисы Олимпийского стадиона, где кинорежиссер Лени Рифеншталь¹ уже собрала свою команду и приготовила всё необходимое для съемки. Герр доктор Отто, «золотой фазан», всю свою жизнь играл роль посредника. Он надеется, что сегодня его представят «гениальной» Лени, женской ипостаси Казановы, которой предстоит оставить глубокий след во всей немецкой культуре двадцатого столетия.

Мы хотим мира!

За первую неделю апреля 1936 года население Берлина утроилось. На вокзалы столицы прибыло три тысячи поездов. Чуть ли не все известные личности Германии, да и других стран, съехались в город, который немецкая пресса уже называет не иначе как «столицей мира». Десять дней и десять ночей Берлин живет в лихорадочном возбуждении. Наблюдается взрыв всеобщего оптимизма. Преобладающее настроение можно выразить фразой: «Мы хотим мира!» Коричневые, черные, зеленые униформы уже не задают тон на улицах. Преобладают одинокие мужчи-

---

¹ Лени Рифеншталь (р. 1902) — немецкая киноактриса и кинорежиссер, училась в Берлинской школе искусств, принимала участие в балетных спектаклях. В 1931 г. основала собственную киностудию, где выступала в роли сценариста, режиссера и продюсера. Сняла знаменитый фильм «Триумф воли» (о нюрнбергском партийном съезде), который Гитлер назвал «уникальным и несравненным прославлением силы и красоты нашей партии». (Примеч. пер.)

ны в фуражках, зеваки, гуляющие, любители пива, семейные пары с детьми, подростки и влюбленные. Но много и марширующих под грохот барабанов, под раскаты медных духовых инструментов. В этом предвоенном Берлине, который еще недавно заслуженно пользовался репутацией «столицы удовольствий», гражданских пока больше, чем военных. И если знамена, увенчанные орлами, присутствуют повсюду во множестве, то их функция состоит лишь в том, чтобы напомнить о блеске императорского Рима. В самом деле, на трибунах стадиона, превратившегося сейчас в сердце города, в колоссальный Колизей, немолчно звучит хриплый гул публики. Это грандиозное сооружение для Олимпийских игр стоило Берлину 77 миллионов марок; его строительство было оплачено Рейхсбанком, который за несколько дней спортивного праздника получил доход в иностранной валюте, эквивалентный 500 миллионам марок. Это во всех отношениях выгодное дело «срежиссировал» доктор Шахт¹, превосходный экономист, который, кстати, не был сторонником Гитлера.

Черные играют против белых

Итак, возбуждение тех, кто пришел сегодня на стадион, в этот *circus maximus*² из светло-серого цемента, построенный по проекту архитектора Вернера Марча, достигает апогея. Наконец появляется первый атлет — в белом трико, с черным немецким орлом на груди. В руке он сжимает факел, зажженный в Олимпии. Полная тишина, толпа затаила дыхание. Марафонец поднимается по ступеням, зажигает гигантский светильник. Гитлер сидит в официальной ложе рядом с Герингом, который втайне жалеет, что не может, как *primus*

---

¹ Ялмар Шахт (1877—1970) в 1933 г. вторично стал президентом Рейхсбанка. С августа 1934-го по ноябрь 1937 г. он, являясь еще и министром экономики, сыграл важную роль в осуществлении программы перевооружения Германии, используя для этого ресурсы Рейхсбанка.

² Большой цирк (*лат.*). (Примеч. пер.)

*inter pares*¹, принять участие в этом величайшем празднике. Гитлер поднимается и императорским жестом открывает XI Международные Олимпийские игры.

Шум, исступленный восторг, крики — и тысячи голубей взмывают в удивительно чистое лазурное небо. Кинокамеры Лени Рифеншталь поворачиваются, чтобы во всех подробностях запечатлеть апофеоз: начало парада спортивных делегаций, шествующих под звуки своих национальных гимнов. Камеры задерживаются на черных американцах, прежде всего на легкоатлете Джесси Оуэнсе. Дикими криками, переходящими в овации, зрители встречают французскую делегацию, которую возглавляют дискбол Жюль Ноэль и пловец Жан Тари. Дело в том, что французы приветствуют трибуны олимпийским салютом, выбрасывая вперед вытянутую руку. Этот ритуальный жест политизированные болельщики воспринимают как выражение солидарности нацизму. Оуэнс, человек-чудо, пробегает стометровку за 10,2 секунды — этот рекорд будет побит только через 20 лет. Красавица Лени может запечатлеть в утонченных образах пластику расы, которую Гитлер считает дегенеративной. Позволят ли себе фюрер или Геббельс сделать ей замечание? Если да, то она им ответит, что эти образы должны показать всему миру, насколько выродились американцы. В данный момент камеры Лени снимают поединок немецких и американских атлетов. «Жаль, что чистокровные немцы не могут противостоять напору космополитических Соединенных Штатов», — говорит Розенберг фюреру. Джесси Оуэнс легко побивает все рекорды². Камера запечатлевает американских спортсменов, эти «черные машины», так убедительно опровергающие тезис о несомненном превосходстве арийских мускулов. Рифеншталь сделает эти кадры ключом к своему фильму «Боги стадиона». Что касается Гитлера, то он встает и уходит, чтобы не пожимать руку негру. Это его первое поражение.

¹ Первый среди равных (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

² Оуэнс стал героем XI Олимпийских игр, завоевав четыре золотые медали. (*Примеч. пер.*)

Берлинцы все еще любят дневные и вечерние «выходы». Женщины в шляпках, в жакетах и плиссированных юбках или в приталенных пальто, молодые люди в сапогах прогуливаются по улицам, главным образом по Кёнигштрассе. Вышло уже около дюжины номеров «Олимпиа цайтунг», «Олимпийской газеты». Заплатив 20 пфеннигов, можно узнать все последние спортивные результаты. Газета выходит на немецком, английском и французском языках. Атлеты не покидают пределов своей деревни, зато иностранные журналисты заполняют все переулки, стоят, облокотившись о перила, на массивных деревянных балконах пивных. Даже на самых оживленных улицах города за минуту не насчитаешь больше двадцати автомобилей. В Берлине в эти дни всё спокойно. Не поступает сообщений ни о каких серьезных преступлениях, молодые люди из хороших семей носят гольфы и выставляют напоказ свои галстуки, девушки — по случаю жары — переобулись в кожаные сандалеты. На одной фотографии видны две машины с откидным верхом, которые столкнулись, не причинив друг другу особенного вреда, перед старинной башней с часами; это произошло в 11.10 утра 25 июля 1936 года. Выходя из дома, люди берут с собой зонтики, потому что гроза может разразиться с минуты на минуту. И по всей столице, вплоть до Бранденбургских ворот, прохожие пьют пиво. Бутылки подвозят в больших деревянных ящиках. Бумажный стаканчик с пивом стоит 10 пфеннигов, то есть меньше пяти су, как во Франции. Иностранные гости приятно удивлены тем, что на улицах не видно солдат. А между тем рейхсвер уже готовит будущих воинов. Генеральный штаб рейхсвера предполагает ограничиться 34 дивизиями. Гитлер думает увеличить это число в десять раз. Но он пока не делится своими намерениями даже с Кейтелем¹.

---

¹ Вильгельм Кейтель (1882—1946) в 1935 г. стал начальником военного управления Военного министерства; в 1938 г. он был назначен начальником вновь созданного Верховного командования вермахта (ОКВ). *(Примеч. пер.)*

Послы западных держав часто совершают поездки в Нюрнберг, подлинную столицу нацистов, где они ночуют в спальнях вагонов с парикмахерскими салонами и ванными комнатами. Гитлер наносит им визиты или приглашает их на чай в свою любимую резиденцию «Дойчер Хоф». Каждый год в Нюрнберге — этом Ватикане новой Церкви — под крепостными стенами, среди средневековых зданий разыгрываются театрализованные действия, изображающие «новое обретение меча», «единение фюрера с его народом». Начиная с 1933 года (то есть и до, и после того, как в 1935 году была восстановлена воинская служба) в Нюрнберге проходили партийные съезды: «Съезд победы», «Съезд труда», «Съезд триумфа воли», «Съезд свободы». Олимпийские игры несколько затмили эти воинственные лозунги. Большинство немцев удовлетворены сложившейся ситуацией. Они очень ценят спортивное первенство Германии, пусть и разделенное с Соединенными Штатами. В глубине души люди хотят ослабления международной напряженности, сближения с Францией и Англией. Это настроение выражается, в частности, и в том, что Функ¹ привозит в Париж Берлинскую оперу. Шахт, экономист, пока еще пользующийся большим влиянием, лично открывает в садах Трокадеро (на Всемирной выставке в Париже) немецкий павильон — напротив павильона Советского Союза. Пока длится выставка, его часто видят гуляющим вдоль берегов Сены. Шахт, как и некоторые другие специалисты, которые служат Гитлеру, не относится к числу сторонников войны. Желание разрядки преобладает пока и в Берли-

---

¹ Вальтер Эмануэль Функ (1890—1960) — государственный и партийный деятель, в 1931 г. вступил в НСДАП и стал экономическим советником Гитлера; с 1933 г. одновременно занимал пост вице-президента Имперской палаты культуры. С 1937 г. — имперский министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики. С 1939 г. — президент Имперского банка. В 1938 г. подписал закон «Об изгнании евреев из экономической жизни Германии». (*Примеч. пер.*)

не, где большим успехом пользуются французские кавалерийские офицеры, прибывшие из Сомюра. Прусская Академия изящных искусств даже пробуждает у берлинцев вкус к живописи, демонстрируя им шедевры импрессионизма и французской культуры вообще, присланные из Франции. Правда, в то же самое время шедевры берлинской Национальной галереи, включая полотна Ван Гога, Модильяни, Гриса¹, Клее² и пр., продаются в другие страны за валюту или передаются в Комиссию по дегенеративному искусству, чтобы их там предали сожжению, по крайней мере теоретически. На самом деле высшие чиновники режима, например Геринг, тайком приобретают эти произведения по бросовым ценам. Французские моряки с учебного крейсера «Жанна д'Арк» готовятся к плаванию по Балтийскому морю. Адмирал Редер³ приглашает их посетить Берлин и принимает с большой помпой. Власти даже закрывают глаза на их мимолетные любовные приключения с девицами, которых не пугает закон, запрещающий немцам вступать в сексуальные отношения с представителями других рас (с началом войны нарушение этого закона станет «преступлением», караемым смертью или заключением в концентрационный лагерь). Ключом к этому последнему году относительного спокойствия можно считать Международную охотничью выставку, которая открылась в прекрасных парках столицы.

Неподалеку от Цейхгауза располагается знаменитый остров музеев с его греческими храмами, образующими немецкий Акрополь (правда, лишенный

---

¹ Хуан Грис (1887—1927) — испанский художник, с 1906 г. работал в Париже; один из представителей кубизма. (*Примеч. пер.*)

² Пауль Клее (1879—1940) — швейцарский живописец и график, учился и работал в Германии, входил в объединение «Синий всадник», один из лидеров экспрессионизма. В 1931—1933 гг. — профессор дюссельдорфской Академии художеств, откуда был изгнан нацистами. С 1933 г. жил в Берлине. (*Примеч. пер.*)

³ Эрих Редер (1876—1960) в 1928 г. был произведен в адмиралы и назначен командующим Военно-морским флотом. Вышел в отставку в 1943 г. (*Примеч. пер.*)

настоящего холма). Напротив острова находится королевский дворец, который доминирует, по крайней мере в архитектурном плане, над столицей. Здесь еще чувствуется влияние итальянского Ренессанса. Несмотря на позднейшие барочные пристройки, этот немецкий Версаль, насчитывающий 1200 помещений и имеющий свой *Люстгартен*, «увеселительный сад», может считаться самым красивым архитектурным памятником Северной Германии. Геббельс устраивал здесь грандиозные праздники (они мало ценились нацистами, но зато привлекали множество посетителей), во время которых лакеи в напудренных париках держали зажженные факелы и прислуживали гостям, ужинавшим за богато сервированными столами, на открытом воздухе.

«Таратара» и ходьба «гусиным шагом»

Другие традиции старой Германии поддерживались на Унтер ден Линден (берлинских Елисейских Полях), хотя власти относились к этому с некоторым подозрением. У *Нойе Вахе*, здания кардегардии, имеющего форму античного храма, прусский военный духовой оркестр играл то самое «таратара», которое когда-то так радовало сердца кайзеров. Ветераны войны 1914—1918 годов, которые пока бойкотировали нацистские парады, объясняли здесь своим детям, что еще живы традиции прусской молодежи, воспитывавшейся в приверженности порядку, в дисциплине и послушании. Берлин оставался городом, привязанным к своему прошлому. Со времени первых гренадеров короля-солдата Фридриха II, друга Вольтера и энциклопедистов, здесь культивировали «гусиный шаг», рефлексивное сгибание ноги в колене, превосходное упражнение для придания гибкости мускулам, заключавшееся в том, что солдат, держа корпус прямо, марширует, резко выбрасывая вперед, до уровня талии, попеременно правую и левую ноги, не сбиваясь и не обнаруживая излишней суетливости.

Военная наука, железная дисциплина — вот чему хотели бы обучить старики из рейхсвера новые поколения солдат, которые, увы, были вынуждены приносить присягу Гитлеру. Если отвлечься от людей в нацистских униформах, которых с годами становилось все больше, можно было бы сказать, что зеленый центр Берлина с его статуями, дворцами и триумфальными обелисками оставался Марсовым полем, гигантским военным плацдармом. Даже молодые матери, толкая свои коляски, напевали военные мелодии, которые здешним младенцам нравились больше, чем бутылочки с сосками...

«Корабль-призрак» «дяди Германа»

Из всех нацистских лидеров Геринг был ближе других к этой традиционной Германии. Он имел более благородное происхождение, чем Геббельс, Гесс, Гиммлер, Лей и Гитлер. Выдающийся летчик времен Первой мировой войны, служивший в «Эскадрилье Рихтхофена», весьма популярный в международном сообществе авиаторов, он всегда отличался склонностью к авантюризму. В нацизме его привлекали три возможности: удовлетворить свое желание взять реванш за версальское унижение, играть ключевую роль в государственном управлении и одновременно лично обогащаться. Действуя в духе вагнеровских персонажей, он похитил некую шведскую героиню, Карин, из ее шведского замка. Циник, маргинал, наркоман, мегаломан, скрывающийся под маской добродушного гуляки, он очаровал Гитлера, по натуре своей мелкого буржуа, и тот прощал ему всё, тогда как Рем, грубый солдафон, в свое время «просиживавший штаны» в окопах под Верденом, так никогда и не сумел завоевать сердце фюрера, хотя в их характерах были сходные черты: жестокость, коварство, хладнокровие, железная воля, смелость. Геринг помог своему другу Адольфу, которого считал равным себе, легальным путем завоевать власть, уничтожить штурмовиков и коммунистов. Однако этому сыну бо-

гатого колониста из немецкой Африки¹, просуществовавшей до 1918 года, не было никакого дела до социальной революции. Эти два человека, Гитлер и Геринг, превосходно дополняли друг друга. Оба они обладали проницательностью, и толстяк Герман внушал доверие тем, кто не очень-то полагался на худо-го Адольфа.

Когда Геринг превратился в немецкого Хёрста и обосновался на вилле «Каринхалле», названной в честь его незабвенной возлюбленной² и наполненной несметными сокровищами, когда приобрел привычку перебирать в своих карманах рубины и изумруды и стал посылать агентов во все страны Европы, чтобы они покупали для него еврейские коллекции и сокровища Лувра, Гитлер по-прежнему прощал ему всё. Геринг часто предавался размышлениям в этом своем дворце, построенном в северной части Берлина, на берегу озера, среди вязов и сосен; он также любил устраивать здесь приемы и принимал своих гостей с императорской щедростью, одетый в костюм Зигфрида. Всегда легко доступный для иностранных послов, для авиаторов со всего мира, он имел свои спортивные залы, стадионы, залы для приемов и даже соборы. И среди всех этих излишеств у него име-

---

¹ Отец Германа Вильгельма Геринга (1893—1945), личный друг Бисмарка, в 1885 г. получил пост генерал-губернатора немецкой Юго-Западной Африки. Однако детство Германа Геринга прошло в Баварии. Демобилизовавшись в конце 1919 г., капитан Геринг зарабатывал на жизнь тем, что катал желающих на своем маленьком самолете — в Дании, а затем в Швеции (где и познакомился со своей будущей женой Карин). Вернувшись в 1922 г. в Мюнхен, где жил очень трудно, на средства жены, он познакомился с Гитлером и в январе 1923 г. принял на себя командование нацистскими ударными силами. 9 ноября 1923 г. принял участие в «Пивном путче», был тяжело ранен, на протяжении четырех лет скрывался от полиции, живя в Австрии, Италии и Швеции, и, поскольку раны его из-за позднего начала лечения плохо заживали, пристрастился к морфию. Интоксикация морфием вызвала ожирение и психическое расстройство, Геринг несколько раз лечился в психиатрических лечебницах и госпиталях. В Германию он вернулся в 1927 г., после амнистии. Отто Штрассер не поддавался обаянию Геринга и дал ему такую оценку: «У Геринга душа убийцы, он наслаждается ужасом жертв...» (Деларю. История гестапо. С. 48). (Примеч. пер.)

² Карин фон Канцов, первая жена Геринга, умерла от туберкулеза 17 октября 1931 г. (Примеч. пер.)

лась келья, в точности скопированная с кельи святого Иеремии, какой она изображена на гравюрах Альбрехта Дюрера! Геринг, который одновременно был премьер-министром Пруссии, имперским министром авиации, председателем рейхстага, координатором экономических мероприятий по подготовке Германии к войне¹, директором концерна «Герман Геринг верке», рейхсмаршалом (это он-то, в войну дослужившийся только до капитана!), инициатором создания гестапо и первого концентрационного лагеря (Канарис старался не замечать его, как и он — Канариса), обожал забираться на гигантскую фисгармонию и оттуда управлять, на радость своим маленьким племянникам, миниатюрной железной дорогой. Посол Франции и посол Соединенных Штатов застыли в изумлении, когда однажды он предложил им принять участие в этой игре.

«Нордический» праздник

Берлинцы беззлобно посмеивались над страстью Геринга к медалям. «Дядя Герман» был очень популярен, хотя нередко становился жертвой их иронии. В нем видели воплощение славного Гаргантюа, добродушного Гулливера. В Берлине любят толстяков: здесь лишний вес воспринимается как синоним радости, как доказательство хорошего характера его обладателя. У себя в «Каринхалле» Геринг, который вскоре после смерти своей шведки женился во второй раз на дородной актрисе², осуществил наконец еще одну свою мечту, что потребовало участия гос-

---

¹ В 1936 г. Гитлер поручил ему осуществление «четырёхлетнего плана» — программы перевода экономики Германии на военные рельсы. Однако в течение двух последующих лет Геринг продемонстрировал свой дилетантизм в экономических вопросах, что привело его к конфликту с президентом Рейхсбанка и министром экономики Ялмаром Шахтом. Из-за разногласий с Герингом Шахт в 1937 г. оставил пост министра экономики, а в 1939 г. — пост президента Рейхсбанка. Эти должности занял экономический советник фюрера Вальтер Функ. *(Примеч. пер.)*

² Эмме Зоннеман (1893—1973). *(Примеч. пер.)*

тей из многих стран: он устроил грандиозный «нордический» праздник, праздник авиации! Берлинцы, приглашенные во дворец своего Нерона, восхищались его сказочными коллекциями. Даже Петр Великий не мог бы превзойти это великолепие. Финские всадники, в меховых шапках и с копьями в руках, охраняли ворота поместья. На поверхности озер покачивались «ладьи викингов», в парках разыгрывались поединки средневековых рыцарей. Однако вилла «Каринхалле» не могла вместить всех приглашенных, и грандиозный обед происходил в «белом зале» старого императорского дворца, занятого по этому случаю Герингом. После обеда гостей повезли в экипажах в прусский ландтаг, который, словно по маговению волшебной палочки, вдруг превратился в изысканный клуб немецких авиаторов. Лорд Галифакс, который приехал в Берлин в сопровождении фон Нейрата, немецкого министра иностранных дел, рассказывал потом, что ему показалось, будто он перенесся в эпоху Екатерины Великой. Он не скрывал своего энтузиазма и окончательно уверился в том, что войны с Германией никогда не будет.

Первый парад рейхсвера

Муссолини прибыл в Берлин, чтобы подготовить будущий «Стальной пакт»¹. Этот визит дуче, прекрасно информированного о тайных планах нацистов, не остался без последствий. Ни подозрительность по отношению к Гитлеру графа Чиано, министра иностранных дел Италии, в то время еще пользовавшегося большим влиянием, ни аналогичные чувства итальянского посла в Берлине не смогли ничего изменить. 20 апреля 1936 года берлинцы присутствовали на первом собственно военном параде, состоявшемся в нарушение Локарнских соглашений, — па-

---

¹ «Стальной пакт» — Пакт о дружбе и союзе между Германией и Италией, который будет подписан в Берлине 22 мая 1939 г. (Примеч. пер.)

раде третьей танковой бронедивизии, насчитывавшей 500 танков и имевшей пушки калибра 77 и 105 миллиметров, которые пробуждали патриотический энтузиазм толпы в такой же степени, что и зенитные орудия в брезентовых чехлах, броневые автомобили, трехместные мотоциклы с коляской, саперные мосты и пр. Это было уже нечто совсем другое, чем орда коричневорубашечников с факелами, полицейскими дубинками и длинными ножами. Все присутствовавшие прекрасно понимали, что происходит. Новая дивизия производила впечатление настолько гибкого и целостного организма, что японский посол, вслед за дуче, вдруг ясно осознал: он видит перед собой ядро грозной армии, которая будет сформирована уже в ближайшие годы, а затем, может быть, поведет решительную и победоносную войну.

1938-й: «ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ»

Менее чем за год в ближайших окрестностях столицы было построено множество казарм. Заводы производили уже по 500 истребителей в месяц — самых современных в мире. Ежемесячно эта внушительная «коллекция» боевых машин пополнялась пятьюстами бомбардировщиками. Эти военные самолеты превосходили, по крайней мере на тот момент, все лучшие достижения европейского и американского самолетостроения. Каждая берлинская семья временно лишилась отца или сына — мужчин призывали на военные учения. Более миллиона немецких граждан уже стали солдатами. На выставке в Автомобильном салоне в 1937 году на пять военных грузовиков приходился один туристический автомобиль. «Масло, — говорил Геринг, — должно уступить место пушкам». Только он мог позволить себе сказать такое. В лабораториях уже готовились к эре пищевых эрзацев. «Дядя Герман» использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы Германия стала экономически независимой. Это было нужно не только для того, чтобы страна оказалась способной противостоять враждебной коалиции, которая, вероятно, образуется в будущем, но и для того, чтобы она могла сама развязать военный конфликт.

С той же целью Геббельс со своей стороны постоянно муссировал в подчиненных ему средствах массовой информации тему чехословацкой и русской угрозы. Общественность подвергалась систематической идеологической обработке. Мнимая «советская угроза» — это удобный предлог, который внутри страны позволяет требовать от населения любых жертв, а во внешнеполитической сфере обеспечивает «сообщничество» западных держав. Тем не менее, в то время как разворачивались нескончаемой чередой праздники, игры и визиты, которые способствовали сближению нацистской Германии со странами Западной Европы, и англичане, например, по-прежнему были убеждены в мирных намерениях фюрера, Шахт, рейхсминистр экономики, уже начинал проявлять беспокойство.

Профессор из комиксов

Шахт — прекрасный специалист, хотя и имеет внешность смешного профессора, каким его обычно изображают в комиксах. Типичный «белый воротничок» нелепо высокого роста, он будто сошел со страниц «желтой» прессы, с рисунков французских карикатуристов, издевавшихся над окружением кайзера. Из-за его длинной и тощей, как у грифа, шеи и старомодного пенсне даже нацисты не воспринимали этого превосходного знатока экономики всерьез. Он присоединился к ним, веря в возрождение великой Германии, — ни больше ни меньше. Он изобрел такую систему денежного и финансового оборота, которая предоставила в распоряжение Гитлера почти неисчерпаемые ресурсы и позволила избежать инфляции. Он внес весомый вклад в процесс перевооружения Германии — с помощью Рейхсбанка и крупной индустрии. Если бы рейх начал свое движение к прогрессу на 30 лет позднее, рейхсканцлером стал бы не Гитлер, а Шахт. Шахт знает, что Гитлер совершил ошибку,

восстановив против себя евреев. Поддерживая самые дружеские отношения с влиятельными лондонскими дельцами из Сити, он дружил и с американскими миллиардерами с Уолл-стрит, вместе с которыми заложил фундамент первых мультинациональных концернов. В прошлом резко высказывавшийся против коричневорубашечников, Шахт и теперь является представителем оппозиционно настроенной интеллигенции, выступает против войны, которая, как он предвидит, перерастет в мировой конфликт и приведет к катастрофическим последствиям. С 1936 года он пытается, без особого успеха, предупредить о надвигающихся событиях правление Французского банка в Париже и повлиять на его политику. Он уже давно стал противником «классической» колониальной политики Франции и Англии и хотел бы, чтобы западные державы сделали рейху некоторые экономические уступки в Африке. Считая, что старый колониализм уже обречен, он предлагает учредить нечто вроде немецкой арендной компании, которая будет проводить, по сути, неоколониальную политику. Опасаясь прежде всего вторжения немцев в Чехословакию, он извещает союзников о том, что необходимо блокировать планы Гитлера, пока не будет слишком поздно, — пусть даже ценой превентивной «демонстрации». Некоторые французские министры прислушиваются к его словам, другие — нет. Великобритания упорно отказывается признать его правоту. Таким образом, Шахт, которого мировое общественное мнение слишком часто ассоциирует с нацизмом, менее виновен в развязывании Второй мировой войны, чем сами союзники, которые потом заставят его расплачиваться за их собственные упущения. Гитлер, который до поры до времени скрепя сердце терпел своего министра экономики — под сильным давлением со стороны банкиров Рура, деловых кругов и той части военных, которая еще сохраняла осторожность, — вынудил его уйти в отставку в ноябре 1937 года, за несколько месяцев до аншлюса.

Это было для всей думающей и по-настоящему не приверженной нацизму Германии явственным знаком того, что приближаются худшие времена, — именно так восприняли известие об отставке Шахта Фланден, Франсуа-Понсе и многие другие. Фон Нейрат, министр иностранных дел, фон Папен (несмотря на свою кошачью приспособляемость) и многие офицеры генерального штаба по своим взглядам были очень близки к Шахту и экономистам. В Берлине распространилась новая «болезнь»: люди шептались о том, что главнокомандующий сухопутными силами Германии, генерал-полковник фон Фрич, который постоянно посещает ипподромы, но старается не бывать на официальных церемониях, мог бы попытаться что-то предпринять. Этого краснолицего человека с моноклем, не очень приятного в общении, в последний раз видели на публике 27 января 1938 года, когда отмечалась пятидесятая годовщина восшествия на престол императора Вильгельма II. В офицерских клубах кое-кто уже ведет себя довольно неосторожно. Там ощущается атмосфера зреющего заговора. Выступит ли армия против нацизма, после того как примирилась с ним благодаря истреблению СА?

Журналисты завтракают в кафе

В «Романском кафе» царит запустение, прежние завсегдатаи туда больше не ходят. В это февральское утро 1938 года американские журналисты, прогулявшись по аллеям Тиргартена, встречаются в «Кафе журналистов», где абонировали для себя столик. Мэри Гроувз из «Чикаго трибюн» имеет своих информаторов в генеральном штабе. Она рассказывает, что сегодня утром ее принял один генерал, живущий на Доротеештрассе, — он встретил свою гостью прямо в домашнем халате. От него она и узнала, что фон Фрич арестован или содержится под домашним арестом. Генерал дал ей понять, что в Берлине царит атмосфера,

сравнимая с той, что печально памятна всем по волне убийств, прокатившихся по стране после 30 июня 1934 года. На сей раз чистке подвергаются армия и дипломатический корпус, но главным образом армия. Американская журналистка в продолжении этого разговора лихорадочно делала пометки в своем блокноте. Гитлер, говорил далее генерал, как кажется, решил отныне осуществлять руководство вооруженными силами непосредственно, в качестве верховного главнокомандующего. Военное министерство, во главе которого стоял фельдмаршал фон Бломберг, упразднено, но функции Бломберга перешли к генералу Кейтелю — злomu гению Гитлера, — возведенному в ранг министра¹. Генерал фон Браухич назначен главнокомандующим сухопутными войсками — вместо фон Фрича. Герингу, который добивался этой должности, в утешение присвоили звание рейхсмаршала. Шестнадцать генералов были освобождены от занимаемых должностей, 44 получили другие назначения, барон фон Нейрат потерял пост министра иностранных дел, фон Папен, несмотря на свое легендарное приспособленчество, уже не играет и никогда больше не будет играть сколько-нибудь значимой роли. Когда хозяин провожал американскую журналистку до дверей, она поздравила его с тем, что в его библиотеке, как она успела заметить, имеются очень редкие издания. «Эти книги, — вздохнул генерал, — достались мне от Курта Вагнера, последнего из великих берлинских книготорговцев. Вы знаете, что его тоже арестовали?..»

После «влажной» чистки — «сухая» чистка²

В тот день во всех секретных службах столицы рейха кипело необычное возбуждение, а некий французский журналист, имевший поручение ин-

¹ 4 февраля Кейтель был назначен начальником штаба только что созданного Верховного командования вермахта (ОКВ). (*Примеч. пер.*)

² На полицейском жаргоне «влажной» чисткой называлась физическая ликвидация врагов режима, «сухой» чисткой — применявшиеся против них административные меры.

формировать о новостях в Германии Второе бюро, явился в свое посольство, чтобы отправить в эту организацию дипломатической почтой свое сообщение, составленное не без черного юмора. Суть сообщения сводилась к тому, что Бломберг, друг Гитлера, который и подсказал ему мысль ликвидировать Рема, а потом убрать с политической сцены Гинденбурга, стал жертвой доноса Фрича, когда женился вторым браком на бывшей проститутке.

Гитлер сперва очень рассердился на Фрича, эту «потсдамскую мумию». Ведь если Бломберг, его важнейший союзник в рейхсвере, наделал глупостей под влиянием демона страсти, то сами Гитлер и Геринг, которые не подозревали никакого подвоха, были свидетелями на компрометирующей их свадьбе Бломберга. Между фюрером и фон Фричем произошла скандальная сцена: последний, при поддержке двадцати генералов, потребовал отставки Гитлера и изложил все свои претензии к шефу, который, естественно, впал в страшную ярость. Гитлер сначала хотел защитить фон Бломберга, чтобы тем самым защитить и себя, но Гейдрих представил ему два обстоятельных (фальсифицированных) доклада, доказывавших, что Фрич является гомосексуалистом — его даже сфотографировали с похотливым молодым человеком на вокзале, перед общественным писсуаром¹, — тогда как Бломберг действительно женился на проститутке (к докладу прилагались смонтированные фотографии, на которых фрау фон Бломберг была запечатлена в «оригинальных» позах с неизвестными лицами). Уже этот случай в полной мере показал фальсификаторские способности Гейдриха, подлинного хозяина гестапо, а также (что тщательно скрывалось) и уголовного мира. В случае с двумя упомянутыми военными чинами, которые в тот момент легко могли захватить власть, Гейдриху, чтобы от них избавиться, даже не понадобилось подсылать одну из своих «со-

---

¹ На самом деле сфотографировали подставное лицо; этот человек потом удачно исчез, хотя Канарис, которого на сей раз «переиграли» Гейдрих и гестапо, пытался его разыскать.

блазнительниц» к фон Бломбергу и одного из своих «соблазнительей» — к фон Фричу. Хотел ли Гейдрих посмотреть, как отнесутся Гитлер и Геринг к этому шантажу, и одновременно избавиться от двух влиятельных военных деятелей? Но что он в результате выиграл? На тот момент он, как кажется, оказал главе нацистов неоценимую услугу, но одновременно завел на него секретное досье, которым мог воспользоваться позднее. Гиммлер как-то сказал своему массажисту, что Гейдрих хранит у себя компрометирующие фотографии всех влиятельных лиц рейха. Увидев фотомонтажи Гейдриха, Гитлер и Геринг были вне себя от ярости из-за того, что по незнанию присутствовали в качестве свидетелей на свадьбе Бломберга, которую фотографы усердно снимали.

В иностранных посольствах все догадывались, что идея «сухой чистки 30 июня» пришла в голову Гитлеру именно тогда, когда он понял, что публично выставил себя на посмешище, согласившись быть свидетелем на свадьбе фон Бломберга, и когда должен был выслушивать издевательски презрительные слова Фрича. Гитлер, конечно, сумел извлечь максимальную выгоду из закона о неразглашении внутрипартийных конфликтов, введенного Геббельсом. Один из талантов фюрера состоит в том, что он умеет схватывать на лету любую благоприятную возможность и ловко перетасовывать карточную колоду. Он поступит так и в этом случае, в последний момент обратив трудную ситуацию на пользу себе одному. Ни Гиммлер, ни Геринг не получают должностей фон Бломберга и фон Фрича. Кровавой расправы, как в 1934 году, не будет — прибегнуть к такому еще раз значило бы искушать дьявола, — на сей раз фюрер удовлетворится административными мерами. Фон Риббентроп, друг Гитлера, доказавший последнему свои способности один-единственный раз, когда взял на себя роль посредника в шантаже семьи Гинденбурга, заменит фон Нейрата в верхней палате парламента и в министерстве иностранных дел. Кейтель, сторонник демократизации армии и человек, преданный одному Гитлеру, встанет во главе вермах-

та. Таким образом, армия будет укрощена без всяких драм. Она восторжествовала над партией в 1934 году. В 1938-м партия возьмет свой реванш.

5 февраля берлинцы прочитали в газетах, оркестрованных Геббельсом, следующее объяснение происшедшего: «Речь идет о нормальном, органическом развитии, о естественном процессе, порожденном динамикой гитлеризма». Успокоили ли их эти слова? Похоже, что в целом да, в очередной раз успокоили. Ибо кто в целом мире был тогда в их глазах более великим, более пронизательным, более мудрым, чем фюрер?¹

«Особенный день»

12 марта 1938 года Гитлер оккупировал Австрию. Муссолини, который 25 июля 1934 года, когда был убит Дольфус² (жена и дети покойного Дольфуса до сих пор жили в доме дуче в Риччионе), бросил свою

---

¹ Так называемое «дело Бломберга—Фрича» имело явно провокационный характер и было сфабриковано после того, как 5 января 1937 г., на секретном военном совещании («совещании Хоссбаха»), Гитлер впервые изложил свои планы завоевания для немцев «жизненного пространства» (то есть развязывания войны), а Бломберг и Фрич отнесли к этим планам отрицательно. Офицерский суд чести признал все обвинения против Фрича ложными (доказав, что подлинным виновником был некий кавалерийский капитан в отставке фон Фриш), в августе 1938 г. он был восстановлен в армии, но 22 сентября 1939 г. погиб в бою под Варшавой. Очевидцы утверждали, что он искал смерти. Фон Бломберг после скандала вокруг его новой жены, двадцатичетырехлетней Евы Грун, примерно на год уехал с ней в Италию, потом вернулся и вел жизнь частного лица. Развестись с ней, как советовали добродетели, он отказался. (*Примеч. пер.*)

² Энгельберт Дольфус (1892—1934) — австрийский политический деятель, в 1932 г. стал канцлером Австрии и министром иностранных дел, установил в стране режим клерикально-нацистской диктатуры. Однако Дольфус был противником аншлюса, и 25 июля 1934 г., когда в стране происходили беспорядки, 154 эсэсовца-австрийца, переодетые в форму австрийской гражданской гвардии, ворвались в федеральную канцелярию и потребовали, чтобы он ушел в отставку. Дольфус, смертельно раненный заговорщиками, отказался выполнить их требование и умер через несколько часов. Муссолини, имевший договор с Австрией, спешно мобилизовал пять дивизий, которые двинулись через перевал Бреннер к австрийской границе, и Гитлеру пришлось отказаться от планов немедленного аншлюса. (*Примеч. пер.*)

армию на Бреннер и призвал западные державы к войне против Германии, на этот раз предпочел не вмешиваться.

Именно Муссолини, после упомянутой упущенной возможности, по согласованию с Канарисом вовлек немцев в гражданскую войну в Испании¹. Он одерживал трудные победы в Эфиопии, но фон Бломберг, заклятый враг итальянцев, предрекал их неминуемое поражение в этой стране. Однако теперь фон Бломберга нет, и Гитлер может вернуться к своим давним мечтам. А пока фюрер приезжает в Рим, чтобы отметить там свой апофеоз. На следующий день, уже в Неаполе, он с удивлением наблюдает за умелыми маневрами двухсот пяти кораблей итальянского военного флота. Десятки подводных лодок одновременно показываются на поверхности моря. Это зрелище производит сильное впечатление на бывшего ефрейтора, а ныне фактически главнокомандующего немецкой армией (через посредство Кейтеля).

По мнению Гитлера, обманутого обманщика, если Германия обладает всеми преимуществами на суше, то Италия удерживает первенство на море. Он ненавидит эту страну неарийцев, но пока верит лично Муссолини, основоположнику фасций и фашизма. Фюрер не перестает оказывать дуче знаки внимания: почему бы и не польстить итальянцу, тем более что он может еще пригодиться. Вскоре, на Мюнхенской конференции, Муссолини, который свободно говорит на четырех языках, в полной мере докажет, что способен подчинить своему влиянию и Даладье, и Чемберлена. К сожалению, эта его способность не распространяется на человека, которого он ненавидит больше, чем всех других, — на Гитлера. Суть дипломатии западных держав в ту эпоху сводилась к тому, чтобы привлечь на свою сторону дуче, несмотря на намерение последнего захватить Тунис, Савойю, Корсику, Джибути (земли, названия которых уже скандировали итальянские фашисты). После отстав-

---

¹ Канарис напрямую сотрудничал с Роаттой, шефом итальянских спецслужб, и испанскими националистами.

ки враждебного Муссолини фон Нейрата вес Италии в международной игре должен был сразу же увеличиться, особенно если Гитлер (чего мы никогда с точностью не узнаем) уже в то время начал всерьез думать о войне со Сталиным. Муссолини предусмотрительно заявил, что его армия будет готова к войне только в 1942 году! Он не разделял животного антисемитизма Гитлера и с раздражением отнесся к известию о вступлении немцев в Прагу 15 марта 1939 года. Однако союзники не сумели воспользоваться этим его недовольством. Муссолини, которого Гитлер столь явно оттеснил на вторую роль, напал на Албанию, потом подписал «Стальной пакт». Дуче прекрасно умел обеспечивать свою выгоду, вмешиваясь в события лишь в последний момент.

Свидетели церемонии на Цеппелиновых полях

В сентябре 1938 года, в течение восьми дней и восьми ночей, американский журналист Ширер наблюдал за самым колоссальным и угрожающим скоплением народа, которое ему довелось видеть в своей жизни, — на Цеппелиновых полях, в Нюрнберге¹, под яркими пучками света, которые отбрасывали в небо прожекторы, изготовленные на заводе Клейга в Берлине. Американец описал тогда «этот странный ночной церемониал гитлеровской литургии, разворачивавшийся на фоне двадцати тысяч знамен, которые колыхались в ирреальном свете подобно деревьям фантастического леса». От его внимания не укрылись и «простые люди, в сомкнутых рядах, с выброшенными вперед руками, которые, собственно, и сделали нацизм возможным, отвергнув свои души и ум, свое чувство ответственности, свои личные проблемы, чтобы слиться в нерасторжимое целое». Свидетелем этого «алхимического» процесса был и итальянский журналист Индро Мон-

---

¹ В 1938 г. в Нюрнберге проходил «Съезд Великой Германии». (Примеч. пер.)

танелли; позже он расскажет о «потоке раскаленной людской лавы», который ему совсем не понравился¹. Посол Франции отметит, что «город Священной Римской империи, в котором еще витает дух Вагнера, стал местом, где все размышления и чувства соединяются в культе памяти о прошлом и великих амбициозных планах на будущее». Эдда Чиано, дочь дуче и жена человека, который был его правой рукой, позже признается в том, что вид нюрнбергских толп внушал ей одновременно «тревогу и энтузиазм». Через некоторое время тревога возросла и как-то вытеснила энтузиазм. Бенуа-Мешен тоже вспомнит, как принимал участие в нюрнбергском «мистическом действе, достаточно мощном, чтобы восторжествовать над всеми индивидуальными чувствами и влить их в горнило новой веры». Его, папского легата, отталкивал «очевидный неоязыческий характер этой варварской церемонии».

Строительство столицы мира

Эти умеренно негативные оценки, а также полное отсутствие какой-либо реакции со стороны мировой общественности показали «варварской клике» (Шахт), что она может безнаказанно готовиться к войне. Французский Народный фронт напрасно пытался мобилизовать на борьбу с нацизмом своих соотечественников, занятых собственными проблемами; Великобритания бездействовала, замороженная ужасом перед большевизмом. В конце концов англичане стали воспринимать Гитлера как своего естественного союзника в противостоянии с красными. Соединенные Штаты только начали оправляться от экономического кризиса; в СССР шли свои чистки. Воспользовавшись благоприятным моментом, фюрер

---

¹ Монтанелли, итальянский фашист и антинацист, вскоре уедет как военный корреспондент газеты «Коррьере делла сера» на германо-польский, а затем и на германо-норвежский фронт, чтобы наблюдать за событиями со стороны атакованных (поляков и норвежцев).

решает приступить к осуществлению своей антисемитской программы, умалчивая до поры до времени о ее истинном размахе. Он пока не раскрывает свои военные проекты, не желая оттолкнуть от себя французов и особенно англичан. Однако, прежде чем переходить к террору, он хочет подарить берлинцам новую столицу, которой они смогут гордиться. Времена штурмовых бригад и их методов, которые слишком бросались в глаза, миновали. Настала пора стереть с лица города черты, слишком четко ассоциирующиеся с тогдашними событиями. В апреле 1933 года СА и государственная полиция (*Schutzpolizei*) «совершили набег» на Шарлоттенбург. В ночь пожара рейхстага они устроили «импровизированный» концентрационный лагерь в подвалах казармы на Генерал-Папе-штрассе и убивали там функционеров социал-демократической партии (например, Артура Миллера), а также коммунистов. Многие берлинцы были напуганы грабежами, преследованиями, убийствами, которые осуществляли люди Рема в ту «кровавую весну». Они еще помнят временный лагерь СА в Ораниенбурге, в здании старого пивоваренного завода, и жуткие крики, доносившиеся с той улицы, которая, что было слишком очевидно, превратилась в арену для жестоких расправ.

Шпеер¹, «в то время еще очень популярный» архитектор (по словам итальянского посла Аттолико), решил перестроить Берлин по новому плану так, чтобы центральная магистраль, пересекающая город с севера на юг, начиналась от гигантского вокзала, проходила под новой триумфальной аркой (Бранденбургские ворота) и упиралась в *Куппельхалле*

---

¹ Альберт Шпеер (1905—1981) — потомственный архитектор; в 1931 г. вступил в НСДАП, в 1932 г. — в СС. Он впервые проявил себя в 1933 г., когда ему поручили оформление партийного съезда в Темпельхофе. В 1934 г. разработал проект обустройства участка для партийных съездов в Нюрнберге, привлек внимание Гитлера и в 1937 г. стал главным инспектором рейха по архитектуре, получив задание «вновь сделать Берлин настоящей и истинной столицей германского рейха». В 1942 г. был назначен рейхсминистром вооружений и боеприпасов и фактически стал руководителем всей военной экономики. (*Примеч. пер.*)

(Народный дом), здание с куполом, превосходящим по размеру купол собора Святого Петра в Риме. «Это последнее здание подчиненные Шпееру архитекторы намеревались увенчать изображением орла, который держал бы в когтях земной шар». «Предусматривалось также сооружение круглой площади с фонтанами в версальском стиле, которая должна была затмить Площадь звезды на Елисейских Полях в Париже» (посол Андре Франсуа-Понсе). Для реализации этих грандиозных замыслов Шпееру не хватило времени. Рядом с Национальной библиотекой, где предполагалось разбить Круглую площадь (*Рундеплац*), в 1938 году успели начать строительство только одного здания — немецкого Дома туризма. Его руины исчезнут после войны. Новым Бранденбургским воротам и *Куптельхалле* (в 1943 году новый рейхстаг еще не существовал), строительству которых придавалось даже большее значение, чем сооружению немецкой Площади звезды, так и не суждено было стать мишенью для английских бомбардировщиков — они существовали только в виде макетов. В ходе реконструкции города колонна Победы, воздвигнутая в 1870 году, была перенесена в 1938 году с площади Республики на площадь Большой звезды (*Гроссер итерн*). Шпеер также взялся за расширение оси «восток — запад». По его распоряжению срубили знаменитые липы на Унтер ден Линден и повсюду воздвигли мраморные колонны, украшенные, в соответствии с милитаристическими вкусами той эпохи, орлами, знаменами и национал-социалистскими эмблемами. Вместо лип посадили молодые деревья, которые к моменту падения города были едва видны. Шпеер также расширил Шарлоттенбургское шоссе (ныне — улица 17 июня) и установил вдоль всей оси «восток — запад» мощные уличные фонари, «намереваясь, как он говорил, превратить столицу в «город света», будущие высотные здания которого станут «маяком» для евразийского континента, покоренного свастикой». Гитлер, как и Шпеер, хотя и мечтал о войне, даже представить себе не мог затемнений, бомбардировок Берлина, а тем более поражения.

Берлинцам, хотя им и так хватало зеленых насаждений, отнюдь не понравилось, что их липы срубили и заменили лесом мраморных колонн, декорированных навязчивыми символами нацистского режима. Один французский фотограф заметил (в 1938 году), «что невозможно сделать снимок в центре Берлина так, чтобы в кадр не попали многочисленные красные знамена со свастикой, орлы, различные аббревиатуры и форменные мундиры». Люди и камни, дома и площади — всё было отмечено каленым клеймом национал-социализма. По берлинскому радио непрерывно транслировались политизированные передачи в преувеличенно торжественном тоне, план которых утверждался лично Геббельсом. Только музыка, которая передавалась очень часто и была хорошей, но ограничивалась исключительно «арийскими» мелодиями, привносила в радиовещание немного культуры. Но могли ли пиво, шнапс, музыка и коллективные манифестации полностью удовлетворить запросы берлинцев — представителей средних слоев и рабочих?

Помимо пивных, маленьких магазинчиков, ремесленных мастерских, что осталось от Берлина, каким он был до 1933 года? Спектакли запрещались цензурой, газеты закрывались, а вездесущее радио осуществляло подлинную промывку мозгов. Традиционная Германия быстро исчезала. Карикатура и кино — два вида искусства, характерные для двадцатого столетия, в Германии выродились, их теперь отличали грубость и крайнее упрощенчество. К 1938 году, за какие-нибудь пять лет, берлинцы перешли от предельной независимости духа к тяжеловесному конформизму. Много было тех, кто сознательно обрек себя, если можно так выразиться, на «побег в будущее», решив, что лучше принимать участие в зрелищных манифестациях режима, подчиняться прусской дисциплине и обращать себе на пользу «величие нации и ее праздники», играя в навязанную тебе игру, нежели оставаться в одиночестве, избрав путь «внутренней эмиграции».

Именно в Нюрнберге были подготовлены, по случаю дискуссии о расовых вопросах, законы, которые лишали евреев рейха всех их прав — «с целью сохранения чистоты немецкой крови и обеспечения вечного существования германской нации». Гитлер еще никогда не заходил так далеко в практической реализации своей программы. Война против евреев, контуры которой были намечены штурмовиками, в тот период так и не началась открыто и официально, хотя после пожара рейхстага Геббельс уже контролировал все средства массовой информации. Гитлер тогда еще чувствовал себя не вполне уверенно. Он хотел прежде всего уничтожить коммунистов и левых. Большая «влажная чистка» — «Ночь длинных ножей» — не особенно встревожила евреев столицы; скорее, она их даже успокоила. Но евреи сознавали, что являются в глазах немцев неполноценными гражданами, и часть из них (самые богатые) эмигрировала, а другая часть (бедные, которых было большинство) осталась, надеясь на то, что буря обойдет их стороной и что Гитлер будет вынужден отступить от того, что они называли «демагогическим фанатизмом». Думать так значило не понимать фундаментального элемента гитлеровской мысли. Фюрер собирался развязать тотальную войну против евреев для того, чтобы, опираясь на «универсальный антисемитизм», скорее достичь своей конечной цели: завоевания мира. Это была центральная ось его политики, безумный план, имевший свою логику, отступить от которой он не мог. Немецкие евреи (его заложники) интересовали его в меньшей степени, чем те евреи, что заправляли делами на Уолл-стрит, в Сити и через посредство финансовой системы держали под контролем «капиталистический универсум». Его речи и работы о еврейской «плутократии» со временем непременно должны были воплотиться в действия. И если международная и немецкая буржуазия будет этим шокирована, если интеллектуалы начнут возмущаться, что с того? Их возмущение все равно не

выльется в активную реакцию. Государства Израиль пока не существует. Обширная еврейская диаспора еще недостаточно организована, недостаточно едина, чтобы действовать. Фюрер вполне отдает себе в этом отчет. Чтобы отсрочить момент мобилизации враждебных ему сил, которого он боится, до тех пор, пока не произойдет непосредственное и неизбежное столкновение нацистской Германии с Америкой Рузвельта, необходимо продвигаться вперед постепенно, до поры скрывая свои истинные конечные цели от немецкой и мировой общественности.

Вернувшись в Берлин из Нюрнберга¹, Гитлер запрещает браки между евреями и немцами и объявляет недействительными все браки такого рода, заключенные в прошлом; всех евреев увольняют с их должностей в государственных учреждениях, банках и на Берлинской бирже. Отныне они не имеют права быть экономистами, частными советниками, адвокатами, врачами и даже работать домашней прислугой у немцев, если только возраст их хозяев не превышает сорока пяти лет. Немецкие знамена больше не имеют к ним никакого отношения, они обязаны пришивать спереди к своей одежде желтую шестиконечную звезду. Их магазины впредь должны быть отмечены особыми «иудейскими» флажками, их квартиры будут конфискованы. Им уже нельзя останавливаться в отелях, посещать рестораны, а в театрах и кинозалах они могут появляться только в определенные часы. Пятьсот тысяч немецких евреев внезапно лишаются права водить машину. Им не разрешается торговать золотом и драгоценными камнями, выставлять какие бы то ни было товары в витринах. Их книги и статьи больше не будут печатать, их музыку запрещено играть — даже дома или в синагогах. Если они захотят уехать, они могут это сделать, но им дозволяется вывезти из страны только 5% своего имущества. Если останутся, то будут вынуждены содействовать унижению собственной нации и ждать, когда их заставят жить в пределах специальных гетто.

---

¹ В сентябре 1935 г. (*Примеч. пер.*)

Чтобы подтолкнуть берлинских евреев к отъезду из столицы (90% еврейского населения вопреки всему пока остается в городе), Геббельс использует любые средства: он старается пробудить ненависть к евреям у тех, кто никогда ее не испытывал, и разжигает ее у тех, кто прежде был, так сказать, латентным антисемитом. Меры, предусмотренные для Берлина, вскоре распространятся на всю Германию. Ночь с 9 на 10 ноября назовут *Рейхскристалнахт*, «Хрустальная ночь»¹. Этой ночью толпа разбивает витрины еврейских магазинов, которых еще очень много. Горит синагога на Фазаненштрассе; погромщики вламываются в квартиры. Более ста синагог разграблены эсэсовцами. 20 тысяч евреев арестованы, 36 — убиты. Вот когда действительно начинается долгая охота на «козлов отпущения», кульминацией которой вскоре станут принудительные работы евреев в концентрационных лагерях Дахау, Бухенвальд, Равенсбрюк, Ораниенбург, Аушвиц (Освенцим), Трешлинка и пр. Эти лагеря, которым на конечной стадии их существования предстоит превратиться в лагеря смерти, покроют всю Европу. Человек, объявивший себя наследником Карла Великого, став полновластным хозяином 300 миллионов человек, будет решать и объяснять, в закомуфлированных выражениях, каким должен быть этот медленный путь к кошмару, хотя и предпочтет лично не участвовать во всем этом, чтобы не портить свой имидж. А «первой ласточкой» нового порядка стало постановление префекта полиции: «Все евреи старше шести лет обязаны, появляясь на людях, носить на одежде желтую звезду, пришитую на груди, сбоку, чтобы каждый мог ее видеть». Потом была «Хрустальная ночь». Значительный ущерб, который погромщики невольно причинили

---

¹ Формальным поводом для «Хрустальной ночи», всегерманского еврейского погрома, послужило убийство в Париже (7 ноября 1938 г.) советника германского посольства Эрнста фон Рата, совершенное семнадцатилетним польским евреем Гершелем Грюншпаном. (*Примеч. пер.*)

немцам, потом возмещали сами жертвы (как произошло, например, в случаях с магазинами на Потсдамштрассе и с Дворцом спорта). На только что вставленных окнах разграбленных еврейских квартир появляются надписи «*Jude*»¹. Повсюду в городе расклеены афиши, гласящие: «Евреи — наше несчастье». Евреи, изгнанные из всех центров сосредоточения городской общественной жизни, не могут даже прогуляться в городском саду или в берлинском лесу, не столкнувшись с унижительными и грубыми антисемитскими лозунгами: «Евреям вход воспрещен!» или: «Чистый воздух леса несовместим с запахом евреев». Вскоре выпадет снег, и юные гитлеровцы будут украшать своих снеговиков желтыми звездами и ермолками. Многие евреи уже стали жертвами насильственной депортации: их увозят с вокзала Груневальд, в вагонах для скота, в первые концентрационные лагеря. На официальном языке эти люди — «политзаключенные», «пример в назидание другим», «захваченные во время облавы (имеется в виду ноябрьский погром)». Поезда же, в которые их «загружают», стоят на запасных путях на товарной станции. Желательно, чтобы население Берлина ничего о подобных сценах не знало. Оно и так уже начинает сочувствовать евреям, поэтому в настоящий момент никаких новых антиеврейских мер лучше не принимать. Только 28 ноября 1940 года, в четверг, партия сделает в этом направлении следующий шаг: она обратится к населению с призывом принять участие в съемках фильма «*Das ewige Jude*», «Вечный жид». В газете «Фёлькишер беобахтер» будет напечатано объявление, приглашающее всех желающих собраться на киностудии УФА, в *Паласт ам Зоо* (в кинотеатре у Зоологического сада), и рекомендуемое «подавить свою жалость, которая более чем опасна». На следующий день синагога на Левицовштрассе, процветавшая во времена кайзера, станет местом сбора для депортируемых. Очень скоро закроются последние еврейские школы, а самое большое — не только в Гер-

---

¹ Еврей (нем.). (Примеч. пер.)

мании, но и во всей Европе — кладбище иудейской общины на Гроссе Гамбургерштрассе будет закрыто и разграблено. На другом иудейском кладбище в Берлине, кладбище в Вайсензее, сотни стел и надгробий будут осквернены нацистскими эмблемами, разорены, профанированы. Похоже, евреи больше не имеют права покоиться в мире в земле немецкой столицы? Закроют и их госпиталь на углу Иранской и Школьной улиц. К концу 1944 года в Берлине еще будет проживать на нелегальном положении какое-то количество евреев; две тысячи из них поместят в концентрационный лагерь, наскоро устроенный в этом здании, изначально предназначавшемся для Красного Креста. Но сам Гитлер ни единого раза не употребит в своих публичных выступлениях слово «еврей».

Люди спускаются в метро

Шокировала ли берлинцев «Хрустальная ночь» в такой же мере, как расстрелы 1934 года, отстранение от власти Фрича и Бломберга, угроза войны, сгустившаяся в связи с аншлюсом и с планами вторжения в Чехословакию? Похоже, что да: первые трещины, возникшие в отношениях между рядовым населением и властью, теперь расширялись с каждым днем. 10 ноября 1938 года Гитлер признается в беседе с издателями и редакторами «Дойчер ферлаг» и «Берлинер моргенпост» (газет, традиционно придерживающихся правой ориентации и входящих в так называемую «группу гляйхшалтунг»¹, оппозиционную по отношению к популярной прессе, которая прежде находилась в руках еврейских издателей): «Я сознаю, что обязан своей популярностью проявляемой мною — со всей очевидностью — настойчивой воле к миру. Это может привести к тому, что в головах многих людей угнездится идея, будто сегодняшний режим идентифицирует себя с

---

¹ *Gleichschaltung* — приобщение (насильственное) к господствующей идеологии (нем.). (Примеч. пер.)

этим желанием сохранить мир при любых обстоятельствах». Чтобы бороться с тем, что он считает недоразумением, «препятствием» на пути дальнейшего развития страны, обусловленным «определенной усталостью» и «безволием» своих сограждан, Гитлер укрепляет гестапо и СС. Та и другая организации определенно начинают раздражать берлинцев. На столичных военных заводах рабочие вдруг с удивлением замечают, что за их спинами стоят эсэсовцы и пристально наблюдают за их трудом, выискивая даже малейшие огрехи. «В городе люди уже перестают пользоваться германским приветствием — выбрасывать вперед руку. Они возвращаются к привычным для них формулам приветствия», — отмечает Рудольф Гесс. Согласно Шмидту¹, личному переводчику Гитлера, фюрер сейчас переживает момент депрессии, верит в свою близкую смерть. По свидетельствам близких к нему людей, этот циклотимик то бывает угрюмым и ощущает упадок духа, то, наоборот, демонстрирует повышенную активность. Получив информацию о том, что Гейдрих якобы собирается совершить на него покушение, Гитлер едва не отказался от поездки в Вену², как он сам потом признался дуче и Герингу (разумеется, сохранившему все свое хладнокровие в момент, когда фюрер потерял голову). Но уже 12 марта 1938 года Гитлер, похоже, был полон решимости подчинить себе Чехословакию, даже если этот шаг спровоцирует мировую войну. 1 октября 1938 года он принял все необходимые меры для мобилизации, что не вызвало никакого энтузиазма у населения столицы. «Тарпейская скала находится рядом с Капитолием», — сказал ему дуче, который повторит

---

¹ Пауль Шмидт (1899—1970) в 1924—1945 гг. был главой секретариата и старшим переводчиком министерства иностранных дел; в 1935—1945 гг. был личным переводчиком Гитлера во время приема правительственных зарубежных делегаций. Являлся официальным переводчиком на Мюнхенской конференции. (*Примеч. пер.*)

² Отметим в этой связи, что Канарис поспешил прибыть в Вену вместе с Гитлером. (Гитлер въехал в Вену 13 марта 1938 г. вместе с Кейтелем, чтобы лично обнародовать закон «О воссоединении Австрии с Германской империей». — *Примеч. пер.*)

эту фразу, когда партизаны поведут его к виселице. 27 сентября, желая посмотреть, какова будет реакция берлинцев, Гитлер приказывает 2-й моторизованной дивизии пересечь столицу рейха с запада на восток. Дивизию отправляют на границу с Чехословакией. Войска, как и было предусмотрено, движутся по центральной оси города, проходят по Вильгельмштрассе, мимо здания рейхсканцелярии. Фюрер заранее известил горожан об этом грандиозном зрелище (через средства массовой информации, контролируемые Геббельсом); он предполагает, что огромные массы людей выстроятся вдоль всего пути следования солдат, что уходящих на фронт будут приветствовать восторженными криками и охапками белых цветов, что девушки будут бросаться им на шею...

Сам он стоит на балконе, готовый вмешаться, если ликующая толпа станет неуправляемой. Он в совершенстве владеет искусством «быть агрессором и в то же время казаться жертвой агрессии». Он нашел самые язвительные слова, чтобы разоблачить чехословацкий империализм, и сейчас еще раз обдумывает речь, которую собирается произнести. Но вдруг фюрер с изумлением замечает, что перед рейхсканцелярией собралось не более двухсот человек. В. Л. Ширер, американский журналист, благодаря заметкам которого мы можем в деталях представить себе последовавшую далее сцену, уточняет, что «эта маленькая группа хранила полное молчание; [другие же] берлинцы торопливо спускались в метро. Это была самая удивительная антивоенная демонстрация, которую мне довелось увидеть за всю мою жизнь». Увы, никто в мире тогда не сделал надлежащих выводов из этой демонстрации, хотя вермахт (и даже Кейтель и Йодль¹) в тот конкретный момент не поддерживал воинственные намерения Гитлера. Мюнхен разоружил западные державы. «В тот день хватило неболь-

---

¹ Альфред Йодль (1890—1946) с 1938 по 1945 г. возглавлял штаб оперативного руководства ОКВ (за исключением промежутка времени между ноябрем 1938 г. и августом 1939 г., когда он был командиром 2-й горно-стрелковой дивизии). *(Примеч. пер.)*

шого давления, чтобы мы погубили всё», — утверждал впоследствии генерал Бек. Американский журналист мог с очень близкого расстояния видеть мрачное лицо рейхсканцлера, который явно был в ярости. Фюрер ушел с балкона, даже не дождавшись, пока пройдет мимо 3-я танковая дивизия. Еще один американский свидетель, Киркпатрик, подтверждает впечатления Ширера и других наблюдателей, немцев: «Невозможно вообразить себе ужас, отчаяние, разочарование масс, когда вновь начались разговоры о войне!»¹

Неудавшийся заговор против рейхсканцелярии

Отрезвляющее воздействие этого события на фюрера еще более усилилось благодаря приготовлениям к войне, которыми наконец занялись в Праге и в Париже. Гитлер, презиравший французов за то, что они не приняли никаких мер, чтобы изгнать его из Рейнской области, на сей раз был удивлен их реакцией. До сих пор он не сомневался в симпатиях англичан, но теперь и они всерьез встревожились. Гитлер испугался. Правда, он знает со слов Геббельса, что английская пресса представляет его «слегка безумным щенком», таким «славным малым» (*good boy*), как выразился лорд Гендерсон, посол Великобритании в Берлине. Тот же посол назвал Гитлера «генералом Врангелем мировой буржуазии». Как бы то ни было, Гитлер снова впадает в депрессию и обещает Чемберлену не посягать на независимость Чехословакии. Самые умные из нацистов начинают в нем сомневаться. Вот уже год, как влиятельная группа заговорщиков ждет благоприятного случая и возлагает свои надежды на генерал-майора Остера (начальника Центрального отдела абвера² и близкого друга Канариса), который, однако, ведет себя очень осторож-

---

¹ Ширер, со своей стороны, тоже подробно описывает эти настроения.

² Центральный отдел ведал архивом абвера и кадровыми вопросами. (*Примеч. пер.*)

но. По поручению заговорщиков Гёрделер¹ встречается — безуспешно — с высокопоставленными чиновниками из французского министерства иностранных дел, в том числе с Алексисом Леже (поэтом Сент-Джоном Персом). Поэт ему только улыбнулся, а в английском *Foreign Office*² сэр Ванситтарт обвинил его в «государственной измене», в предательстве своей страны. Союзники проявили беспримерную глупость и недалёковидность. Влиятельные немецкие офицеры, такие, как фон Клейст³ или начальник генерального штаба сухопутных войск Людвиг Бек, рисковали жизнью, встречаясь в Лондоне с промышленниками и немецкими дипломатами; они были готовы поклясться, что намерены положить конец диктатуре, если Великобритания поддержит их, пойдет на военное вмешательство. «Кто нам даст гарантии, что Германия не станет большевистской?» — ответили Чемберлен⁴ и генерал Гамелен⁵. Беку удалось склонить на свою сторону весь высший командный состав германской армии, включая Браухича, который, хотя и был доверенным лицом Гитлера, присоединился к *Schwarze Kapelle* («Черной капелле»)⁶, нацио-

---

¹ Карл Фридрих Гёрделер (1884—1945) в описываемое время был советником руководства концерна «Бош АГ» в Штутгарте (с 1937 г.). В 1937—1939 гг. он совершил серию поездок за границу для установления контактов с зарубежными политиками. Будучи противником войны, он возглавлял одну из групп (гражданскую), разрабатывавших планы свержения режима НСДАП. (Примеч. пер.)

² Министерство иностранных дел. (Примеч. пер.)

³ Эвальд фон Клейст (1881—1954) с 1935 г. был командиром 8-го армейского корпуса и 8-го военного округа в Бреслау. В 1938 г. во время чистки высшего военного командования после «дела Бломберга—Фрича» отправлен в отставку; в августе 1939 г. вернулся в строй и был назначен командиром 22-го армейского корпуса (танковой группы). (Примеч. пер.)

⁴ Невилль Чемберлен (1869—1940) — государственный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии; в 1937—1940 гг. был премьер-министром.

⁵ Морис Гюстав Гамелен (1872—1958) — французский генерал; в 1931—1935 и 1938—1939 гг. был начальником генерального штаба, в 1935—1940 гг. — заместителем председателя Высшего военного совета. (Примеч. пер.)

⁶ «Черная капелла» с 1933 г. боролась против Гитлера и нацистов, СА и СС; она подтолкнула Гитлера к «Ночи длинных ножей» и 20 июля 1944 г. потерпела окончательное поражение в своих попытках устранить фюрера. Объединявшая в своих рядах диплома-

нальной оппозиции. Это важный факт. Генералы договорились о «своего рода всеобщей забастовке высшего командования». Браухич обещал, что лично доставит Гитлеру ультиматум. (Он этого не сделает, но и не предаст своих товарищей.) Бек, Остер, Шахт планируют вместе с начальником полиции Берлина и фельдмаршалом фон Вицлебенем¹ арест фюрера. Сотня высших чиновников, членов организации «Стальной шлем», готовят государственный переворот. Вицлебен и его берлинский армейский корпус собираются, захватив рейхсканцлера, убить его на месте при малейшей попытке к сопротивлению. Гиммлер и Геринг чувствуют неладное, но, как ни странно, молчат, несомненно рассчитывая в случае успеха заговорщиков перейти на сторону своего «союзника-врага» Канариса. Ведь, в конце концов, Гейдрих сыграл очень важную роль в уничтожении СА, коммунистов, «красного вермахта». А то, что он убивал и евреев, никого не будет интересовать.

Мюнхенское соглашение спасает Гитлера

Все в верхах ждут путча, который на сей раз должен удасться, тем более что Англия и Франция, кажется, начинают проявлять больше понимания. В Берлине никто, даже Гитлер, не может предпринять хоть что-нибудь, чтобы предотвратить надвигающийся переворот. Армия, полиция пребывают в не-

---

тов, чиновников, генералов, аристократов, представителей традиционной буржуазии, она была, так сказать, костяком Германии, население которой в последние месяцы войны на 90% составляли немцы. Эта организация попытается (неумело или, может быть, слишком поздно) вступить в переговоры с союзниками — англичанами, американцами и русскими. И столкнется с решением Рузвельта, Черчилля и Сталина добиться безоговорочной капитуляции Германии.

¹ Эрвин Иов фон Вицлебен (1881—1944) с 1934 г. был командиром 3-й дивизии и 3-го (берлинского) военного округа. После отставки фон Фрича стал активным противником режима и сторонником его свержения вооруженным путем. Во время чистки в армии в 1938 г. отправлен в отставку. В августе 1938 г. назначен командующим 1-й армией на франко-германской границе. (*Примеч. пер.*)

Смысл гитлеровского утверждения:
«За мной стоят миллионы». Дж. Хартфилд. Плакат. 1933.

«Единство красных сделает вас свободными!
Выбирайте список 3». Дж. Хартфилд. Плакат. 1932.

Жители Саарской области приветствуют Гитлера на следующий день после плебисцита. 1935.

Люди приветствуют Гитлера в день его возвращения из Парижа. Берлин, Вильгельмплац.

Автофургон Имперского театра Германского Рабочего фронта «Сила через радость». 1939.

Гёббельс на премьере спектакля «Шлагетер» по пьесе Х. Йоста в Берлинском Государственном театре. 1933.

Доктор Гёббельс посещает немецких детей, находящихся на отдыхе в Линце (Австрия).

Ольга Чехова
и Адольф Гитлер
на приеме
у рейхсминистра
Риббентропа
22 мая 1939 года.

Прием для
Лени Рифеншталь
в честь премьеры
фильма «Олимпия»
в УФА-Паласте.
20 апреля 1938 года.

Марлен Дитрих.

Кэти фон Наги.

ЗВЕЗДЫ НЕМЕЦКОГО КИНО:

Магда Шнайдер.

Марта Эггерт.

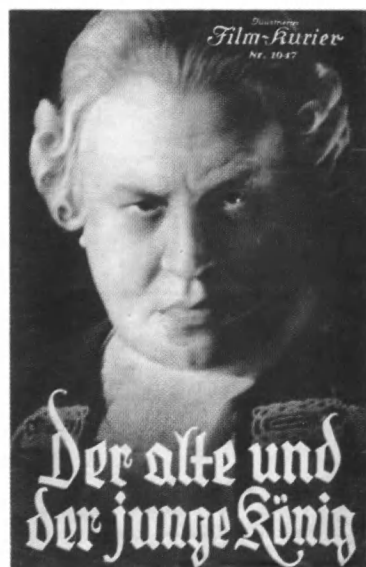
Ханс Альберс.

Афиша фильма
«Не забудь меня!».
В главной роли Магда Шнайдер.

Бригитт Хайм.

Афиша фильма
«Старый и молодой король».
В главной роли Эмиль Яннингс.

Улица Курфюрстендамм (Кудамм) в довоенном Берлине.

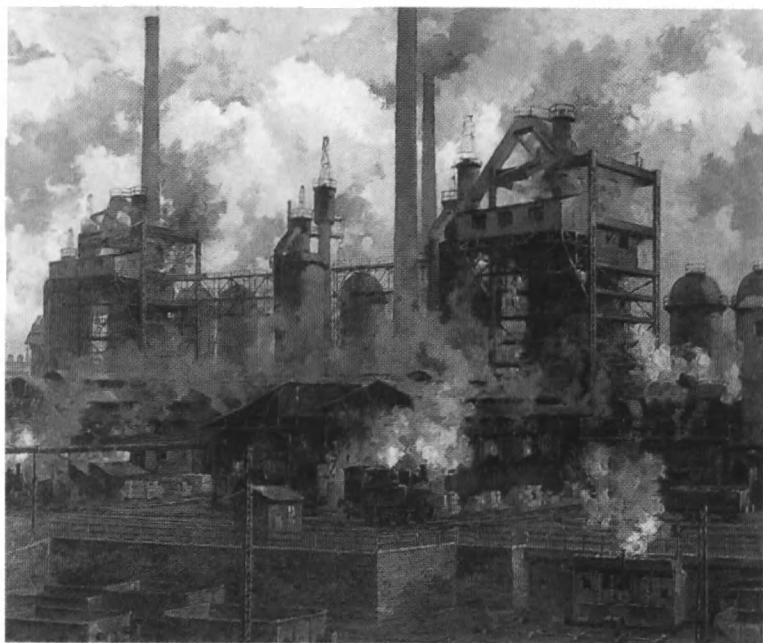

«Коксовая печь».
Картина неизвестного
художника
из мастерской Бендера.
Ок. 1935.

Эстафета ▶
Олимпия—Берлин.
Медаль ▶
XI Олимпийских игр
1936 года в Берлине.

«Рабочая цитадель».
Картина
Р. Пикко-Рюкерт. 1938.

Члены американской сборной Элен Стефенсон и Джеймс Кливленд Оуэнс, получивший на Берлинской Олимпиаде четыре золотые медали по легкой атлетике.

Факельное шествие нацистов от Бранденбургских ворот к зданию рейхсканцелярии в ночь после прихода Гитлера к власти.

Один из ежегодных партийных съездов НСДАП в Нюрнберге. Гитлер принимает парад.

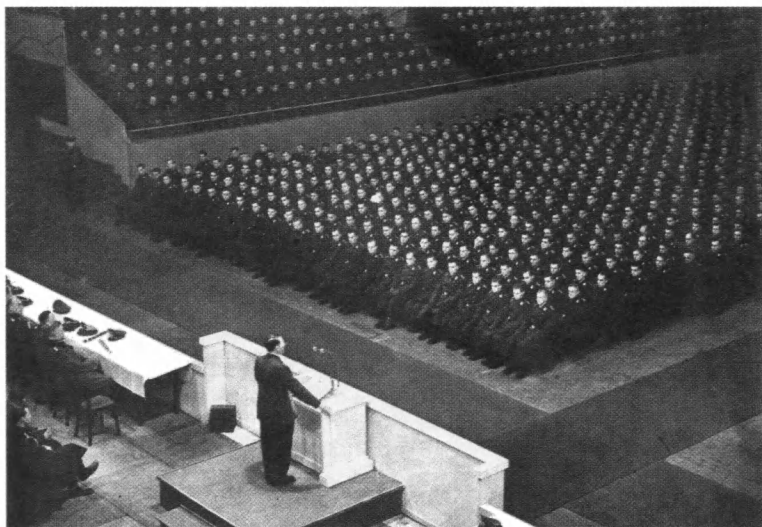
10 пфеннигов
Третьего рейха. 1938.

«Девушка-работница в рабочей одежде».
Картина Х. Рецлафа. Ок. 1939.

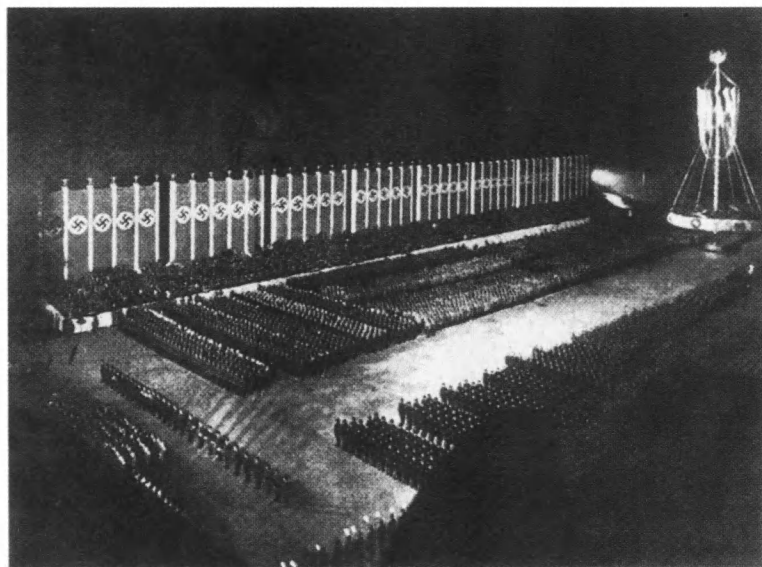
Во время
перерыва
работницы
завода
собрались
у передвижного
киноагрегата
организации
«Сила
через радость».

Фюрер выступает в берлинском Дворце спорта перед будущими офицерами сухопутных войск, Люфтваффе и СС.

Праздник труда в Люстгартене 1 мая 1936 года. *Берлин.*

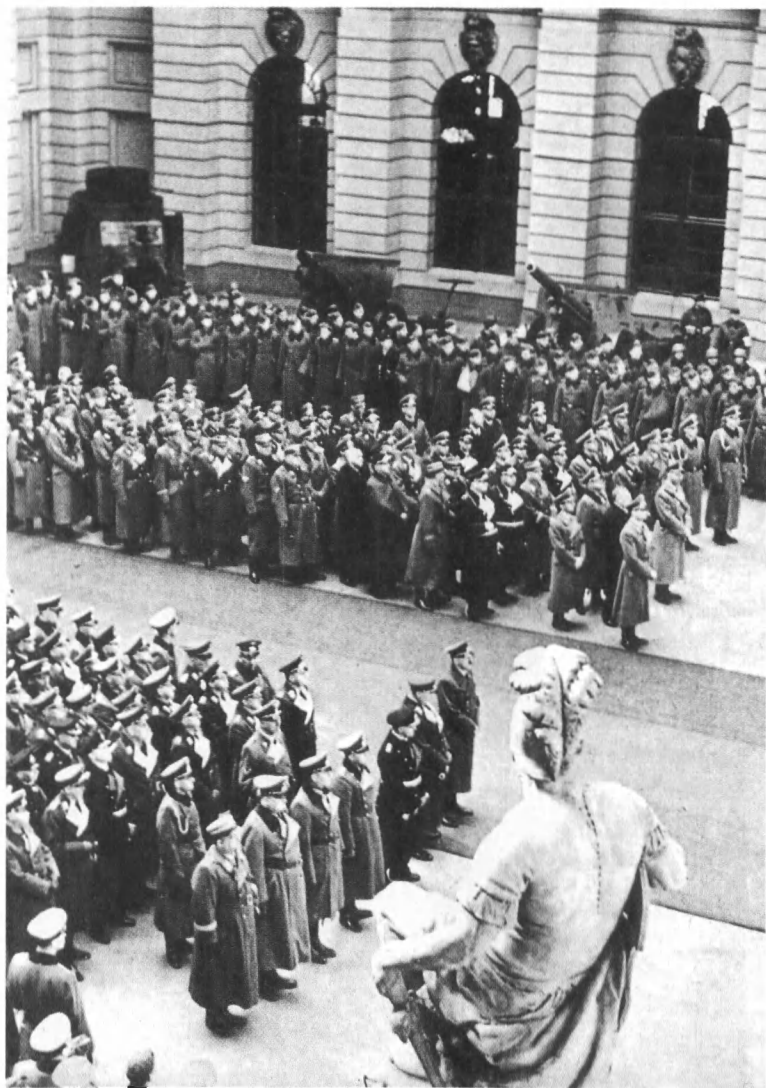

Молотов
в Берлине.
Ноябрь 1940.

Имперский съезд
1936 года. *Берлин.*

День памяти павших героев. Митинг во дворе берлинского цейхгауза.
Март 1940.

решительности. СС — что странно — не получает никаких точных и связных указаний. Как, впрочем, и гестапо. Армейский корпус Вицлебена ждет сигнала к выступлению в своих берлинских казармах. То подразделение, которое, собственно, и будет осуществлять государственный переворот, уже репетирует захват здания рейхсканцелярии. Вицлебен вместе с Гальдером¹ находится в ОКВ², на «Трепице» (название площади на берлинском аргю), где и узнает ошеломляющую новость: Муссолини, проинформированный своим послом Аттолико о сложившейся ситуации, приглашает Гитлера на конференцию, «которая должна состояться вдали от столицы, в Мюнхене» — в городе, верном фюреру. Гитлер спешит туда, чтобы встретиться дуче. Туда же прилетают Чемберлен и Даладьё³. «Государственный переворот в Берлине не состоялся потому, что Чемберлен и Даладьё, испугавшись небольшого риска, сделали неизбежной мировую войну», — скажут заговорщики 20 июля 1944 года, прежде чем будут подвергнуты пыткам и повешены. Гитлер, не подозревая о существовании грандиозного заговора, подготовленного его секретными службами, дипломатами, армейским генеральным штабом и некоторыми служащими полиции, все еще думает о скором вторжении в Чехословакию и во Францию. Муссолини, со своей стороны, удовлетворяется тем, что принуждает его подписать Мюнхенское соглашение, чтобы, по словам дуче, по крайней мере, сорвать ближайшие планы Риббентропа («этого слабоумного», как называл его Чиано).

Геринг, которого никто ни о чем не информировал, так сказать, не успел вскочить в поезд на ходу.

---

¹ Франц Гальдер (1884—1972) в сентябре 1938 г. сменил Л. Бека на посту начальника генерального штаба. Считал, что Германия не готова к войне. Осенью 1938 г. вместе с Беком возглавил антигитлеровский заговор. (*Примеч. пер.*)

² ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*) — Верховное командование вермахта; его штаб размещался в здании военного министерства вместе со всеми департаментами последнего, включая абвер. «Это гнездо заговоров», — скажет Гитлер Кейтелю, пожав плечами.

³ Эдуард Даладьё (1884—1970) — премьер-министр Франции в 1933-м и 1938—1940 гг.

Муссолини, тоже упустивший очередную возможность избавиться от опеки Гитлера, бросил знаменательную фразу, которая, как он думал, укрепит его престиж: «Демократии существуют лишь для того, чтобы глотать горькие пилюли». Очень скоро Гитлер, спасенный — хотя сам он этого не знал — соглашением, которого не желал, оккупирует Прагу, и тогда даже фон Фрич, генерал, опозоренный фюрером, но реабилитированный и с честью ушедший в отставку благодаря заступничеству Канариса, должен будет признать, что Гитлера «уже ничто не остановит на его судьбоносном пути!».

ПАРТИЯ В ПОКЕР

Вдова еврейского художника Макса Либермана¹ не особенно тревожилась в «Хрустальную ночь». Она живет в хорошей квартире на Гогенцоллернштрассе, в весьма фешенебельном квартале. Сам Геринг, человек, который, в зависимости от личных капризов или интересов, решает, «кто является евреем, а кто нет» (эту фразу, однако, первым употребил не он, а Винер, занимавший должность мэра Вены задолго до прихода Гитлера к власти), в свое время купил несколько картин у ее мужа. Все сотрудники генерального штаба заказывали свои портреты у Макса Либермана, как и фон Бломберг, как и семья Гинденбурга. Фрау Либерман, исполненная достоинства, с пергаментной кожей и орлиным профилем, с тонкими длинными пальцами, унизанными бриллиантами, кажется типичной представительницей крупной еврейской буржуазии Берлина, давно перемешавшейся с лучшими прусскими аристократическими семействами столицы (которые не придают значения расистским предрас-

---

¹ Макс Либерман (1847—1935) — живописец и график, в 1873—1878 гг. изучал живопись в Париже. Профессор (1897) и президент (1920) Берлинской Академии искусств. После прихода нацистов к власти подвергался преследованиям и был вынужден оставить пост президента Академии искусств. (*Примеч. пер.*)

судкам, с тех пор как приняли в свою среду французских гугенотов, подвергавшихся преследованиям со стороны Бурбонов). Эти старые и солидные еврейские семьи обосновались в городе далеко не вчера. Все знают, что они во многом обогатили его интеллектуальную, музыкальную, художественную жизнь. Очевидный знак давней межэтнической солидарности берлинцев (и, в определенном смысле, выражение мужества) — тот факт, что многие посетители, чьи фамилии начинаются с частички «фон», и после «Хрустальной ночи» продолжают класть свои визитные карточки на серебряный поднос в прихожей фрау Либерман. Пока никому и в голову не приходит, что суровые нюрнбергские законы могут быть применены к этой импозантной вдове. Ее сыновья окончили Французский лицей¹, и у нее в доме бывает, в числе других многочисленных друзей, генерал фон Хаммерштейн², который не боится говорить то, что думает, даже самому Гитлеру. А еще ее навещают журналисты, актеры с киностудии УФА, все влиятельные партийные деятели, поэты и, естественно, художники.

Как пытались справиться с ситуацией состоятельные евреи

Фрау Либерман, в чьем доме бывает столько гостей, ничуть не беспокоится. У нее еще есть время, она может сделать выбор — либо стать добровольной затворницей в своей красивой квартире (чтобы не пришлось носить на одежде каждый раз, когда выхо-

---

¹ Со времени эмиграции французских протестантов в Пруссию (после отмены Нантского эдикта в 1685 г.) Французский лицей давал образование многочисленным состоятельным юношам из Пруссии и Берлина, независимо от их конфессиональной принадлежности. «*Le lycée*», как называли его на французский манер многие прусские аристократы, прекратил свою деятельность в 30-е годы.

² Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878—1943) — генерал-полковник (с 1934 г.), один из руководителей рейхсвера. В 1929 г. был начальником Военного управления (тайного генерального штаба). Отрицательно относился к нацизму. В 1934 г. Гитлер заменил его бароном фон Фричем и отправил в отставку. (*Примеч. пер.*)

дишь на улицу, «позорную» желтую звезду), либо уехать в Швейцарию, очень дорого заплатив за свою эмиграцию. Многие ее знакомые выбрали второй путь. Все знают, что власти, чтобы избавиться от слишком заметных евреев, закрывают глаза на их отъезд или позволяют себя подкупить. Нюрнбергский закон не запрещает выезд из страны — при условии, что отъезжающие берут с собой не более 5% своего имущества. Канарис принимает евреев к себе на службу. Ходят слухи, что, обеспечив себе покровительство определенных лиц (например, вездесущего Германа Геринга), можно разделить свое имущество по другому принципу: 50 на 50 (половина идет покровителю и на покрытие административных расходов, половина остается отъезжающему). В некоторых случаях удавалось перевести значительные суммы непосредственно в иностранные банки — иногда это получалось без особых затруднений, иногда требовало очень сложных бюрократических игр, выгодных для финансистов Третьего рейха. Однако бывало и так, что тех, кто собрался эмигрировать, задерживали на границе, они теряли свободу или даже жизнь, потому что таможенники и полицейские некоторых соседних стран не принимали и отправляли обратно «менее богатых»! Фрау Либерман, несмотря на свой преклонный возраст, пожалуй, пустилась бы в эту опасную авантюру, если бы не визит ее старой подруги фрау Бэрхен (родившейся в Силезии в простой протестантской семье), донельзя возмущенной последними антисемитскими мерами. Фрау Бэрхен сказала, что собирается создать сеть убежищ для евреев, которые захотят остаться и ждать лучших дней.

Ободренная тем, что многие люди искренне желают ей помочь, восьмидесятилетняя фрау Либерман, которая любит Берлин и дорожит своими привычками, решает остаться. Если ее друзья-лютеране готовы ради нее рискнуть своей свободой, она, еврейка, просто обязана «сохранить лицо». Эти друзья живут на Савиньиплац, в очень красивом доме, где они выделили большую комнату для временного пребывания преследуемых. Уже известны и многие другие

«тайные прибежища», которые содержат надежные люди. Так рождается первая система защиты тех берлинских евреев, которые отказываются носить желтую звезду и живут на нелегальном положении. Система включает и «вспомогательные» подразделения, обеспечивающие нелегалов пищей, одеждой, фальшивыми документами и пр. Здесь соблюдаются сложные условия конспирации. С каждым годом система *Бэрхен* (по-немецки это слово значит «медвежонок») работает все более эффективно.

Смерть старой берлинки

Представители низших слоев общества — сколько бы Геббельс ни раздувал идею «пролетарского фашизма» — тоже испытывали «сострадание» к евреям (правда, в довольно расплывчатой форме); об этом говорят устные свидетельства очевидцев тогдашних событий, собранные автором в Берлине в 1983 году. Многие признают, что это чувство появилось у них только после «Хрустальной ночи». Раньше, по их словам, они «не видели никакой проблемы». Они не столько осуждали сам принцип антисемитизма, сколько сочувствовали каким-то конкретным людям — друзьям, знакомым торговцам. Вынужденные с 1942 года нести обязательную трудовую повинность, они не имели ни достаточных знаний, ни средств, ни времени, ни даже желания, чтобы поступать так, как некоторые состоятельные берлинцы. Эти последние, продолжавшие, вплоть до ужасных английских бомбардировок 1943 года, вести внешне праздную жизнь, такую же, как в прошлом, считали для себя постыдным выдать еврея. В этот круг входили представители духовенства, офицеры вермахта; они еще долго будут мечтать о триумфе Великой Германии, но при этом оказывать помощь системе Бэрхен. Гитлер, развертывая свою зловещую антисемитскую кампанию, сможет опираться только на доносы эсэсовцев. Он найдет поддержку и в определенных антисемитских кругах, убежденных в том, что все беды немцев проистекают

от евреев. В этом смысле «Хрустальная ночь» внесла трещину между нацистами и остальными берлинцами; видимость общего согласия будет восстановлена только после побед на Западе.

2 марта 1943 года люди из гестапо придут к восьмидесятипятилетней фрау Либерман, которая в этот момент будет лежать, после сердечного приступа, в своей квартире, по-прежнему украшенной картинами ее мужа. С большим достоинством она оденется, не произнеся ни слова, и ее повезут в берлинский еврейский госпиталь, превращенный в место сбора для тех, кого отправляют в лагеря смерти. Однако, прежде чем ее доставят в палату, она, уже на носилках, проглотит горсть таблеток веронала, припасенных на такой случай. Она умрет с улыбкой, как бы желая сказать санитарам-палачам: «Теперь вы видите — всё, что бы вы ни делали, не имеет смысла».

На Бернхардштрассе

На Бернхардштрассе 1939 года, улице, не имеющей ничего общего с уютной Гогенцоллернштрассе, где находится квартира фрау Либерман, близость железной дороги мешает людям спать. В этих восемнадцати домах с облупившейся штукатуркой живут рабочие и ремесленники. Их дети целыми днями играют в футбол на пустыре или гоняют на велосипедах. Шум полировочных и шлифовальных машин в сапожной мастерской мешает работать учителю музыки. В его комнате малыши в коротких штанишках без конца повторяют вальс Шопена. Среди других лавочек здесь есть и булочная. С ее балкона можно увидеть дочку сапожника, Хильдегард Кнеф, будущую кинозвезду. Девочка с завистью смотрит на свою более обеспеченную подружку Эдит, которая в белой юбке и блузке, с ракеткой под мышкой, выходит из булочной своего отца и отправляется на урок по теннису, на Кайзерплац. Хильдегард потом вспомнит, что рядом с булочной находились «бакалейный магазин, молочная, табачная лавка, раньше принад-

лежавшая Горжеланчеку, но потом переданная семье неевреев, Тодтов, которые находили эту ситуацию неудобной». До «Хрустальной ночи» все жители Бернхардштрассе навещали прежних хозяев табачной лавки, которые занимали двухкомнатную квартиру. «Они были, — рассказывает Кнеф, — слишком гордыми, чтобы брать у нас деньги, и предпочитали продавать свои фарфоровые статуэтки, столовую посуду, простыни. Однажды вечером — в ноябре 1939 года — к ним пришли соседи, чтобы выразить свою солидарность. Но оказалось, что в 4 часа утра они приняли яд, предварительно отравив двух своих детей». В галантерейной лавке работает еще одна еврейская семья... Женщина уверена, что с ней не может случиться ничего плохого. Она вывешивает на своем балконе нацистский флаг, чтобы отметить пятидесятилетие Гитлера, и в этот момент гестаповцы, среди бела дня, приходят за ее мужем. Оставшись одна, фрау Кауфман поднимается на крышу и прыгает в пустоту. Семью Кауфманов знают здесь уже на протяжении трех поколений. Все потрясены. Это случилось 20 апреля 1939 года, свидетельствует Хильдегард Кнеф.

В Новой рейхсканцелярии

Ночью того же самого 20 апреля 1939 года звон колоколов разбудил миллионное население Берлина. Гитлер некоторое время назад уехал из столицы, в которой никогда не чувствует себя уверенно. Обычно он предпочитает жить в своем неприступном «Орлином гнезде», в баварских горах. Но он должен вернуться на Шпрее, чтобы собрать нацистов, показаться перед ними, внушая восхищение или страх, по случаю своего пятидесятилетия. Начиная с самого раннего утра делегации, прибывшие из всех регионов Великой Германии, будут являться в Новую рейхсканцелярию, открытую в этом году, 12 января. Две статуи фланкируют большой подъезд с колоннами, над которым парит каменный орел, сжимающий в своих когтях свастику. Уже давно старый дворец Гинденбур-

га перестал соответствовать амбициям человека, которого после оккупации Праги ничто не может заставить свернуть с избранного однажды пути. Фюрер нуждался в циклопическом, массивном, колоссальном дворце. Альберт Шпеер в течение девяти месяцев занимался почти исключительно строительством этого дворца в сотрудничестве со скульптором Арно Брекером, специалистом по гигантизму. Залы облицовывались плиткой и порфировыми плитами, двери были отлиты из бронзы. Некоторые помещения имитируют стеклянную галерею Версаля. Высокие окна этого нацистского архитектурного шедевра, расположенного в центре столицы, выходят в сад. Повсюду — средневековые шпалеры, колоннады, фронтоны, канделябры, затмевающие даже ту роскошь, которой Геринг окружил себя в «Каринхалле». Фюрер, скверная копия Людовика XIV, превзошел своего Фуке¹ по части дурного вкуса. Полы покрыты такими толстыми и большими коврами, что чиновники, только ступив на них, уже чувствуют приятную расслабленность. Фасад здания немного напоминает фасады мюзик-холла в нью-йоркском Радио-сити или «Рекса» в Париже: его отличает та же дурная «театральщина», продиктованная претенциозным стремлением создать эффект грандиозности. Офицеры в форме похожи на распорядителей гала-спектакля в обшитых галунами ливреях. Эти гвардейцы СС, специально подобранные так, чтобы они производили впечатление на посетителей, очень красивы в своей черной с серебром униформе; у всех — широкие плечи, светлые волнистые волосы, белые зубы, голубые глаза, загорелая кожа. «Эти непорочные архангелы», как иронически называет их Шахт, учтиво сопровождают приглашенных или просто неподвижно стоят вдоль стен. Когда им приказывают, они открывают

---

¹ Никола́ Фуке (1615—1680) в 1653—1661 гг. был генеральным контролером финансов, сосредоточил в своих руках огромную власть, обогащался за счет системы откупов и займов, превратил купленный им остров Бель-Иль (Бретань) в неприступную крепость. В 1664 г. был осужден по обвинению в заговоре и последние годы жизни провел в заключении.

тяжелую дверь из красного дерева, 6 метров в высоту, которая ведет в кабинет фюрера, размером 27 x 15 метров и высотой 10 метров. Потолок сделан из палисандра и имеет фигурную поверхность; стены — из красного мрамора, декорированные геральдическими знаками, что соответствует воинственным устремлениям хозяина кабинета. На длинном палисандровом рабочем столе с восемью выдвигаемыми ящиками — один телефонный аппарат, слева — настольная лампа, посередине — чернильница; по обеим сторонам от стола — тяжелые кресла для фюрера и его посетителей; справа от кресла рейхсканцлера два стула — для переводчика и секретаря; перед огромным камином, в котором всегда горят пихтовые дрова, — канапе. Прямо напротив письменного стола, над камином, — портрет Бисмарка. Застекленные двери выходят в сад, где постоянно несут караул «архангелы» из СС, которые кажутся окаменевшими. Эти люди-статуи дежурят также в зале ожидания, длиной 46 метров, предназначенном для малых приемов и имеющем стеклянный потолок. Их можно увидеть и в большом парадном зале, и в других, еще не законченных гигантских помещениях, где пока стоят строительные леса. Именно в это здание мечтает переселиться — после успешного осуществления государственного переворота — генерал Вицлебен, командующий берлинским армейским корпусом.

Гитлер уже принимал здесь представителей дипломатического корпуса, которые приходили поздравить его с Новым годом, и беседовал с папским нунцием, монсеньором Орсениго. Делегации национал-социалистической партии, прибывшие из Прибалтики, Австрии, Чехословакии, со всех концов Германии, одна за другой поднимаются по ступеням западного подъезда рейхсканцелярии (со стороны Воосштрассе) и проходят между гвардейцами, которые застыли, расставив ноги и сжав в руках автоматы, устремив взгляд куда-то вдаль. Другие часовые, в черном, уже внутри здания, образуют тройной кордон, который тянется до самого кабинета Гитлера. Это люди из «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» (полка лич-

ной охраны фюрера)¹, «лучшие из лучших», подчиняющиеся только Гиммлеру и Гейдриху, которые контролируют друг друга. И все-таки эта система могла бы в 1938 году рухнуть, как карточный домик, если бы Гитлер в критический момент не оказался в Мюнхене вместе с Муссолини, Чемберленом и Даладье и не подписал там «Пакт четырех», отдавший Чехословакию на милость нацистов.

Гитлер празднует свое пятидесятилетие

Около 9.30 утра колокола Берлина наконец умолкают, и фюрер, сопровождаемый разряженной свитой, направляется к гигантской эспланаде, минуя двух мрачных колоссов работы Брекера, — эти статуи символизируют *Die Partei u Die Wehrmacht* (партию и армию). На официальной трибуне уже заняли свои места военные советники, и среди них капитан Штелин, советник по авиации при Французском посольстве; он держится очень прямо, поправляет очки. В этот день стоит хорошая нежаркая погода. Многие любопытные взгляды устремлены на Иоахима фон Риббентропа, главное лицо в новой дипломатии, пока мало кому известное. В 10 часов звуки военного духового оркестра возвещают начало парада — с этого момента стальная река будет непрерывно течь мимо трибун до трех часов пополудни. Грандиозный парад, самый роскошный из тех, что проводились в Берлине со времени прихода к власти нацистов, посвящен пятидесятилетию фюрера. Но что думают об этом зрелище берлинцы? Через каждые 100 метров они натываются на изображения орлов — на Шарлоттенбургском шоссе, на площади Республики, на Унтер ден Линден. Им, жителям столицы, обещали воздвигнуть недалеко от

---

¹ Полк был сформирован из существовавшего ранее отряда личной охраны Гитлера («Лейбштандарт») в сентябре 1933 г., на Нюрнбергском партийном съезде, его возглавил группенфюрер СС Зепп Дитрих. Полк просуществовал до последнего дня режима. Он сыграл ведущую роль во время событий «Ночи длинных ножей», а после начала Второй мировой войны участвовал во многих боевых действиях на Западном и Восточном фронтах. *(Примеч. пер.)*

Бранденбургских ворот здание с самым большим куполом в мире. Уже построили министерства, рассчитанные на вкусы мегаломанов и изменившие привычную панораму города. Гогенцоллерндамм, Фербеллинерплац стали неузнаваемыми. В центре зеленые пространства, возможно, вскоре исчезнут, уступив место заводам концерна «ИГ Фарбениндустри»¹. Берлин — это чувствуют все — постепенно превращается в уродливый и печальный город, в казарму, наподобие той, что носит имя рейхсмаршала Геринга и расположена в старом французском квартале.

Человек, разряженный, как павлин

Толпа тоже кажется серой, несмотря на весну; люди плохо одеты — ведь немецкие фабрики теперь производят только синтетические ткани. Как далеки те исполненные энтузиазма дни, когда нацисты только что захватили власть и все с нетерпением ждали начала Олимпийских игр! Берлинцы шепотом обмениваются ироническими замечаниями на террасе кафе «Кранцлер», под разноцветными тентами, пока кельнеры в белых форменных куртках спуют между столиками, разнося кофе и пиво. «Вы слышали, что говорил Геббельс по поводу ближайшего съезда партии? Что это будет “Съезд мира”²!..» Мир? Берлинцы вот уже год как не верят в возможность мира — после тотальной оккупации Чехословакии, после Мюнхенского соглашения, которое разоружило Запад, а в Германии парализовало внутреннюю оппозицию. Семья Риббентропов покинула свой особняк на окраине города — тот самый особняк, в гостиной которого январским вечером 1933 года было сделано все возможное, чтобы поставить Гинденбурга в безвыходное положение.

---

¹ Крупнейший химический концерн Германии, контролировавший значительную долю производства основных химикатов, в том числе азотных соединений, на которых базировалось производство боеприпасов.

² «Съезд мира» (партийный съезд в Нюрнберге) был запланирован на 1939 г., но не состоялся ввиду начала Второй мировой войны. (*Примеч. пер.*)

ние. Риббентроп, в прошлом торговец шампанскими винами, «который никогда не читал текста Версальского договора» (Чиано), ныне занимает старинную резиденцию премьер-министра Пруссии. Она расположена прямо напротив дома № 76 по Вильгельмштрассе — министерства иностранных дел, откуда Гитлер уже удалил фон Нейрата. До сих пор ни одному нацисту не удавалось внедриться в самое сердце немецкой дипломатии. Но Риббентроп в Лондоне сумел заключить морское соглашение с Великобританией¹ — после того, как встретился с «безответственным» Галифаксом² (Черчилль). Правда, основная заслуга в этом все-таки принадлежит Гранди³, итальянскому послу в Великобритании, который устроил Риббентропу свидание с герцогом и герцогиней Виндзорскими на одном плато по дороге в Берхтесгаден, куда они направлялись. Однако большинство англичан терпеть не могут этого «разряженного, как павлин» немца, который, явившись ко двору, позволил себе щелкнуть каблуками и выбросить вперед руку. Риббентроп, со своей стороны, ненавидит англичан и уже обдумывает сложный план их уничтожения, который собирается разработать во всех деталях, когда Гитлер предоставит ему реальную возможность этим заняться.

Два самолета взлетают с аэродрома «Темпельхоф»

Литвинова⁴ отстранили от советской дипломатии (точно так же, как барона фон Нейрата отстранили от дипломатии немецкой). Именно этот факт побу-

---

¹ Англо-германское морское соглашение 1935 г. фактически санкционировало нарушение Гитлером военных ограничений, наложенных на Германию Версальским договором 1919 г., и дало фюреру возможность наращивать силы флота. (*Примеч. пер.*)

² Лорд Галифакс, Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881—1959) в 1938—1940 гг. был министром иностранных дел Великобритании. (*Примеч. пер.*)

³ Тот самый Гранди, который через несколько лет, с согласия короля Италии, произведет арест Муссолини.

⁴ В России после 1917 г. было только четыре человека, возглавлявших внешнеполитическое ведомство: Чичерин, Литвинов, Молотов, Громыко.

дил Гитлера и Риббентропа в августе 1939 года пойти на прямой контакт со Сталиным. В том же месяце представители союзных держав отправились в Москву, намереваясь совершить первую часть своего путешествия на борту торгового судна, которое причалит в Мурманске. 22 августа 1939 года в аэропорту «Темпельхоф» капитан Баур заводит моторы своего большого истребителя «Фокке-Вульф-200 Кондор», на котором должны лететь Риббентроп и дюжина высокопоставленных чиновников. Второй «Кондор» доставит в русскую столицу переводчиков, секретарш, документы и все прочее, что необходимо для самых значимых переговоров века. Ганс Баур загружает в сопровождающий самолет разные продукты (яйца, масло, сыры, шпинат, вина, шампанское): с этими русскими дьяволами никогда нельзя быть уверенным в том, что найдешь на месте все, что нужно. Баур шутит с механиками. Он, когда-то доставивший Гитлера в Мюнхен в памятную «Ночь длинных ножей», теперь говорит, что вылетает в Россию, «чтобы провести там день серпа и молота» (свидетельство одной из секретарш Риббентропа).

Вся эта сцена проходит незаметно, вдали от немецких и иностранных журналистов. Даже Канариса Гейдрих не считает нужным ввести в курс дела, хотя в это утро, как обычно, совершает вместе с ним конную прогулку. Небо над Берлином ясное, аэропорт «Темпельхоф» охраняется эсэсовцами, когда туда прибывают наконец черные «Мерседесы» с Вильгельмштрассе «со всем снаряжением», необходимым для великой воздушно-дипломатической акции. Пилот Баур (а одна из маленьких тайн нацистского режима состоит в том, что человек этот является доверенным лицом главы немецкого государства и в кабине пилота рядом с ним всегда сидит сам фюрер) даже позволяет себе некоторую фамильярность в отношении Риббентропа, красного от возбуждения и старающегося сохранить должную дистанцию между собой и всеми остальными. «Вот этот наверняка не избежит приступа воздушной болезни», — говорит Баур своему механику и другим членам экипажа,

указывая кивком головы на главу миссии. Летчики охотно смеются, думая о том, что хорошеньким секретаршам из министерства иностранных дел тоже, вне всякого сомнения, понадобится мужская поддержка. Наконец все погружено: пишущие машинки, телетайпы, шнапс, сосиски... — и лопасти винта начинают вращаться; все идет хорошо. Два самолета поднимаются в воздух и берут курс на Кёнигсберг, где их уже ждут. Перевернут ли несколько ближайших дней судьбы мира?.. Возможно — если «партия в покер» будет сыграна удачно.

Гитлер боится

Гитлер смотрит на портрет Бисмарка, словно желая попросить совета у своего великого предшественника. Вайцзеккер¹, один из его доверенных сотрудников, в это время отмечает в своем дневнике (для будущих поколений), что рейхсканцлер растерян. «Не нужно ли вам чего-нибудь, мой фюрер?» — «Я боюсь услышать в самое ближайшее время оглушительный татарский смех». — «Это они должны бояться вашего смеха, мой фюрер». Той же ночью советский посол жалуется своим гостям на то, что «часто не получает приглашения на приемы» и что «его мнением пренебрегают более откровенно, чем мнением любого другого иностранного дипломата в Берлине». Пока он ведет эти безответственные разговоры в своем элегантном Курляндском дворце (дом № 7 по Унтер ден Линден), который еще до революции принадлежал Российскому посольству, а потом перешел к Советскому правительству, поверенный в делах Сергей Астахов выходит прогуляться в сторону Кудамма, улицы, никогда прежде не казавшейся ему

---

¹ Эрнст фон Вайцзеккер (1882—1951) — барон, дипломат, обергруппенфюрер СС. В 1936—1938 гг. — руководитель Политического отдела имперского министерства иностранных дел. После назначения в 1938 г. И. фон Риббентропа рейхсминистром иностранных дел занял пост статс-секретаря министерства. (*Примеч. пер.*)

такой привлекательной, как в эту ночь. Именно Астахов, выступая от имени «Востока» (тогда еще никто не умел оценить истинную значимость этого человека для Запада), стал провозвестником нового поворота в политике, намекнув немецким дипломатам, что товарищ Молотов прекрасно умеет «сочетать политические дискуссии с плодотворным коммерческим обменом». Он же обронил чрезвычайной важности фразу: «Если Германия решится вступить в переговоры с СССР, Москва откажется подписать договор о военном союзе с Великобританией и Францией».

«Пляска смерти» в кабаре

Лоренс Даррелл¹, автор знаменитого «Александрийского квартета», рассказывает, как английские журналисты в один из тех августовских дней собрались в «Танцфесте», кабаре, которое любили посещать сотрудники посольства Великобритании. Это заведение представляло собой анфиладу полуподвальных помещений, освещаемых свечами, со стенами, обитыми голубым узорчатым шелком; его фирменными «блюдами» были выступления саксофонистов, особенно так называемый «похоронный фокстрот», или *Todentanz*, «пляска смерти». Все это, как и гомосексуалисты с Александерплац, свидетельствовало о том, что старый Берлин продолжал существовать наряду с рождавшейся нацистской столицей.

«Если Третий рейх и СССР передерутся между собой, мы сможем жить в мире», — заметил один из английских журналистов.

«Только на это нам и остается надеяться», — вмешался в разговор молодой атташе английского посольства. Но тут все были вынуждены замолчать, потому что на эстраде появилась группа изображавших скелеты танцоров (в черных трико, с намале-

---

¹ Лоренс Джордж Даррелл (р. 1912) — английский писатель-модернист, теоретик литературы. Жил на Ближнем Востоке, где и происходит действие многих его книг. «Александрийский квартет» — тетралогия. (Примеч. пер.)

ванными поверх них «костями»), которые стали истерично выкрикивать: «*Berlin, dein Tanz ist der Tod!*» («Берлин, твоя пляска — пляска смерти!»).

Трагические фарсы и ловушки?

Гейдриху было двадцать восемь в тот момент, когда Гитлер, в возрасте сорока трех лет, вполне легально стал рейхсканцлером Германии, с помощью своих старых соратников, таких, как Рем и Геринг, и тридцатитрехлетнего агронома Генриха Гиммлера¹. Именно злому гению Гейдриха Гитлер обязан всеми своими успехами: удачным осуществлением «Ночи длинных ножей», неизменными выигрышами в «игре в покер» с генеральным штабом вермахта, операцией — фюрер пока не знает, удалась она или нет, — по передаче Сталину и НКВД компромата на маршала Тухачевского (что приведет к уничтожению командного состава Красной армии и обеспечит победы Германии на первом этапе войны против России, до боев под Москвой). Историк Виктор Александров посвятил много времени исследованию обстоятельств расстрела Тухачевского в подвалах Лубянки и выяснил, что причиной гибели маршала стали фальшивые документы, подброшенные людьми Гейдриха! Тот же историк еще большее внимание уделяет сверхсекретной подготов-

---

¹ Генрих Гиммлер (1900—1945) родился в Мюнхене, в семнадцать лет был призван в армию, но успел прослужить всего год и остался рядовым. После войны влачил жалкое существование в Берлине, какое-то время (в 1919 г.) существовал на доходы своей сожительницы-проститутки Фриды Вагнер и в 1920 г. привлекался к суду по обвинению в ее убийстве, но за отсутствием улик был оправдан. В 1925 г., не будучи знакомым с Гитлером, написал ему, приехал к фюреру по его приглашению и получил из его рук партийный билет. Впоследствии он много раз доказывал Гитлеру свою полезность и в 1929 г. возглавил отряд СС. Гиммлер отличался редкой работоспособностью, его рабочий день начинался в восемь утра и нередко заканчивался к двум часам ночи. Он испытывал привязанность к своим старым друзьям и способствовал продвижению по служебной лестнице многих из них. Он, в отличие от большинства нацистских лидеров, не использовал свое высокое положение для личного обогащения. О личности Гиммлера см.: Деларю. История гестапо. С. 89—109. (Примеч. пер.)

ке советско-германского пакта, которой опять-таки руководил Гейдрих, человек, несущий ответственность одновременно и за немецкие, и за советские «чистки».

Рейнгард Гейдрих, согласно этому историку, действовал как истинный *diabolicus ex machina*¹ двадцатого века. Но мы должны согласиться с Генрихом Хёне: Гейдрих был всего лишь «вторым» человеком (после Гиммлера) в СС и гестапо, которыми руководил, почти не покидая пределов своего дома на Альбрехтштрассе, где иногда играл — а он был столь же превосходным скрипачом, сколь хорошим семьянином, — музыке Мендельсона, запретную для всех остальных.

Гейдрих (мы уже об этом говорили) был нужен Гитлеру также в качестве «противовеса» Канарису, шефу абвера (армейских секретных служб), и самому Гиммлеру, который доверял своему подчиненному и, по мнению некоторых, испытывал «почти детское» восхищение перед этим экспертом в сфере шпионажа. Гейдрих сохранял способность действовать и тогда, когда все вокруг теряли голову, не зная, как бороться с тем или иным заговором, и это качество иногда изумляло даже самых близких его сотрудников. Уважал ли он Гитлера? Видимо, да, потому что сохранял верность ему до самой смерти, но точно мы никогда этого не узнаем. Боялся ли Гитлер Гейдриха? Никто этого никогда не узнает; во всяком случае, фюрер не отпускал в адрес Гейдриха те насмешливые или злые фразы, которые были так характерны для его общения с близкими людьми. Даже жена Гейдриха не представляла себе реальные границы власти своего мужа. Риббентроп, «разряженный, как павлин», улетел в Москву, ничего не зная о фальсифицированных досье, которые Гейдрих «переправил» в этот город несколько лет назад, благодаря своим личным отношениям с НКВД, через посредство двойных агентов, известных только Гитлеру и его «Мэфистофелю». Геринг тоже был не в курсе этой операции (как и Геббельс, как и Рудольф Гесс), хотя его, несмотря на его англomанию, прочили в наследники Гитлера. Даже Гиммлер и Канарис не знали всего. В опреде-

---

¹ «Дьявол из машины» (лат.). (Примеч. пер.)

ленном смысле можно сказать: левая рука СС не ведала того, что творит правая, — например, когда осуществлялась ликвидация фон Шлейхера и Грегора Штрассера, одного из двух «литературных негров» Гитлера¹, или когда готовился (по особой методе и втайне от Советского посольства в Берлине) германо-советский пакт.

Пока город спит...

По некоторым сведениям (которые мы не можем подтвердить формальными доказательствами), Гейдрих уже сфабриковал поддельную «звукозапись голоса Чемберлена» и собирается послать ее в Кремль, вслед за фальшивыми документами, компрометирующими Тухачевского. Об этой операции знают (с немецкой стороны) только семь человек, включая инженеров звукозаписи и двух двойных агентов, грузин, ответственных за контакт с Берией. Несчастный артист из варьете, который умел превосходно имитировать голос британского премьер-министра, поймет слишком поздно, перед самой смертью, какую роль его заставили сыграть. Голос этого артиста, записанный на грамофонный диск и каким-то образом скомбинированный с подлинным голосом Гитлера, предлагает фюреру напасть на СССР и обещает благоприятный нейтралитет западных держав. Берия будто бы всему поверил — как и Сталин, которому он без всяких комментариев передал звукозапись. Однако в таком допущении есть одно слабое звено: Сталин до самой смерти не удалил от себя ни Берию, ни Молотова, которого тоже наверняка ввели в курс дела. Не слишком ли молод был Гейдрих, чтобы «переиграть» таких экспертов? Ясно лишь, что эта операция, операция *Мейстерзингер*, как цинично называл ее Гейдрих, действительно имела место и что во всех деталях она была известна только Гейдриху и Гитлеру. Когда Гейдрих и Гитлер внедрили свою фальшивку в Москву, действительно ли Берия, Молотов, Сталин попались

---

¹ Второй «негр», Штампфель, останется в живых.

на эту удочку? Скорее, Сталин, в свою очередь, обманул нацистов и демократов. Ему нужно было выиграть время, а потом поодиночке разбить своих противников — Третий рейх и Британскую империю. Он мог, воспользовавшись удобным случаем, столкнуться со своими противниками друг с другом.

Единственный значимый результат для такого безжалостного человека, как Сталин, чье имя для половины населения земного шара ассоциируется с особой национальной политикой, бесчисленными человеческими жертвами и войной, — победа. Все предварительные маневры перед заключением советско-германского пакта были «игрой в покер» с дьяволом — игрой, которая в конечном счете для Гитлера закончилась плохо, а Сталину дала необходимую передышку, позволила собраться с силами и, опираясь на помощь союзников (прежде всего американцев), выиграть Вторую мировую войну.

Русские имели все основания назвать эту войну «Отечественной». Для евреев она стала борьбой за выживание, для Франции — Спротивлением. Теперь, полвека спустя, нас интересуют не столько интерпретации этой войны — дерзкие, взвешенные или предвзятые, сколько факты. Так, в 1984 году появились первые публикации о том, что Александра Коллонтай, феминистка и несравненный советский дипломат, предала Сталина, предпочла встать на сторону Гитлера¹. Правда это или ложь?

---

¹ К этому следует добавить, что Хёне в своей биографии Канариса приводит такой эпизод: еврей Эдгар Клаус, партнер Александры Коллонтай по игре в бридж и эксперт абвера по русским вопросам, информировал адмирала о том, «что она готова сделать выбор в пользу немцев, если Гитлер предложит ей достойные условия». Клаус приезжает в Берлин. Канарис, согласно тому же Хёне (G. Nöhne, *Canaris*), поставил в известность Гитлера. Гитлер отдал распоряжение Йодлю «щедро удовлетворить во всем даму из Кремля». Берндт Мартин, другой историк, которого цитирует Хёне, уточняет, что она (Коллонтай) имела на своем счете три миллиона долларов и «хотела купить дом». Где именно находился этот особняк, точно не известно. Канарис сперва не поверил своим ушам и не сразу решил доложить о сообщенных ему сведениях Гитлеру. Тот факт, что Гитлер отдал Йодлю вышепроцитированное распоряжение, подтвердил 20 июля 1941 г. посол Риттер из министерства иностранных дел.

Очевидно, потребуются усилия нескольких поколений, чтобы прояснить все обстоятельства inferнальной «карточной партии», начавшейся в 1939 году.

На Дельбрюкштрассе

В специальных мастерских СД Рейнгард Гейдрих (на стороне Гитлера и против Канариса) играет в «подготовку польской агрессии». В тот же день, 31 августа 1939 года, в рейхсканцелярии Иоахим фон Риббентроп, чья левая рука украшена слишком бросающимся в глаза перстнем с печаткой, подает Гитлеру листы с текстом советско-германского соглашения:

«Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами...»

Затем Гитлер внимательно просматривает депеши, которые свидетельствуют об охватившей мир панике. Англичане и французы ошеломлены, Варшава готовится к худшему. Муссолини кипит от бесильной ярости, японский кабинет министров пал. Рейхсканцлер оставил свою собаку Блонди¹ и Еву Браун (к кому из них он больше привязан?) в Баварии. В Берлине идет подготовка к тотальной войне с Польшей, которая начнется 1 сентября.

Еще нужно найти предлог для войны, чтобы мировая общественность не рассматривала немцев как агрессоров. Риббентроп убежден, что ни англичане, ни французы не станут вмешиваться. На германо-польской границе генерал-полковник Гальдер, в каске и полевой форме, отмечает в своем блокноте, что решающее событие должно произойти сегодня или никогда, потому что вот-вот начнутся дожди. Шеф абвера, адмирал Канарис, пытается

---

¹ Блонди — восточноевропейская овчарка, которую Гитлер очень любил и накануне краха Третьего рейха взял с собой из Бергхофа в Берлин. Утром 30 апреля 1945 г., накануне самоубийства, Гитлер приказал умертвить Блонди. (*Примеч. пер.*)

выяснить, куда исчезли из его секретного хранилища сто комплектов польской военной формы (те самые, которые наденут на себя немецкие заключенные, чтобы устроить провокацию)¹. Гальдер очень скоро подвергнется «нападению поляков», но сохранит невозмутимость и ввязываться в «сражение» не станет. На месте очень кстати окажутся фотографии, которые будут свидетельствовать о происшедшем перед всем миром; среди них — фотокорреспонденты из «Сигнала», немецкого варианта «Париматч». Затем — менее спокойный, чем это кажется со стороны, — Гальдер отдаст приказ об общем «контрнаступлении». За несколько часов немецкие танки, при поддержке самолетов «Stukas» (первых пикирующих бомбардировщиков), полностью уничтожат 37 не приспособленных для современной войны полков героических польских улан, которые будут бросаться на бронированные машины верхом на конях и с саблями наголо. Эти романтические поляки еще недавно хвастались, что всего за несколько дней могут преодолеть путь до Берлина. Война окончится для них через месяц, но не так, как они ожидали: Варшава падет, оказав врагу такое же упорное сопротивление, как то, что когда-то принесло славу защитникам Масады². Данциг станет немецким портом. Гитлер, отдавая 1 сентября при-

---

¹ Речь идет о так называемом «глейвицком инциденте» — инсценировке нападения польских солдат на немецкую радиостанцию в приграничном городке Глейвице — эпизоде, который послужил поводом для вторжения германских войск в Польшу. Непосредственной подготовкой операции занимались по поручению Гейдриха сотрудник СД Альфред Науйокс (1911—1960) (руководитель подсекции, занимавшейся техническими вопросами) и шеф гестапо Генрих Мюллер. Роль Мюллера состояла в том, что он подобрал «консервы» — дюжину осужденных преступников, которые, переодевшись в польскую форму, осуществили захват радиостанции (им обещали освобождение, но на самом деле перед операцией впрыснули смертельные инъекции яда, а потом они были застрелены подчиненными Науйокса). Интересно, что Науйоксу, «человеку, начавшему Вторую мировую войну», в 1946 г. удалось бежать из американского лагеря для военнопленных и скрыться. Он так никогда и не был обнаружен, хотя, по некоторым сведениям, жил в Гамбурге. *(Примеч. пер.)*

² М а с а д а — крепость в Палестине, последний оплот участников антиримского восстания 66—73 гг. н.э. *(Примеч. пер.)*

каз о вторжении в Польшу, еще не знал, что 3 сентября ему объявят войну Великобритания и Франция и что эту войну, как понимает даже фанатичный Йодль, он не сможет выиграть, если 110 французских и английских дивизий двинутся на территорию Германии, где им смогут противостоять всего 25 немецких резервных дивизий. «Дядя Герман» в те дни сказал адмиралу Дёницу¹, «что война с Англией будет означать конец Германии». Но даже Геринга не хотят слушать. И он, Геринг, уже знает, «что сам ход событий заставит поблекнуть его звезду» (Гизевиус).

Громкоговорители на опустевших улицах

Утром 3 сентября, в воскресенье, улицы залитого солнцем Берлина опустели. Горожане устремились в парки в предвкушении пикников и послеобеденного сна на густой траве, в тени деревьев. Они, конечно, читают вчерашние газеты, скептически качают головами, уже не веря «пропаганде». Война с Польшей может затянуться. Тогда многие семьи пострадают, потому что почти в каждой из них один или несколько сыновей втянуты в эту опасную «игру в кости». Тем не менее люди боятся гестапо и воздерживаются от комментариев. Каждый хочет верить (хотя и не верит по-настоящему), что военные действия в Польше закончатся так же быстро, как и в Чехословакии. И тут, в Берлине, в его парках с прудами, где гуляющие катаются на лодках, через громкоговорители (а они имеются повсюду, даже в кронах деревьев) объявляют, что Германия вот уже час как находится в состоянии войны с Великобританией и Францией. У тех, кто только что подкреплял свои силы плохим хлебом и плохими сосисками, кусок застревает в горле...

---

¹ Карл Дёниц (1891—1980) в 1935 г. был назначен «фюрером (командиром) подводных лодок» и возглавил 1-ю подводную флотилию; в 1939 г. был назначен командующим подводным флотом. (*Примеч. пер.*)

Ко всеобщему изумлению, англичане и французы так и не решились на военное вмешательство. Гитлер поспешно приезжает в рейхсканцелярию — после того, как в своем «Орлином гнезде» принял послов Франции и Великобритании. Он мертвенно-бледен, обезумел от страха и ярости; когда он поворачивается к Риббентропу, охваченный приступом дикого гнева, его глаза сверкают сине-зеленым огнем: «И что теперь?»

Личный секретарь фюрера запомнит, что Риббентроп смог ответить лишь «невнятным бормотанием». Берлинцы выходят из метро, возвращаются домой. Гитлеру еще раз неожиданно повезло: в этот трудный момент его генералы находятся в Польше, где создают свой «шедевр военной стратегии» (Лиддель Харт), воюя против безоружного народа! На Нюрнбергском процессе, перед тем как его повесят, Йодль скажет: «Если мы не потерпели крах в сентябре 1939 года, то только потому, что англо-французские армии застыли на месте, на своих границах». Они там и будут оставаться до тех пор, пока, год спустя, вермахт, воодушевленный их пассивностью, для него непостижимой (и о которой он не мог даже мечтать), не возьмет инициативу в свои руки. В начале же войны с Польшей даже нацистские газеты писали: «Немцы надеются, что их фюрер даст им триумфальный мир, не прибегая к оружию». Несмотря на победу над Варшавой, Гитлер, по воспоминаниям Шмидта, его секретаря-переводчика, пытался оправдать свои действия: «Данциг был мне нужен как алиби, чтобы показать немцам мое стремление к миру». Не отдавая себе отчета в парадоксальности этой фразы, он говорит Еве Браун: «Я надеялся, что война поднимет нравственный уровень населения». С этого момента его разум, который прежде был ясным, замутняется. Между фюрером и немецким народом больше нет контакта. Он уже никогда не сможет, как раньше, возбуждать искренний энтузиазм масс. «Задумывался ли он хотя бы однажды о судьбе

Наполеона?» — спрашивает себя Канарис. По мнению Канариса, человека, который хорошо знает историю, «без Талейрана Наполеон был бы всего лишь одним из военачальников». Уже со следующей недели начнутся народные манифестации протеста, не особенно многочисленные, и их быстро подавят войска СС. Однако на этот раз невозможно будет сказать, что недовольство выражает одна только армия, или буржуазия, или аристократия!

БАРАБАНЫ ВОЙНЫ

Люди Гиммлера и Гейдриха быстро подавили все слухи. «Крушение никогда не бывает так близко, как в момент победы»¹, — сказал Гитлеру один из его астрологов. Фюрер почти убежден в этом. Теперь он постоянно думает о своей близкой смерти и, словно сознавая, что времени у него осталось мало, не колеблясь идет на любой риск. В те же дни Геринг, в недавнем прошлом *alter ego* фюрера, а ныне как бы отстраненный от дел, играет со своей молодой домашней львицей, ставит ноги на ее спину — он рассказывает друзьям, будто она в него влюблена. Живя в уединении, в своем колоссальном имении на северной окраине Берлина, он медленно приходит в себя после шока, который испытал, узнав о заключении советско-германского пакта. К нему возвращается радостное восприятие

---

¹ Военный советник Гитлера Вильгельм Шейдт заранее раскрыл союзникам его планы относительно аннексии Австрии, а также Чехословакии, Югославии, СССР. По согласованию с Канарисом Рёсслер, член швейцарской «Черной капеллы», который работал также и на советские секретные службы, так сказать, предоставлял союзникам содержимое ящиков письменного стола Мартина Бормана. Он оставался в окружении фюрера до 1944 г., но не знал правды ни о фальшивках Гейдриха, которые привели к уничтожению командного состава Красной армии, ни о подготовке советско-германского пакта.

жизни. Его заводы работают без его участия, его пикирующие бомбардировщики сотворили чудо на Восточном фронте. Возможно, технический прогресс немецкой авиации, которую начал развивать именно он, будет продолжаться на протяжении еще нескольких лет. Он уверен, что самолеты союзников никогда не появятся в небе над Берлином. И шутит с журналистами, уперев руки в бока: «Я согласен, чтобы меня называли не Герингом, а Гансом Майером, если неприкосновенность нашего неба когда-нибудь будет нарушена». Он уверен в себе. Славный тучный Геринг, снисходительный к другим, любящий свою семью и своих друзей, все еще близок сердцам миллионов немцев.

Осенью 1939-го и на всем протяжении 1940 года авиация союзников не предпринимает ничего, чтобы опровергнуть несколько тяжеловесную шутку герра рейхсмаршала. Берлинцы тем более привязаны к Герингу, что им совсем не нравится СС. Они разочаруются в своем любимце, когда воздушные армады союзников начнут бомбить немецкую землю. Но мы пока не добрались до этого момента. Только в 1943 году берлинцы присвоят Герингу, этому асу из асов времен Великой войны, прозвище «герр Ганс Майер». Отдельные налеты на город совершались и ранее, были убиты, но этим фактам до времени не придавали значения.

Маргот, девочка в школьной форме

В период этой «странной войны» (берлинцы называли ее *Sitzkrieg* — «сидячая война»¹) фельдмаршал Кейтель, фанатичный приверженец фюрера, который в будущем подпишет акт о безоговорочной капитуляции Германии, тоже считает, что «Германия погибнет, если союзники отдадут себе отчет в том, что, по всей логике, они должны атаковать». Генерал-пол-

---

¹ Термин «сидячая война» применяется для обозначения периода между сентябрем 1939 г. и маем 1940 г. (*Примеч. пер.*)

ковник Гальдер в то же время занимается «срочным» приведением в боевую готовность всех немецких дивизий, дислоцированных на пространстве от завоеванной Польши до западных фронтов (в том числе на «Линии Зигфрида»¹). «Это самая блестящая из наших операций», — говорит он с иронией. Пока люди посвященные оценивают ситуацию таким образом, Маргот, дочь чиновника, ответственного за гражданскую оборону, ходит в форме и с папкой под мышкой в свой лицей на Тауэнтциенштрассе. Как все ее соученицы, она встает по стойке смирно и отчеканивает свое «Хайль Гитлер!», приветствуя учительницу. Маргот учит немецкий язык, историю, географию и «расоведение». Она инстинктивно ощущает, что история, полностью ориентированная «на мужчин», на вчерашнюю и сегодняшнюю германскую империю, убийственно скучна. Четырнадцатилетнюю девочку «замечательные достоинства» нацистского режима интересуют куда меньше, чем достоинства парней с ее улицы, ее товарищей по играм. Один из них — загорелый, с угольно-черными глазами, с черными прямыми волосами. Он цыган, даже не латиноамериканец или араб, а цыгане, как говорят, — то же самое, что евреи. В свете этой первой влюбленности, которая для мальчика закончится трагически, в печи крематория, рассказ учительницы об арийской расе, апология нордической женщины «с широким тазом, оптимально приспособленным для деторождения, с прямыми плечами, светлыми волосами и голубыми глазами» производит на Маргот ошеломляющее впечатление. Сама Маргот шатенка, изящная и хорошенькая. Ее любимая киноактриса — Кате де Наги, «звезда» со студии УФА, которую девочка почитает так же, как и Анри Гара, молодого французского киноактера, любимца эпохи. Родители Маргот говорят, что Кате де Наги похожа на «парижанку» — в их устах это комплимент. Маргот же должна подходить к доске по

---

¹ «Линия Зигфрида» — применявшееся англо-американцами название «Западного вала», германской системы фортификационных сооружений вдоль границы с Францией. (*Примеч. пер.*)

вызову учительницы, которая носит партийный значок, и перечислять свои собственные расовые характеристики: «Я принадлежу к нордической расе, потому что у меня светлые волосы, голубые глаза...» (и пр.). Абсурдность этой декларации очевидна для нее так же, как и для всех ее одноклассниц, — но добрые старые времена прошли, и ни одна из девочек не смеет даже хихикнуть. С 1935 года фрейлейн, которая теперь именуется «преподавательницей гигиены и гимнастики», не разрешает детям смеяться, когда говорит им, что необходимо каждый день пользоваться зубной щеткой и *эрзацем* мыла. Затем в течение тридцати минут она наблюдает, как девочки выполняют комплекс упражнений, похожих на военную муштру. Каждый день вместе с ней лицеистки занимаются бегом в лесу Груневальд. В красивом гимнастическом зале с хорошо натертым паркетом и высокими окнами эта женщина-солдафон внушает своим ученицам ужас. Девочки в любой час дня должны приветствовать старших по-нацистски, выбрасывая вперед руку. Им настоятельно рекомендуют встречаться только с мальчиками из «Гитлерюгенда» и доносить на своих родителей, если те позволят себе пораженческие высказывания. Бывают случаи, когда подростки следуют этой ужасной инструкции. Но понятие «пораженчество» достаточно неопределенно. В целом можно сказать, что в Берлине не так уж много юных фанатиков, готовых доносить на своих родителей: слишком сильны еще семейные традиции, да и критический дух пока не угас. Юные немки из «Союза немецких девушек» (по крайней мере, те, что живут в Берлине) больше думают о замужестве, о детях, кухне, о своей будущей профессии. На них, как кажется, сильнее влияют их пасторы, чем нацистские наставники.

Присяга Гитлеру

Вернувшись из школы домой, Маргот, как и все ее подружки, даже те (а таких большинство), у которых светлые косы, первым делом сбрасывает свою чер-

ную юбку, белую блузку, темный шейный платок, за-
вязывающийся, как галстук, носки. Она еще способ-
на прийти в экстаз, увидев Гитлера, но никогда доб-
ровольно не пойдет работать на железной дороге
или на сборе картофеля. Ее старший брат Курт, кото-
рый получил образование в Военной академии и уже
имеет счастье служить на фронте, относится к ней с
немалой долей иронии. Несмотря на «присягу Гитле-
ру», которую он приносил, как и все солдаты, он по-
лагает, что служит прежде всего вермахту и Герма-
нии. Конечно, после «поразительных побед» над Да-
нией, Норвегией, Голландией, Бельгией, Францией
(которая была покорена за шесть недель) число сто-
ронников Гитлера значительно возросло. 6 июля
1940 года молодые и не очень молодые люди вышли
на улицы с бумажными флажками в руках, чтобы вы-
разить свою радость, свой энтузиазм в момент три-
умфального возвращения фюрера с Западного
фронта. Кортёж автомобилей приветствуют овация-
ми десятки тысяч берлинцев, выстроившихся вдоль
всего пути следования Гитлера — от вокзала до
Reichskanzlei, рейхсканцелярии. Какие-то группы
поют *Nun danket dem Gott*, «Теперь восхвалите Гос-
пода...». Все это можно слышать по прямой радио-
трансляции. В 11 утра Италия вступила в войну;
Франция подписала соглашение о перемирии. Для
немцев это событие решающей важности — так го-
ворят люди на улицах, но они ошибаются в его оцен-
ке. С точки зрения берлинцев, присутствие немец-
ких воинских соединений в Париже означает, что
Третий рейх стал хозяином Европы. Курт возвраща-
ется домой (и девушки осыпают его цветами) с 218-й
пехотной дивизией. Маргот тоже надевает свою
школьную форму, вместе с подругами ликующими
криками приветствует солдат, успехами которых так
гордится. Ее отец и мать разделяют всеобщую ра-
дость: они видят в победе на Западе предвестие ско-
рого окончания войны. Никто не сомневается, что
теперь будет подписан мир: ведь ни Великобрита-
ния, ни Соединенные Штаты не проявляют ни ма-
лейшего желания вмешаться в ход событий.

«Эта свинья всегда в выигрыше», — говорит адмирал Канарис. 80% немецких генералов без труда сообразили бы, что под «свиньей», естественно, подразумевается Гитлер, чья неизменная удачливость производит на них завораживающее, парализующее воздействие. Вопреки их предсказаниям небо над Берлином — если не считать учебной тревоги 1 сентября 1939 года — остается мирным. Тогда, 1 сентября, газета «Берлинер моргенпост», принадлежащая концерну «Дойчер ферлаг», успокаивала обеспокоенных берлинцев: «Учения по противовоздушной обороне продемонстрировали образцовую дисциплинированность населения столицы рейха». На фотографиях можно было видеть, как толпа спокойно спускается в заранее подготовленные бункеры, как санитары несут на носилках «убитых» и «раненых» во время учения, воспроизводящего условия массовой воздушной атаки. Население, увидев всё это, уже готово вместе с «дядей Германом» смеяться над самой мыслью о возможности воздушных налетов на Берлин, — смеяться тем более добродушно, что пока факты преследования врагов нацистского режима еще не очень бросаются в глаза. Речь идет лишь о том, чтобы предостеречь Рузвельта, этого «ставленника евреев», как объясняет Геббельс своим близким. Конечно, в Польше все обстоит иначе, несмотря на протесты военных (впрочем, не очень активные). Гитлер предупреждает недовольных, можно сказать, угрожает им 23 ноября 1939 года: «ОКВ (Верховное командование вермахта) проникнуто духом пораженчества, упорствует в своеволии...» Фюрер даже призвал к порядку фон Браухича, который в ответ подал прошение об отставке и получил отказ. Тогда же Гальдер записал в своем дневнике: «Наступил день кризиса, но я решил подчиниться этому удачливому безумцу». Существует угроза «ликвидации» фюрера. Браухич, выражая мнение всего генерального штаба, заявил, что «Гитлер должен быть сброшен», но он, Браухич, видит реальные «трудности» на пути реали-

зации этого замысла. Генералы колеблются, сознавая важность самого сильного аргумента «свиньи»: «Бунт перед лицом врага равносильен предательству». Канарис тоже признает, что необходимо ждать.

СС экспериментирует

Канарис будет ждать, тем самым обесценивая усилия своих агентов в Великобритании. Гитлер, которого во время его визита в Париж собственные генералы постараются изолировать от французов («Они меня стыдятся», — скажет он близким), им этого не забудет. Они — генералы — еще могут задержать на несколько недель внедрение гестапо во Францию, могут пока ходить в ресторан «Максим» и навещать своих кузенов, французских аристократов, в их особняках, но это продлится недолго. Посол Германии Абец¹ уже прибыл в Париж. Если во Франции — до 1941 года — еще относительно спокойно, то в Польше уже разворачивается террор. «То, что там будет происходить, придется вам не по вкусу», — заявил Гитлер немецким генералам 22 августа 1939 года. 10 сентября Гальдер писал в своем официальном рапорте: «Эсэсовцы заставляют польских евреев работать на ремонте моста и потом их убивают». Военный трибунал судит убийц из СС и добивается того, чтобы они получили год тюремного заключения. Но их освобождают по случаю «всеобщей амнистии», распространяющейся на воров и преступников-нацистов. Кейтель угрожает армии: «Фюрер принял решение. Если вы будете упорствовать, мы направим в каждое воинское подразделение комиссаров СС». Гейдрих приезжает в штаб ОКВ и излагает там позицию нацистского правительства: «Мы намереваемся

---

¹ Отто Абец (1903—1958) с 1935 г. работал в «Бюро Риббентропа», ведавшем внешнеполитическими делами НСДАП. С 1939 г. — личный представитель Риббентропа в Париже; с 1940 г. (после поражения Франции) — представитель министерства иностранных дел при начальнике военной администрации во Франции. (*Примеч. пер.*)

“почистить” евреев, интеллигенцию, духовенство и польскую аристократию. Польша должна стать жизненным пространством». Генерал Вагнер¹ пытается взять на себя роль Понтия Пилата: «Армия настаивает на том, чтобы эта “чистка” была отложена до того момента, когда военные уйдут, уступив место гражданской администрации». Этот короткий диалог говорит о многом, несмотря на существование секретной записки «о несвоевременности подобных зверств», которую главнокомандующий направил Браухичу. «Уничтожить католическое духовенство, — уточняется в упомянутой записке, — в данный момент невозможно». 21 сентября Гейдрих посылает «инструкции» военным: «Они [евреи] должны содержаться в городских гетто. Потребуется некоторое время, прежде чем “окончательное решение” сможет быть полностью осуществлено. Операция должна проводиться строго секретно». Через два или три года, когда наступит этот срок, ни у одного генерала из тех, что служили в Польше, не возникнет и тени сомнения в том, что под «окончательным решением» имеется в виду геноцид! А пока Франк², «интеллектуальный гангстер», как его назвал Ширер, образованный человек и фанатичный нацист, с холодной жестокостью принимает меры для «сокращения численности польской интеллигенции», организует «принудительные работы», доводит до конца *Ausserordentliche Befriedigungsaktion*, «Чрезвычайную акцию по умиротворению». Он хочет воспользоваться моментом, когда внимание мировой общественности занято победами Гитлера на Западе. И смеется над протектором Богемии, фон Нейратом,

---

¹ Эдуард Вагнер (1894—1944) с 1938 г. был обер-квартирмейстером, возглавлял 6-й отдел (снабжения) генерального штаба сухопутных войск. В 1938—1939 гг. вместе с Л. Бекем участвовал в подготовке планов военного переворота. (*Примеч. пер.*)

² Ганс Франк (1900—1946) — ведущий юрист нацистской партии, в 1929 г. возглавил Юридическое управление НСДАП. Занимал разные высокие посты в государственном аппарате, в 1933—1934 гг. был имперским комиссаром по вопросам юстиции. 8 сентября 1939 г. был назначен начальником гражданской администрации при командующем вермахтом в Польше. 24 октября 1939 г. назначен генерал-губернатором Польши. (*Примеч. пер.*)

сделавшим достоянием гласности казнь семерых мятежников: «Если бы я распорядился вывешивать афиши на стенах всякий раз, когда расстреливают семь поляков, то для производства бумаги не хватило бы всех лесов Польши». В отношении «нескольких тысяч» польских интеллектуалов поначалу проводится «мягкая» (ужасное слово!) политика. Однако приказы фюрера касательно Польши совершенно недвусмысленны: «Полякам предназначено быть рабами рейха. Тем более что в настоящий момент русские для нас недосягаемы. Но ни один человек, способный управлять этой страной, не должен остаться в живых. Что касается трех с половиной миллионов евреев, то с ними мы пока подождем». «Трудно, — прокомментировал это указание послушный Литлеру Франк, — уничтожить всех вшей за один раз». СС и «ИГ Фарбениндустри», крупнейший немецкий химический концерн, открывают, каждый со своей стороны, затерянный в болотах лагерь Аушвиц. СС и промышленники мечтают объединиться, чтобы совместно осуществлять выгодные операции, используя даровой труд двух с половиной миллионов человек, не считая еще полмиллиона тех, кому «предстоит умереть от голода». Берлин и весь мир пока ничего не знают об этих идеях, созревающих в головах немногих «избранных». Немцы вовсе не испытывают атактистической ненависти к своим соседям полякам. Преследования берлинских евреев пока не получили большого размаха. Ношение желтой звезды станет строго обязательным для немецких евреев только 19 сентября 1941 года; первый транспорт в концентрационный лагерь Лицманштадт отправится 16 ноября того же года. «Хотя многие берлинцы были шокированы подобными “перемещениями” [евреев]», мало кто открыто выражал свое недовольство, «большинство предпочитало поскорее забыть об этой вынужденной военной мере» (Шмидт). «Строгая секретность» в отношении всего, что касалось уже планировавшегося уничтожения определенной части населения, пока тщательно соблюдалась, о предстоящем геноциде говорили в закодированных

терминах, непонятных для большинства людей. «Тогда еще можно было поддерживать лозунг дня: “*Wir danken unserem Führer*” (“Мы благодарим нашего фюрера”) — и при этом оставаться добрым христианином», — скажет в 1983 году один старый берлинец.

В студии УФА на Дёнхофплац

Многие юные жительницы Берлина, желая ускользнуть от Имперской службы труда, осаждают старых мэтров с УФА, ибо знают, что те благоволят к немецким актрисам, точно так же, как десять лет назад благоволили к кинозвездам европейского происхождения, стремившимся приобщиться к великому немецкому кинематографу, который до войны пользовался всемирной славой. Конечно, и сейчас в студиях УФА, крупнейшего кинематографического объединения в Европе, снимаются хорошие фильмы, иногда даже аполитичные, с великими французскими актрисами в главных ролях: «Ворон», «Убийца живет в доме 21» и другие. Что знают в этих кругах о формировании в Польше «империи СС»? Что знают о тамошних зверствах шансонье оккупированной Франции? Можно ли возлагать ответственность за преступления нацистского режима на Эдит Пиаф, Лиз Готи, Лео Маржана, если в Германии, как и в самой Франции, как и в других странах Европы, люди повсюду поют «Любовников из Сен-Жана» и прочие французские шлягеры?

Киностудия УФА на Дёнхофплац еще какое-то время будет играть роль европейского Голливуда — пока с ней не начнет конкурировать римская студия «Чинечитта»¹, с момента появления фильмов Росселлини («Белый корабль»), Блазетти («Прогулка в облаках») и Висконти («Одержимость»)². Упомянутые великие режиссеры работали в фашистской Италии,

¹ Букв. «Киногород» (ит.). (Примеч. пер.)

² Фильм Роберто Росселлини «Белый корабль» был снят в 1941 г.; «Прогулка в облаках» А. Блазетти и «Одержимость» Л. Висконти — в 1942-м. (Примеч. пер.)

находившейся в состоянии войны. Что же касается УФА, то этот искусственный райский островок, разумеется, контролировался Геббельсом. Правда, Геббельс «был слишком занят текущими делами и не мог или не хотел следить за всем» (комментарий одного берлинца, 1983 год). Он даже иногда допускал прокат таких фильмов, как «Понткарраль», проникнутых «умело закамуфлированным духом Сопротивления», как скажет актер Пьер Бланшар. Нацистские бонзы питали слабость к артисткам и нередко женились на них. УФА истратит многие метры пленки на производство самых что ни на есть антисемитских лент, но вместе с тем будет, так сказать, создавать алиби для режима, оправдывая его существование, в частности, в глазах французов. В нацистской Германии покажут «Великую иллюзию»¹. Нацисты будут по возможности потакать Петену и собственным «франкофилам»: они попытаются привлечь на свою сторону французскую интеллигенцию и отчасти в этом преуспеют. Брасиллаш и Селин² приедут в Берлин. Впрочем, знаменитым французским писателям Дриё ла Рошелю³, Монтерлану⁴, Рамону Фернандесу и так ничего не грозит, хотя бы уже потому, что их опекают издатели. Даже тех, кто занимает двойственную позицию по отношению к нацистскому режиму (как Мориак) или откровенно враждебен ему (Арагон, Эльза Триоле, Альбер Камю, Жан Поль Сартр), не будут слишком беспокоить, когда неоккупированная зона перейдет в руки немцев. В то же самое время в Берлине службы

---

¹ Фильм режиссера Ж. Ренуара (1937). (*Примеч. пер.*)

² Робер Брасиллаш — французский писатель, автор романа «Наш довоенный период» (1941); во время оккупации сотрудничал с антисемитской газетой «Же суй парту». Луи Фердинанд Селин (настоящая фамилия Детуш) (1894—1961) — французский писатель, апологет фашизма; автор романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936), «Север» (1960) и др. (*Примеч. пер.*)

³ Пьер Эжен Дриё ла Рошель — писатель правой ориентации, автор романа «Жиль» (1939). (*Примеч. пер.*)

⁴ Анри де Монтерлан (1896—1972) — прозаик и драматург правой ориентации, автор романов «Бестиарии» (1926), «Холостяки» (1934), «Девушки» (1936), «Жалость к женщинам» (1936), «Демон добра» (1937), «Прокаженные» (1939). (*Примеч. пер.*)

декораций и эскизов киностудии УФА останутся последними островками относительного спокойствия.

Работающие здесь немецкие художники вынуждены игнорировать все открытия Нольде и Кокошки¹ (живописцев 20—30-х годов), которых втайне считают своими учителями. Ничто не должно напоминать о «декадентском» искусстве (по крайней мере, открыто), но, например, американское кино не запрещено. Многие декораторы — славяне, однако с ними, как и со всеми работниками УФА, «заключают контракт по всей форме, а до подписания контракта они проходят трехгодичную стажировку» (Кнеф). Только в 1943 году, через год после выхода в прокат фильма «Приключения барона Мюнхгаузена, или Золотой город», некоторых из них, самых невезучих, внезапно передали «в распоряжение вермахта». После Сталинграда, который стал для Германии началом конца, кого интересовали артисты, вообще интеллектуалы, если только они не были евреями, смутьянами, противниками власти? Многие из тех, кто остались на студии, будут работать на ней вплоть до окончания «битвы за Берлин». По вечерам в этом парадоксальном городе красивые девушки и изящные юноши, знаменитые актеры и актрисы (среди них Вилли Фрич, Цара Леандер, Марика Рёкк), продолжают жить в непрерывных празднествах, как бы воспроизводя сюжет мопассановского «Милого друга», — а у ворот студии их ждут офицеры и влюбленные женщины. Они обедают со своими поклонниками на крышах съемочных павильонов, где летом можно принимать солнечные ванны. Сотрудники министерства «дяди Германа», которое находится совсем близко, тоже часто приходят

---

¹ Эмиль Нольде (наст. фамилия Хансен) (1867—1956) — немецкий художник-экспрессионист, график, один из ведущих мастеров экспрессионизма. В 1920 г. вступил в НСДАП, но позднее разочаровался в нацистском движении и подвергался гонениям со стороны властей. Оскар Кокошка (1886—1980) — австрийский художник, один из лидеров экспрессионизма, писатель и драматург. В 1937 г. по распоряжению властей все его работы были изъяты из картинных галерей Германии как декадентские. В 1938 г. он эмигрировал в Англию, а в 1947-м получил британское гражданство. (*Примеч. пер.*)

сюда. Как и Геббельс, Геринг в часы таких посещений кажется истинным меценатом. Он даже как-то разыгрывал из себя спасителя одной еврейской актрисы. Геббельс тоже имеет свои креатуры из числа самых эффектных актрис и использует их как «витрину» для украшения культурных праздников в стиле Петрония, на роль которого претендует. Время от времени распространяются слухи, что такой-то фельдмаршал или адмирал покровительствует некоей актрисе — подруге своей дочери или матери. Сегодня, например, киношники ищут по всему городу какую-то шведку, разъезжая на должностной машине, которую истребовала для себя дирекция студии «Берлин-фильм» на Унтер ден Линден. Они посещают одну съемочную площадку за другой и наконец находят эту актрисулечку у Либенайнаера, могущественного патрона киностудии «Ной-Бабельсберг». Все, кто имеет отношение к миру кино, начиная с красавицы Цары Леандер и кончая простыми костюмершами, завтракают и обедают вместе в столовой акционерного общества «Универсум-фильм» (УФА) — без продовольственных карточек. Офицеры, приезжающие в отпуск с фронта, мало-помалу вытесняют из сознания актрис высоких чиновников. Да и как устоять перед обаянием «юного героя», который, быть может, еще вчера форсировал мосты на Сомме, а сегодня приглашает тебя на концерт Фуртвенглера¹, лучшего дирижера эпохи, и при этом шепчет: «У вас такие дивные локоны»!.. Тем более что он дарит духи фирмы «Шанель», шелковые чулки и американские диски, песенки с которых можно напевать по-английски без всякой опаски — ведь «два Г» (Геринг и Геббельс), объединившись ради такого случая, запретили эсэсовцам доступ на территорию УФА. «Берлин, — говорит один сценарист, — все еще остается столицей мира». Но так ли это на самом деле?

---

¹ Вильгельм Густав Фуртвенглер (1886—1954) — известный немецкий дирижер XX в. В 1922—1945 гг. возглавлял Берлинский симфонический оркестр. С 1937 г. руководил проведением Байрейтского фестиваля, посвященного творчеству Вагнера. В 1933—1934 гг. возглавлял Берлинскую оперу. (Примеч. пер.)

В то время когда немецкая авиация начинает бомбить Лондон, один молодой пилот вступает в воздушный поединок с английским асом Питером Таунсендом, чудом избежав гибели, получает в награду Железный крест и затем проводит свой отпуск в столице с актрисой, которой покровительствует патрон киностудии «Тобис»¹. Они ужинают вместе с другими киношниками в знаменитом ресторане. «Берлинские звезды наконец научились прилично говорить по-немецки», — с удовлетворением отмечает про себя Карл Мейкснер, преподаватель драматического искусства, который пользуется спичками лишь один раз в день, чтобы зажечь свою первую сигарету. «Затем, вплоть до пяти часов утра, когда он отправляется спать, он курит непрерывно, зажигая каждую новую сигарету от окурка предыдущей» (Кнеф). Все женщины мечтают его соблазнить, стараются по особому одеться и причесаться, когда им предстоит встреча с этим взыскательным Дон Жуаном — громогласным, в непромокаемом плаще поверх фрака, умеющим построить мир грез в одном-единственном кадре, с помощью какого-нибудь табурета или цветка. Он утверждает, что «теории театра не существует». По мнению известной актрисы Эльзы Боргесс, которая пришла в ресторан в сопровождении своего пуделя, Карл Мейкснер «скучает в этом мире, где остался в полном одиночестве». Мейкснер действительно не желает ничего знать о продовольственных карточках, бомбах, закрывшихся барах и руинах. Он — прославленный мэтр немецкого театра. Он может говорить все, что захочет, сильным мира сего совершенно безнаказанно, может насмеяться даже над самим фюрером, хотя и признает (в глубине души не очень в это веря), что тот, подобно хорошему актеру, «умеет контролировать себя». «А умение кон-

---

¹ На студии «Тобис» снимался фильм «Свободу нам!» (1932) Рене Клера. Чаплин будет вести против студии знаменитый судебный процесс, выиграет его и отразит этот эпизод в своем фильме «Новые времена» (1935).

тролировать себя, — обычно добавляет Мейкснер, обращаясь к одному из своих учеников, — есть искусство, о котором ты не имеешь ни малейшего представления». Этот новый Тальма¹, которому следовало бы родиться чуть раньше, воспитал Жоржа и Людмилу Питоевых² и множество других актеров. Иногда он вспоминает о том, что его приглашали в «Шиллер-театр»; но о тысячах тех своих зрителей, которые погибли, по большей части не помнит. Он давно не живет по расписанию, однако учеников своих приучает вставать в семь утра, потом заниматься фехтованием, танцами, дикцией. Он требует, чтобы каждую ночь два часа они спали прямо на полу, на ковре, — «уставшие, но наконец завершившие свои дела». А публику для себя ищет даже на железных дорогах: развлекает проводников, доводит до отчаяния начальников вокзалов, принуждая задерживать отправление поездов, пока он, Мейкснер, не будет готов к отъезду. Одним словом, это немецкий Чаплин, который свернул на дурную дорожку. Сегодня вечером он познакомился с молодым пилотом «мессершмитта», еще недавно участвовавшим в бомбежках Лондона, и объясняет ему, сардонически улыбаясь, что вид горящего Сити — это образ завтрашней судьбы Берлина... В своих предсказаниях он настолько реалистичен, что все присутствующие с трудом сдерживают страх. Рассказывают, будто Мейкснер, пользуясь своей неприкосновенностью, иногда встречается наедине с Геббельсом, «хромым покровителем кинематографа», и «Герингом, этим

---

¹ Франсуа Жозеф Тальма (1763—1826) — знаменитый французский актер, с 1806 г. профессор драматического класса Парижской консерватории. В годы Великой французской революции основал «Театр Республики», с 1799 г. играл в «Комеди Франсез». (*Примеч. пер.*)

² Жорж Питоев (1884—1939) — режиссер и актер, один из крупнейших деятелей французского театра 20—30-х гг. Родился в Тбилиси, работал в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской, в 1912 г. организовал собственный театр. В 1915—1922 гг. жил в Швейцарии, затем в Париже, где возглавлял театральную труппу. Людмила Питоева (1895—1951) — его жена, актриса. После смерти Ж. Питоева возглавила его труппу, работала в Швейцарии, США, Канаде, после 1945 г. — в Париже. (*Примеч. пер.*)

Нероном, якобы имеющим театральный дар». Он заставляет их смеяться или даже плакать, непрерывно дымя своими сигаретами и предсказывая, что они «покончат жизнь самоубийством, приняв яд». Он неподражаем в роли Мефистофеля, как уверяет Ева Браун, чья протекция и обеспечивает ему полную безнаказанность.

Продовольственные карточки, черный рынок, сутенеры

Килограмм мяса и 200 граммов маргарина в месяц (то и другое — по продовольственным карточкам), слишком мягкий хлеб, который быстро покрывается плесенью и становится несъедобным, — вот что приводит в отчаяние берлинцев в те дни, когда немецкие армии одерживают блестящие победы на Западе. Францию, конечно, грабят вовсю — из нее каждый день вывозят ценности на миллиард марок, — но сейчас куда полезнее была бы Украина с ее запасами пшеницы. Конечно, те, чьи сыновья или братья воюют на Атлантическом побережье, имеют добавочные продовольственные карточки. Солдат государство кормит на месте их службы, и они могут оставлять свои продовольственные карточки семьям. Прознав о черном рынке, военные привозят из Франции полные сумки фруктов, бутылок с вином и овощей. В налаживании черного рынка участвуют и французы, которые, пользуясь покровительством гестапо, уже импортируют из своей страны «профессионалок» (последние селятся в основном вокруг Александерплац). Этих женщин — за их чувство стиля, красоту, светские манеры — называют «кокатками»¹ (а иногда и более грубым словом — *Dirnen*²). Однако роль заезжих чаровниц не стоит преувеличивать. Фран-

---

¹ Слово вошло в берлинское аргю благодаря интересу столичных жителей к французской культуре и ко многим пруссакам французского происхождения, которые с удовольствием вспоминали счастливую эпоху «Веселой вдовы».

² Шлюхи (нем.). (Примеч. пер.)

цуженки составляли меньшинство и терялись в море местной, немецкой проституции, которая продолжала процветать и в Берлине, и в других местах.

На черном рынке тоже задавали тон немцы, которые скупали продукты у крестьян или за большие деньги приобретали у военных *Führerpackete*, «пакеты фюрера», чтобы потом перепродать их гражданским лицам. В общем, в 1941 году каждый при желании мог достать любую еду — если, конечно, работал на Имперскую службу труда или служил в армии. Богатые имели свои каналы снабжения. Они ни в чем не нуждались. При условии, что покупали продукты в дорогих магазинах, барах, ресторанах, пивных, где вина, пива и крепких спиртных напитков всегда было вдоволь — как и сигарет. Карточки на вино появляются только в конце 1942 года, тогда же войдут в обиход «недели распределения шерстяных изделий».

Британские ВВС атакуют Берлин

Зерно по-прежнему поступает от русских, которые продают его по высоким ценам. В конце 1940 года истинные набобы — это моряки и авиаторы. Они окружены королевской роскошью в своих казармах на Атлантическом побережье — но, правда, ежедневно рискуют жизнью в «битве за Англию». В воздухе или в морских глубинах (неся службу на подводных лодках) они пытаются сомкнуть кольцо блокады вокруг Соединенного королевства. Эта битва, в ходе которой Лондон и Ковентри становятся добычей пламени, открывает глаза берлинцам, и они начинают мечтать о мире. Тем более что и сама немецкая столица уже подвергается первым серьезным английским бомбардировкам. Первая ночная атака британских ВВС произошла 5 августа 1940 года. Налеты тревожат берлинцев. Уже имеется много жертв среди гражданского населения — в рабочем районе Крейцберг, в частности у Котбусских ворот. Молотов приезжает в ноябре, когда в ужасной войне с Лондоном наступает затишье. Люфтваффе, насчитывающее 2800 самолё-

тов (2265 боевых машин уже потеряно), истощено и не имеет средств, чтобы продолжать вылеты. Очевидно, что планируемая операция по высадке десанта в Великобританию окажется очень трудной и, возможно, заранее обречена на провал.

Огороды в центре Берлина

Геббельс умело воспользовался первыми воздушными налетами на немецкую столицу, от которых пострадали рабочие кварталы, чтобы оправдать свою политику террора. Он с самого начала потребовал, чтобы пресса как можно подробнее освещала вопрос о причиненном берлинцам ущербе. Поскольку продовольственное снабжение становится нерегулярным, люди уже начинают возделывать имеющиеся в городе зеленые участки. В самом центре, на площади Академии, огородники выращивают картошку и салат — прямо напротив Немецкого собора. Берлинские ребятишки с удовольствием играют в землевладельцев. Вся эта мелкая суэта раздражает Геринга, который постепенно утрачивает доверие Гитлера и немецкого народа. Гитлер, напротив, пребывает в лучшей своей форме и срывает планы фельдмаршала Хаммерштейна, который намеревался арестовать или даже убить фюрера (руками резервистов, расквартированных в Берлине), когда тот явится на назначенное ему свидание в гостиницу «Адлон». Гитлер на свидание не пришел, ибо боялся «Адлона», как чумы. В начале конфликта с Великобританией еще существует тайный заговор фронтовых генералов. СД располагает информацией, что 3 ноября Гальдер и Браухич выразили готовность присоединиться к путчу, проект которого разрабатывает Бек. Гизевиус, вопреки скептицизму Шахта, готовит список министров, замеченных в антинацистских настроениях. Браухич, преувеличивая масштабы таких явлений, как дезертирство, неподчинение начальству и открытые мятежи, пытается разубедить фюрера в целесообразности нападения на Великобританию,

но отступает перед его гневом. Еще один заговор кончается ничем — как заговор Гальдера перед подписанием Мюнхенского соглашения. Заговорщики жгут компрометирующие их бумаги, которые свидетельствуют о том, что Остер предупредил бельгийцев и голландцев о неминуемом вторжении на их территорию немцев¹, предупредил задолго до великого победоносного наступления германских армий в июне 1940 года. Проходит несколько месяцев, и Гитлер, который уже четырнадцать раз откладывал срок вторжения в Великобританию, чудом не становится жертвой брошенной в Мюнхене бомбы (его генералы к данному террористическому акту отношения не имеют). Он пользуется этим предложением, чтобы выплеснуть всю свою ненависть на английскую разведывательную службу, которую считает организатором покушения. «Козлом отпущения» становится немецкий столяр Георг Эльзер² (несколько лет назад в той же роли выступал анархист ван дер Люббе). В лагерях с ним будут обращаться достаточно хорошо, но казнят перед самой катастрофой, 16 апреля 1945 года, по приказу Гиммлера. «Британцы могли бы получить мир, если бы они этого хотели, не потеряв своего лица», — долго потом повторял Гитлер. Но в конце концов сам перестал в это верить. Зато он всегда проявлял такт в отношении Соединенных Штатов и даже попросил их о посредничестве в его переговорах с Черчиллем.

---

¹ Зимой 1939/40 г. (*Примеч. пер.*)

² Иоганн Георга Эльзера (1903—1945) обвинили в том, что он заложил взрывное устройство в одну из колонн пивного зала в Мюнхене, где должен был выступать Гитлер. Бомба взорвалась уже после того, как Гитлер покинул зал. В результате взрыва погибло 7 человек и 63 было ранено. При задержании у Эльзера обнаружили открытку с изображением пивного зала, на которой крестом была помечена колонна, в которой находилась бомба. Эта история тоже была провокацией гестапо (осуществленной Вальтером Шелленбергом). Эльзер действовал по наущению каких-то не известных ему лиц, а в качестве его сообщников были арестованы (на территории Голландии, что послужило поводом к вторжению в эту страну германских войск) двое англичан, сотрудников *Интеллидженс сервис*, — Бест и Стивенс. Допросами Эльзера руководили лично Гейдрих, Мюллер и Шелленберг. См.: Дел а р ю. История гестапо. С. 260—262. (*Примеч. пер.*)

Гитлер всегда считал, что военный флот беззаветно предан ему. Перенести эту уверенность на всю армию он не мог. Авиация душой и сердцем принадлежит Герингу, и это фюрер прекрасно понимал. Из трех видов вооруженных сил два — флот и авиация — ускользали от власти формировавшейся «империи СС». Парадокс заключался в том, что моряки, хотя и сохраняли верность Гитлеру (как главнокомандующему и рейхсканцлеру), были антинацистами, монархистами по духу и по традиции. Да и среди молодых авиаторов, героев нацистского режима, многие еще верили в «рыцарскую войну», хотя и бомбили жилые районы Лондона. Правда, участие в налетах на Лондон действительно было настоящим подвигом. В среднем на базу возвращались только два из каждых трех поднявшихся в воздух немецких самолетов. Англичане это знали и относились к взятым в плен немецким авиаторам с большим уважением. Иногда в жизни случались истории наподобие тех, что знакомы нам по «Экипажу», первой книге Жозефа Кесселя¹, или по фильму «Нормандия-Неман» (1960) Жана Древиля², показавшего в одной из сцен, как немецкие летчики пытались спасти французского пилота, которого эсэсовцы объявили «партизаном» и хотели расстрелять.

Моряки с подводных лодок выполняли самую грязную работу, но и они пока еще соблюдали Гаагские конвенции. Подводные лодки вместе с надводными кораблями только за первую неделю военных действий потопили одиннадцать английских судов общим водоизмещением 64 595 тонн, что было эквивалентно половине водоизмещения еженедельно курсирующих в море английских торговых судов. Эти цифры ужаснули британцев, еще помнивших потери 1917 года, однако в дальнейшем количество

---

¹ Жозеф Кессель (р. 1898) — французский писатель, в Первую мировую войну был летчиком и военным корреспондентом. «Экипаж» (1923) — роман о пионерах авиации. (Примеч. пер.)

² Свидетельство самого Жана Древиля (1983 г.).

атак сократилось, и за весь сентябрь немцы отправили на дно только 25 грузовых судов. Уильям Л. Ширер объясняет снижение активности немецкого флота приказом, который Гитлер направил адмиралу Редеру 7 сентября. Удовлетворенный успешным ходом «молниеносной войны» (*Blitzkrieg*) в Польше и Европе, фюрер в данный момент не хотел обострения конфликта с англичанами. Он запретил своим подводным лодкам атаковать пассажирские суда. Линкоры «Германия» и «Граф Шпее» вернулись из Южной Атлантики на свои немецкие базы. «Необходимо, чтобы ситуация с Англией прояснилась», — отметил в своем дневнике Редер.

Гитлер в опере

Один американец увидел Гитлера в оперном театре, в ложе, обитой пурпурной узорчатой тканью. Фюрер был в штатском, как будто хотел сохранить инкогнито. Рядом с ним сидела невестка композитора Вагнера¹. Сотрудники американского посольства в Берлине возмущались всякий раз, как им доводилось попасть в ресторан, «запрещенный для евреев». Они все испытывали желание открыто выразить свой протест, но потом вспоминали, что приехали сюда, чтобы оценить истинный потенциал Германии, понять то, что скрывается за знаменами со свастикой. В действительности ни один американец по-настоящему не понимал эту нацистскую Германию, которая соседствовала с Германией кабаре, элегантных баров, всадников, совершавших конные прогулки по лесу. Да и что мог понять человек из Арканзаса, оказавшись среди модных парикмахерских салонов, превосходных баров и ресторанов, посещая концерты, слушая льющуюся из радиоприемников музыку Листа? Туалеты работы великих берлинских кутюрье

---

¹ Винифред Вагнер (р. 1894) — жена сына композитора Рихарда Вагнера, Зигфрида. Была близким другом Гитлера, и после 1930 г., когда умер ее супруг, ходили упорные слухи, будто фюрер собирается на ней жениться. (*Примеч. пер.*)

ничем не уступали нарядам вашингтонских красавиц; корзины с цветами, которые высокопоставленные немецкие чиновники присылали своим дамам, всегда сопровождались записками на старой пергаментной бумаге, украшенной гербами, не имевшими ничего общего с социализмом. Американцы все-таки делали попытки затронуть «расовый вопрос» в разговорах со своими немецкими знакомыми, хотя у них это получалось несколько наивно и вместе с тем лицемерно. Но ответы всегда бывали одинаковыми, иронически сдержанными: «Это пройдет, это не более чем кратковременная причуда нашего фюрера». Американцы не вполне верили такого рода обнадеживающим заверениям — не верил им и морской аташе при американском посольстве, чей маленький кабинет располагался прямо напротив рейхсканцелярии. Вот этот человек склоняется над своими папками, затем снимает телефонную трубку, и ему сообщают о прибытии в Берлин целой группы американцев, представителей деловых кругов и бостонского высшего общества. Среди них — авиатор Линдберг¹, которого пригласил погостить на своей вилле «Каринхалле» сам Геринг. Гитлер тоже примет его, в один день с послан Сиама.

Свидетельствует Линдберг

Линдберг и в самом деле посетил рейхсканцелярию; он пришел туда вместе с Герингом и задохнулся, поднимаясь по ступеням широкой лестницы. Осенью и зимой его старые раны болели, и в тот день он переусердствовал с морфином.

В первый момент внешность Гитлера обманула американского летчика; потом он расскажет, что по сравнению с Хёрстом² фюрер «показался ему карли-

---

¹ Чарлз Огастес Линдберг (1902—1974) — американский летчик, в 1927 г. совершивший первый беспосадочный перелет через Атлантику на самолете «Дух Сент-Луиса». *(Примеч. пер.)*

² Уильям Рэндольф Хёрст (1863—1951) — американский газетный издатель. *(Примеч. пер.)*

ком». Однако этот карлик предстал перед ним в декорациях гигантского современного театра, казавшегося супер-Голливудом. Гитлер тепло пожал руку победителю Атлантики. Но гость нашел его несколько вульгарным: склоненная набок голова, плохо причесанные волосы, падающие на лоб. «Он похож на циркового клоуна, за исключением тех минут, когда улыбается» — так охарактеризовала рейхсканцлера миссис Симпсон, супруга бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII¹. Она была права: стоило Гитлеру улыбнуться, и он мгновенно превращается из «клоуна» в обольстителя. Улыбка фюрера производит такое впечатление, словно может многое объяснить в его характере, она даже заставляет исчезнуть фанатический блеск в глазах этого «гуру». Хриплый, прерывистый голос Гитлера неожиданно становится «сладким как мед». В такие минуты в нем обнаруживаются чувство юмора, искрящийся ум. Однако гораздо чаще окружающим кажется, что мысли фюрера витают где-то далеко, даже когда он находится «в одном из заведений шоу-бизнеса». Иногда его радует какой-нибудь пустяк, и он начинает смеяться — хорошим, лишенным всякого высокомерия, почти застенчивым детским смехом. У него сухая, энергичная рука, но в его жесте рукопожатия нет ничего прусского: он любит повторять, что является «уроженцем Южной Германии». «Самое большое удовольствие для меня, — говорит он Линдбергу, — прогуливаться в полном одиночестве по лесу». Линдберг уже не воспринимает его как марионетку — рейхсканцлер его очаровал. Гитлер даже взял своего гостя под руку, хотя обычно пользуется этим жестом очень редко, только в своей семье. Он загорел под альпийским солнцем, кажется спокойным, доверчивым. Рядом с ним Геринг, разряженный, как Парсифаль, выглядит излишне тучным и неповоротливым. Линдберга поразила одна особенность

---

¹ Эдуард VIII (1894—1972) — сын Георга V, правил в январе—декабре 1936 г. Его намерение жениться на американке Симпсон вызвало скандал в обществе, и он отрекся от престола в пользу своего брата Георга VI. *(Примеч. пер.)*

Гитлера: когда фюрер смеется, у него странно подрагивает правая нога ниже колена — как у офицеров-янки XIX века при звуках кадрили. Ева Браун тоже отмечала эту «уморительную» деталь и рассказывала о ней своей сестре Ильзе. Колено приподнимается, и Гитлер хлопает по нему ладонью — это означает, что он очень доволен. Подобное движение он совершал и на площади Трокадеро в Париже, у Эйфелевой башни, в Военной школе. Каждый раз это случалось рано утром, в присутствии его генералов, шокированных такой «вульгарностью», — но парижан, к счастью, рядом не было.

1941-й: «УЛЬТРА» ПРОТИВ «ЭНИГМЫ»

Берлин, мечтавший стать столицей мира, уже стал столицей нацистской Европы. В 1941 году, несмотря на первые бомбардировки, он действительно похож на свое изображение на английском пропагандистском плакате: гигантский спрут, который протянул свои щупальца по всей Атлантике и подбирается к Великобритании. В Берлине или в его окрестностях, которые, как считают в верхах, не привлекут внимание потенциального врага, принимаются все решения. А еще в Берлине, пункте, равноудаленном от различных фронтов, которые уже существуют или, как предполагается, возникнут в будущем, сконцентрирована крупная индустрия: фабрики концерна «ИГ Фарбениндустри», авиационные заводы, все предприятия, имеющие отношение к секретным службам, службе связи, электропромышленности, химии, производству боеприпасов.

В заводских цехах

В цехах 43-м и 46-м, в огромных кубообразных помещениях, плохо освещенных и мрачных, построенных посреди столь же мрачного леса и резко выделяющихся на фоне ночного неба, работают машины,

которые словно сошли со страниц романа «Жерминаль». Это пуансоны, под которые молодые мужчины и женщины подкладывают металлические пластины или стальные заготовки. «Десять тысяч раз на дню, — рассказывает Каванна, француз, направленный на этот завод Имперской службой труда, — мы рискуем тем, что наши руки будут раздроблены». Пуансон погружается в матрицу и потом поднимается, а рабочий подкладывает новую заготовку, которую достает из вагонетки, и быстро убирает пальцы. Пуансон, «эта адская штукавина», бьет по заготовке, опускается, поднимается; рука рабочего хватается за заготовку, уже превратившуюся в стальной конус или в трубку¹, — весь этот железный лом должен питать войну. После двенадцати часов такого однообразного труда рабочий получает свое дневное жалованье, одну марку, и возвращается в барак, чтобы похлебать *Stamm* — супообразное варево из воды и солода, которое рабочие-французы называют «карамельным пивом». Заводских поселков с бараками, подобными этому, в окрестностях столицы очень много. Берлинский лес, часть великого евразийского лесного массива, способен вместить в себя все, что угодно; здесь производят танки, самолеты, снаряды, консервные банки и, главное, роторные станки, которые, благодаря гению «немецких» математиков (некоторые из них — польские евреи), послужат для изготовления «Энигмы», суперсовременной шифровальной машины для составления не поддающихся расшифровке кодов. Да, но сколько времени немецкие коды будут оставаться не поддающимися расшифровке? «От этого зависит всё», — говорит Энтони Кейв Браун. Фюрер еще не оставил мысли о захвате Британских островов. Но как обеспечить «неожиданную» высадку на эти острова десанта, состоящего из 100 тысяч солдат и танков? Люфтваффе истощило свои силы, совершив сотни воздушных налетов на Англию (главным образом на Лондон), но за 57 ночей терро-

---

¹ Каванна включил этот эпизод в свои воспоминания о принудительных работах в Берлине, где он влюбился в одну русскую женщину.

ра так и не смогло должным образом подготовить операцию «Морской лев»¹. Для переброски десанта потребуются 1722 баржи, 1161 дозорный катер, 471 буксирное судно, 135 транспортных судов. В Берлине, безусловно, недооценили британский военный флот и британские ВВС. Как недооценили и гений английских инженеров, которые сумеют разобраться в устройстве машины «Энигма», существованию коей немцы обязаны своими триумфами в начальный период Второй мировой войны. Если в течение нескольких лет для Германии не было ничего невозможного, то объясняется это тем, что она располагала способом посылать сообщения, недоступные для понимания всего остального мира. Англичане и лично Черчилль приложили гигантские усилия для решения этой проблемы. Поворотным пунктом в войне (другим таким пунктом будет Сталинград) стала расшифровка составленных с помощью «Энигмы» кодов новой машиной «Ультра», представлявшей собой, так сказать, родную сестру «Энигмы». Факт расшифровки было настолько важно сохранить в тайне, что союзники пожертвовали несколькими армиями и намеренно проигрывали битвы, лишь бы Гитлер продолжал думать, что никто из врагов не в силах прочесть немецкие сообщения.

Две роторные машины

С начала тридцатых годов машины типа «Энигма» использовались не только в Берлине, но и во всех полицейских управлениях, в вермахте, в Люфтваффе, на судах военно-морского флота. Гитлер полностью им доверял. С помощью такой машины можно было составить чуть ли не бесконечное число кодов — просто изменяя систему ключей. Хотя в последующие несколько лет появились радарные установки, радиопеленгация, микрофотография, первые рабо-

---

¹ План операции, предполагавшей высадку на Британские острова, был утвержден директивой от 16 июля 1940 г. (*Примеч. пер.*)

ты по атомной бомбе и межконтинентальные ракеты, а также родилась кибернетика, непосредственное влияние «Ультры» и «Энигмы», двух машин-«близнецов», было куда более значительным, чем влияние любого из перечисленных выше открытий. Немецкая «Энигма» и британская «Ультра», сложные роторные машины, каждая из которых занимала пространство в несколько кубических метров, не были ни вычислительными машинами, ни калькуляторами. Эти ужасные аппараты в немецком варианте обеспечивали секретность связи, в английском — возможность читать сообщения противника. Короче говоря, «Энигма» представляла собой, так сказать, орган речи, а «Ультра» — орган слуха. Благодаря машине «Ультра» англичане узнавали (но тщательно скрывали, что они это знают), куда будет направлена очередная атака Люфтваффе и каким курсом следуют нацистские корабли; Роммель и армия ожидали «дня J»; Гитлер проиграл войну отчасти потому, что лондонская «Ультра» расшифровала сообщения берлинской «Энигмы»¹. В 1941 году авиационные заводы Геринга в окрестностях Берлина, все еще не ставшие объектом воздушных налетов, производили ежемесячно по 8070 бомбардировщиков и истребителей, которые уже превосходили по качеству самолеты противника (хотя легчики у союзников были не хуже немецких). Именно эти боевые машины атаковали и топили англо-американские караваны судов. Однако Британская империя, во главе которой с недавних пор стоял Черчилль, уже не была, как при его предшественниках, «жалкой демократией». Она защищалась изо всех сил, защищалась на родной земле. ВВС Великобритании, к концу 1941 года уже имевшие в своем распоряжении машины типа «Ульт-

---

¹ В 1939 г. Гитлер сумел испугать союзников ложным известием о готовящемся наступлении на Запад; позже самого фюрера напугают призрачной армией, якобы расквартированной в центральной части Англии. В первом случае (1939 г.) союзники еще не располагали «Ультрой» и потому не сумели распознать уловку немцев, тогда как во втором случае (1944 г.) обманутыми оказались сами немцы.

ра», за один день потопили в Остенде¹ 80 десантных барж. Редеру и Гальдеру, представлявшим позиции флота и сухопутных войск, удалось убедить фюрера в крайней ненадежности проекта «Морской лев» (проекта высадки десанта на побережье Великобритании). И хотя Геринг упорствовал (даже после того, как потерял лучших своих пилотов), а в верхах уже думали о формировании новых армий, фюрер каждый раз откладывал начало операции. Еще можно было разрабатывать ее планы, но что-то не выстраивалось в той логической цепочке, которая позволила бы доказать, что «победа над Англией неизбежна и очень близка» (Кейв Браун).

Рождество под знаком «Графа Шпее»

Берлинцы в прошлом никогда всерьез не верили в возможность побед немецкого флота. В морских сражениях немцы не блистали — если не считать одиссеи немецких подводных лодок и пиратских крейсеров в период правления Вильгельма II. Однако на этот раз — уже в начале войны — они поверили в превосходство своих «карманных линкоров» и субмарин. Если активность на Западном фронте после победы над Польшей ограничивалась в основном обменом грубыми пропагандистскими листовками между французами и англичанами, с одной стороны, и их противниками — с другой, то действия немецких подлодок типа U-30 вокруг британских островов были подлинной демонстрацией силы. «Граф Шпее», самый легкий и самый быстроходный линкор в мире, к тому же имеющий лучшее вооружение, за несколько дней потопил 9 грузовых судов (общим водоизмещением 50 тысяч тонн) и успешно атаковал британские крейсера в Южной Атлантике, после чего с быстротой молнии исчез из поля зрения своего противника. В Берлине эта новость привлекла всеобщее внимание: ее обсуждают в прессе, по радио, за

---

¹ Порт в Бельгии, на берегу Северного моря. (Примеч. пер.)

столиками кафе. Геббельс пытается еще больше наэлектризовать общественное мнение накануне первого военного Рождества; в магазинах даже продают хлебные батоны и сдобные булочки в форме «карманных линкоров», а новогодние елки в домах украшают символами флота. В Вольтерсдорфе, квартале, где производят боеприпасы, люди воспряли духом. Геббельс пообещал в своем выступлении по радио, что впредь продукты питания будут распределяться более справедливо и что улучшится их качество; площади и улицы столицы ярко освещены, и кажется, будто великая метрополия непобедима. И потом скоро праздник, Рождество. Однако большинство берлинцев настроены скептически. После блестящей победы «Графа Шпее», одержанной 14 декабря, пресса хранит подозрительное молчание. А потом вдруг все узнают, что этот корабль, гордость германского флота, был потоплен собственным экипажем в эстуарии Рио де ла Платы¹. Через несколько месяцев после того, как моряков с «Графа Шпее» интернировало правительство Уругвая (капитан судна, Лангсдорф, несомненно, руководствовался в своих действиях соображениями гуманности, а не трусостью), немецкий военный флот понес тяжелейшие потери в войне с Норвегией.

Оккупация Дании прошла без единого выстрела, но норвежцы оказали немцам упорное сопротивление², как и предвидел адмирал Редер (который, прав-

---

¹ 13 декабря 1939 г. три британских крейсера блокировали «Графа Шпее» у берегов Уругвая. Несмотря на понесенные линкором тяжелые потери, капитану Лангсдорфу удалось вырваться из боя и укрыться в бухте Монтевидео. Лангсдорф просил пятнадцать дней на ремонт линкора, однако уругвайские власти потребовали, чтобы «Граф Шпее» покинул территориальные воды Уругвая не позднее чем через двое суток. Между тем британские крейсера дежурили у выхода из бухты. В 6 часов вечера, в воскресенье, 17 декабря, «Граф Шпее» на буксире вышел из бухты и, когда буксирные тросы удалились, был взорван. Капитан, весь экипаж и пленные английские моряки достигли берега и были интернированы властями. Три дня спустя капитан Лангсдорф, обернув себя военно-морским флагом, застрелился. По одной из версий, Гитлер лично отдал приказ о затоплении линкора, чтобы он не достался противнику. (*Примеч. пер.*)

² Германия напала на Данию и Норвегию 9 апреля 1940 г. (*Примеч. пер.*)

да, не предполагал, что норвежцев поддержат англичане). Подчинившись, вопреки собственному желанию, приказам Верховного командования, гросс-адмирал заранее предчувствовал, что эти приказы, «основанные на обмане и маскировке истинных целей», приведут к гибели «карманного линкора» «Германия» (получившего новое имя «Лютцов»), флагманского судна «Блюхер», кораблей «Эмден» и «Карлсруэ», а также доброй трети надводного военного флота. Английская эскадра, присоединившаяся к норвежским судам в районе Нарвика, участвовала в уничтожении немецких кораблей. Взяв Нарвик после того, как союзники оставили город, Гитлер мог сколько угодно говорить о своей «безумной радости»; на самом деле, по свидетельствам людей из его окружения, он «нервничал», «был раздражен», с ним случались «приступы слабости». Дания, этот «образцовый протекторат», получила вознаграждение за то, что, в отличие от Норвегии, не сопротивлялась оккупантам. Даже семь тысяч датских евреев пока оставались на свободе. Норвегию немцы завоевали, но это была пиррова победа¹. Нацистский военный флот никогда больше не выйдет в открытое море.

Дамы беспокоятся за своих парикмахеров и своих поклонников

Почему берлинские дамы испытывали беспокойство, если кампании в Голландии, Бельгии и Франции уже завершились², а борьба с Англией приняла затяжной характер? Ведь многие из них верили в скорую победу, которая принесет окончательный мир. Урсула фон Кардоф, журналистка из «Дойче альгемайне цайтунг», позже напишет: «В то время, уже

---

¹ В ходе норвежской операции германский флот понес большие потери: в составе надводного флота остались только один тяжелый крейсер, два легких крейсера и четыре эсминца. После Норвегии основной упор был сделан на ведение подводной войны. *(Примеч. пер.)*

² Голландия капитулировала 14 мая 1940 г., 17 мая немецкие войска вошли в Брюссель, а 14 июня — в Париж. *(Примеч. пер.)*

помогая нашим друзьям-евреям (тем, которые действительно были для нас близкими друзьями), мы еще восторгались победами нашего оружия. Многие берлинки, как и я сама, посещали все танцевальные вечера вплоть до последнего бала 1945 года и беспокоились за свои туалеты, своих парикмахеров, своих братьев, своих бесчисленных поклонников, которые уходили и больше не возвращались или возвращались ужасно искалеченными». Многие из этих молодых привлекательных женщин ведут интимные дневники (которые кажутся вполне искренними и являются свидетельствами тем более ценными, что в них не делается попыток скрыть собственные националистические чувства или, например, тот факт, что составительница дневника работает в одном из учреждений, контролируемых Геббельсом). Они все с большей иронией воспринимают указания начальства и после Сталинграда уже не верят в возможность победы Германии. Тысячи жительниц Берлина проходят эту эволюцию: жалуется на то, что у них становится все меньше кавалеров, пока их город превращается в город одиноких женщин и руин. Тем не менее, хотя уклад их жизни явно дал трещину, они не отказываются от своих привычек, от завтраков за столиками кафе, в компании подруг, от легких ужинов в домашней обстановке. Они уезжают на уик-энд в Потсдам или в гости к какому-нибудь приятелю за город на велосипедах, потому что мало кто из штатских имеет свой автомобиль с газогенератором. Они садятся, в вечерних платьях, в трамваи, предпочитая наземный транспорт грязным и заполненным до отказа вагонам метро. Они провожают до вокзала, до «поезда смертников», возвращающегося на фронт друга, с грустью замечая, что тому уже не терпится поскорее присоединиться к «мирку» своих боевых товарищей. Молодые люди больше предрасположены к тому, чтобы утратить свою индивидуальность (став солдатами); они с радостью приезжают на побывку к семейному очагу, но уже на второй вечер отпуска им хочется поскорее покинуть дом, который стал для них чужим. «Женщины, — записала в своем

дневнике одна обительница аристократического квартала, — не могут сразу всего понять, несмотря на то, что испытывают к мужчинам любовь матери, невесты, младшей сестры. Но на сей раз, оказавшись в условиях тотальной войны, они быстро во всем разберутся. И им уже не нужно будет теряться в догадках, чтобы расшифровать непроизнесенные, застывшие во взглядах их сыновей слова: «Мама, если бы ты только знала!»¹ Впрочем, так было всегда, во всех войнах, кроме разве что совсем коротких, не кровопролитных, триумфальных. В конце этой войны сотрется различие между богатыми и бедными женщинами; останутся только те, что вопреки всему сумели выжить и теперь со смятением встречают своих возвращающихся с фронта мужчин — искалеченных, в грязной и потрепанной униформе, будто сошедших со страниц мемуаров Эрнста фон Саломона², написанных после Первой мировой войны. И как всегда, человеческая масса, состоящая из жертв — а может быть, и палачей, — так ничего и не узнает о тайных интригах политиков, от которых судьба мира зависит еще в большей мере, чем от исхода столкновения армий.

На сцене появляется «Ультра»

В 1941 году МИ-6³ прилагает все возможные усилия, чтобы одержать верх над абвером и научиться наконец читать его секретные сообщения. Британская разведка занимается этим уже много лет, но по-

---

¹ Фраза из романа Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен», в котором описываются события времен Первой мировой войны.

² Эрнст фон Саломон (1902—1972) — прусский радикал-националист, после Первой мировой войны вступил в «Добровольческий корпус». 24 июня 1922 г. участвовал в убийстве министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау в отместку за подписание им в 1919 г. Версальского договора. Был приговорен к пяти годам тюрьмы, освобожден в 1928 г. Автор воспоминаний о деятельности «Добровольческого корпуса». (*Примеч. пер.*)

³ *Military Intelligence* — британская военная контрразведка при министерстве иностранных дел.

ка не добились результатов. Благодаря «Энигме» немцы организуют управление в Третьем рейхе и проводят перевооружение армии, не опасаясь посторонних ушей. Они развивают свою промышленность и готовят наступательные операции таким образом, что ни одной иностранной разведывательной службе не удастся проникнуть в их секреты. Даже инициативы «Черной капеллы», организации, состоящей из офицеров, о которых нам уже приходилось говорить, долгое время будут оставаться тайной для иностранцев. А между тем эти военные многие годы держали Гитлера в своих руках — как и Гитлер, в определенном смысле, держал их в руках, играя на их «абсолютном» патриотизме, чем и объясняется тот факт, что он не принимал против них жестких мер. Гейдрих учитывает это обстоятельство, когда действует или строит планы будущих действий. Человека, ответственного за работу с «Энигмой», полковника Фельгибеля¹, который не подчиняется Канарису, СС не рискует подвергнуть допросу, боясь навлечь на себя недовольство Гимmlера. Национал-социалистская партия имеет весьма расплывчатые контуры. Фюрер и партия ничего не могут без армии, а последняя, в свою очередь, почти бессильна перед Гитлером. Тем не менее военные в некоторые особенно важные моменты ставят союзников в известность о планах Верховного командования. Время от времени они почти набираются решимости убить «свинью», но их останавливает тот факт, что союзники, которым они несколько раз давали ценную информацию, не желают обсуждать с ними планы государственного переворота.

Русские так никогда и не сумели расшифровать сообщения «Энигмы», и именно этим объясняется начальный успех «молниеносного» наступления немецких дивизий на Москву и Ленинград, а также взятие немцами Киева.

---

¹ Эрих Фриц Фельгибель (1886—1944) с августа 1938 г. был начальником службы связи вермахта, находившейся в подчинении штаба оперативного руководства ОКВ. (Примеч. пер.)

«Черная капелла» вермахта, организация, в которой каждый играл сам за себя, имела, по крайней мере, одно достоинство: она не «дезинформировала» западных союзников относительно планов Гитлера. Канарис, хотя и руководил немецкой военной контрразведкой, не забывая о том, что сам он — националист и бывший моряк, вел собственную тонкую игру, общаясь с союзниками через посредников, от которых немедленно избавлялся, как только эти люди навлекали на себя подозрение. Полковник Фельгибель, инженер, ответственный за работу с «Энигмой» (человек очень опасный, которому нацистская Германия, быть может, была обязана больше, чем Гитлеру), также входил в число лидеров «Черной капеллы», хотя и не поддерживал явных контактов с адмиралом. Канарис и Фельгибель открывали новые каналы связи с западными державами, не дожидаясь последнего шанса на избавление от Гитлера (неудавшейся попытки переворота 20 июля 1944 года).

То, как вели себя англичане после «битвы за Англию», свидетельствует об их способностях к макиавеллизму. Расшифровав коды «Энигмы», они тотчас принялись воздвигать собственные укрепления из лжи и дезинформации, чтобы таким образом лучше подготовиться к высадке на континент. Обстоятельства борьбы с гитлеризмом были уникальными и требовали, чтобы агрессору отвечали такими же мерами, как и те, которые применял он сам. Энтони Кейв Браун на протяжении тридцати лет составлял летопись тайной войны между «Энигмой» и «Ультрой», а в восьмидесятые годы наконец смог получить свидетельства немногих оставшихся в живых участников интересовавших его событий, людей, которые только по прошествии стольких лет решились заговорить без обиняков: «Чтобы “дезинформировать” немцев, оставив их в уверенности, будто сообщения “Энигмы” не поддаются расшифровке, мы направляли своих агентов на верную смерть, жертвовали миллионами жизней англичан, других европейцев, евреев и русских».

Германия, все еще сохранявшая верность Гитлеру, ничего не знала об «Ультре» и думала, что секреты «Энигмы» по-прежнему остаются неразгаданными. Черчилль позже охарактеризует свои методы так: «Во время войны правда настолько драгоценна, что ее нужно постоянно хранить за оборонительным валом лжи». Канарис, судя по позднейшим воспоминаниям его переживших войну сотрудников (см. библиографию), считал, что «битва за Англию» должна быть одновременно выиграна и проиграна англичанами; это в интересах самой Германии как суверенного государства Западной Европы, которому завтра суждено объединиться с англичанами против русских». В общих чертах мы будем правы, сказав, что «Черная капелла» противостояла «Красной капелле»¹, которая вела свою собственную, просоветскую игру, пользуясь более «классическими» и менее разнообразными средствами. Однако в действительности все было не так просто, и «черные» часто действовали совместно с «красными». В Нюрнберге, незадолго до своей смерти, Геринг определит роль «Красной капеллы» следующим образом: «Она погубила по меньшей мере десять наших дивизий». Черчилль это знал, но тем не менее не старался обеспечить безопасность членов «Черной капеллы».

Черчилль никогда не признается, что пошел на эту жертву, как и на многие другие, чтобы сохранить в тайне существование «Ультры». Все его мысли были обращены к главной цели: к высадке британской армии на континент, к тому, чтобы разбить нацистскую Германию и первым дойти до Берлина. Люди Канариса думали (быть может, справедливо), что, по-

---

¹ «Красная капелла», организация, возникшая после нападения Третьего рейха на СССР, объединяла христиан и евреев, подчинявшихся строгой коммунистической дисциплине и выполнявших приказы Сталина. Ее ряды часто «прореживались» Канарисом и его «Черной капеллой», а также — в еще большей степени — Гейдрихом и СД. Когда Гейдрих умер, с «Красной капеллой» стал бороться Мюллер. Согласно Жаку Бержье, специалисту по данному вопросу, члены «Красной капеллы» «определенно уничтожили более 200 тысяч немецких солдат». Об истории этой организации см.: Alexandrov V. O.S.1 (Organisation spéciale № 1). Services secrets de Staline contre Hitler. Paris, 1968.

могая союзникам, способствуют будущему возрождению Германии. Исторический прогресс всегда оплачивается миллионами трупов. И на сей раз грандиозная «игра в подкидного дурака» тоже стоила жизни миллионам немцев.

Интриги в центре Берлина

Обескураженный упорным сопротивлением англичан, Гитлер пытается выиграть время, вступив в переговоры с Советским Союзом, и откладывает с недели на неделю начало операции «Морской лев». Нужно договориться с СССР, этим потенциальным противником, прежде чем атаковать англичан. Фюрер в ярости от того, что ему пришлось уступить русским¹ часть Польши, Прибалтийские государства, румынские провинции — Бессарабию и Буковину. Его раздражает проникновение русских на Балканы, поскольку речь идет о том, кто из двух партнеров, Германия или СССР, первым наложит руку на румынскую и арабскую нефть (англичане, со своей стороны, тоже всегда к этому стремились), — раздражает тем больше, что блокада Великобритании затруднила транспортировку нефти в Европу морским путем. Немцы также нуждаются в поставках украинской пшеницы, в обмен на которые передают русским свои старые корабли и заключают с ними торговые соглашения. Тем не менее Сталин усматривает в действиях Германии две едва замаскированные угрозы в свой адрес. Во-первых, немецкие войска, направляясь в Норвегию, прошли по территории Финляндии, которая относится к зоне советского влияния; во-вторых, Риббентроп довел до сведения Молотова — через посредство немецкого посла в Москве, — что по прошествии нескольких дней Япония, Италия и Третий рейх подпишут соглашение о военном союзе, чтобы «произвести впечатление» на американцев

---

¹ В соответствии с Дополнительным секретным протоколом Договора о ненападении 1939 г. (*Примеч. пер.*)

(которых заставит отказаться от политики изоляционизма нападение японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года). Молотов прилетает в Берлин сумеречным ноябрьским днем 1940 года, и шофер везет его по Унтер ден Линден к Советскому посольству. Молотов похож на провинциального школьного учителя; нацисты встречают его холодно, но с соблюдением всех надлежащих церемоний. Никто при его приближении не машет красными флажками — даже у дверей посольства. Похоже, рядовые берлинцы даже не знают (или не хотят знать) о его приезде. Риббентроп при первой же встрече с советским министром иностранных дел уточняет: «Четыре великие державы — Советский Союз, Япония, Италия и Германия — должны договориться о единой долговременной политике, разграничив в мировом масштабе свои сферы интересов». Риббентроп, в высокомерных и уклончивых выражениях, предлагает «подарить» СССР Босфор и Дарданеллы, которые были объектами притязаний русских политиков со времен Петра Великого и Екатерины II. Сами же немцы удовлетворятся тем, что получают «остальное», то есть Балканы, Румынию, Югославию и Болгарию! Шмидт, бессменный переводчик фюрера, отмечает, что «русский, как кажется, быстро раскусил своего партнера». Далее в своих мемуарах Шмидт передает содержание любопытной беседы. «Англия побеждена, — говорит Риббентроп. — Для ее империи и для нее самой это начало конца. Необходимо, чтобы каждый из нас расширил свое жизненное пространство в южном направлении. Россия должна получить выход к морю». — «К какому морю?» — спрашивает Молотов, столь же высокомерный, как Риббентроп, но более точно выражающий свои мысли. Риббентроп проведет тридцать шесть часов в непрерывных дискуссиях с Молотовым, чувствуя себя все более неловко и — согласно тому же Шмидту — увязая в собственной «словесной галиматье». Молотов будет настойчиво повторять свой вопрос: «К какому морю?» В конце концов нацистский министр не без издевки скажет, что речь может идти о Персидском заливе или о прибрежных водах Омана.

Канарис, со своей стороны, хочет быть в курсе последних событий. Этот человек, который старше Гитлера на два года и тоже бросает хищные взгляды на Персидский залив, который вечно сидит, ссутулившись, над секретными документами (но на его сшитом на английский манер мундире нет ни одного партийного значка), в настоящее время имеет в своем подчинении 18 тысяч агентов. «Это орудие, без которого невозможно обойтись» — так оценивает Канариса Гитлер; и когда тот, покинув свое бюро на набережной Тирпиц-уффер, просит, чтобы рейхсканцлер его принял, тотчас соглашается. «Как Молотов, мой фюрер?» Но Гитлер не желает откровенничать, даже со своим «орудием», этим немецким Талейраном. Каналья Вильгельм Канарис (для друзей просто Вилли) ехидно думает про себя: «Если фюреру и удалось принудить Чемберлена проглотить его знаменитый зонтик, то заставить Молотова сжевать его пенсне будет не так просто». Канарису ясно, что Гитлер собирается подстроить Молотову какую-то ловушку. Но какую именно? Пока что, как он чувствует, из этого ничего не выходит — фюрер раздражен и растерян.

В подвале на Вильгельмштрассе

Через несколько мгновений в рейхсканцелярию является сам Молотов. Чтобы выиграть время, фюрер показывает гостю свой диплом почетного жителя Данцига (подписанный его же представителем в этом городе) и золотые запонки, о происхождении которых он ничего не сообщает, но говорит, что они для него дороже, чем Железный крест. Запонки (как мы знаем благодаря мемуарам Шмидта) — подарок Евы Браун. Все это, как и фотография молодого орла, которого поймали в Карпатах два лесничих и который потом был выпущен в небо над резиденцией Гитлера в Берхтесга-

дене¹, похоже, ничуть не интересуется русского. Молотов, наконец, усаживается в кресло напротив рейхсканцлера. Его лицо, обычно замкнутое, застывает еще больше и кажется совершенно непроницаемым. Потом вдруг он начинает засыпать Гитлера вопросами, уже не заботясь о соблюдении протокола. Фюрер сбив с толку. «С ним никто никогда так не разговаривал», — отмечает Шмидт в своих мемуарах, прежде чем перейти к перечислению всех вопросов Молотова относительно Балкан, Турции, Дарданелл, Персидского залива, великого муфтия, Роммеля, Египта. Чтобы успеть сообразить, как лучше ответить, Гитлер просит принести чай, но и за чаем поток вопросов не иссякает — теперь речь идет о Финляндии, Скандинавских странах, торговых соглашениях. Гитлер говорит, что устал, и предлагает перенести продолжение беседы на завтра². Молотов улыбается. На следующий день Молотов заявляет, что «не верит в разгром Англии и ее империи», и возвращается к вопросам о Балканах и Финляндии. Гитлер выходит из себя, говорит, что должен проконсультироваться с Муссолини, прежде чем согласиться на переговоры русских с болгарями. Обычно прекрасно владеющий собой, он сейчас теряет хладнокровие, и его тон становится угрожающим: «Если бы, паче чаяния, Германия захотела чем-то оправдать ухудшение своих отношений с Россией, Дарданеллы бы ей для этого не понадобились». На сей раз Гитлер прерывает дебаты под каким-то формальным предлогом. Молотов приглашает фюрера и высших немецких чиновников на парадный обед в своем посольстве. Но Гитлер, безмерно уставший от своего гостя, туда не пойдет. Зато англичане, расшифровав с помощью

---

¹ Город на юго-востоке Баварии, недалеко от австрийской границы, где находилось высокогорное убежище Гитлера, вилла Бергхоф, куда от шоссе вела высокая лестница. *(Примеч. пер.)*

² Среди членов «Черной капеллы» распространился слух, что именно эта беседа, слишком трудная для Гитлера в эмоциональном плане, подтолкнула его к тому, чтобы пуститься в грандиозную и фатальную русскую авантюру, известную под кодовым названием «Барбаросса».

«Ультры» сообщения «Энигмы», вовремя узнали о встрече и начали бомбардировку точно в тот момент, когда Риббентроп провозгласил тост в честь Молотова. Общая суматоха, русские и немцы выбегают на Унтер ден Линден, под грохот зенитных батарей, и спешат укрыться в надежном бомбоубежище на Вильгельмштрассе. Беседа двух министров иностранных дел продолжается в темноте. «Англия побеждена, СССР может начать продвижение к Индийскому океану», — говорит Риббентроп. Молотов с издевкой отвечает ему: «Если Англия побеждена, то что мы делаем в этом подземном убежище и откуда взялись падающие на Берлин бомбы?»

Берлинские чиновники за работой

Две головы германского орла — абвер Канариса и гестапо Рейнгарда Гейдриха — смотрят в разные стороны и враждуют между собой (хотя Гитлеру кажется, что он контролирует ту и другую). В то время как идет подготовка к германо-советской войне, Гейдрих упорно стремится сломить Великобританию. Ночи, которые он проводит в своем тайном убежище (где до сих пор так эффективно работал), свидетельствуют о том, что он введен в заблуждение ложными отчетами, поступающими из Англии и Америки. Он думает, что застрахован от возможности расшифровки немецких сообщений, но на самом деле это не так. В действительности он целиком зависит от «Ультра», которая уже разгадала все секреты «Энигмы». Не сознавая своей ошибки, он считает, что в ближайшем будущем произойдет «крах Великобритании, за которым сразу же последует расчленение Британской империи, и Америка, оказавшись в изоляции, немедленно избавится от Рузвельта». Такая его позиция — логическое следствие уверенности в «Энигме» и успехов немецкого оружия, а также новых методов союзников, теперь уже готовых ради достижения своих целей пожертвовать многими че-

ловеческими жизнями, в том числе и жизнями собственных агентов. Гейдрих, сыгравший для Гитлера роль Мефистофеля, вскоре будет убит на шоссе под Прагой. А пока из своего кабинета он посылает Браухичу, главнокомандующему сухопутными войсками, «странные директивы» (Браухич). «Часть английского населения, а именно все здоровые мужчины в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет, за исключением представителей местной администрации, должны быть интернированы и отправлены на континент». Англичанам он уготовил участь рабов, тогда как немцам по его замыслу предстояло обрести на территории Великобритании жизненное пространство, соответствующее их темпераменту, и развитую промышленность, которая позволила бы им еще более интенсифицировать собственное производство, уже получившее мощный импульс к росту в результате присоединения к Германии Рурской области и создания в окрестностях Берлина комплекса военных предприятий. Решившись подчиниться «приказам относительно организации и функционирования военного правительства в Великобритании», Браухич и командующие 9-й и 16-й армиями (которым предстояло вторгнуться в Англию) согласились на то, от чего в свое время отказался в Польше генерал Гальдер. Для англичан предусматривались такие же безжалостные меры, которые в других местах применялись против евреев. Гейдрих тщательно обдумывал мельчайшие детали будущего режима террора и систематического грабежа — режима, который на сей раз не имел даже расового обоснования. «Военно-экономический штаб по делам Великобритании», созданный 27 июля 1940 года, должен был в скором времени начать интернировать людей и конфисковывать имущество. И расстреливать распространителей листовок, служащих, чиновников, известных в обществе людей, университетских преподавателей, даже журналистов — короче говоря, уничтожению подлежала вся элита великой нации, а также все те, кто владел огнестрельным оружием или радиоприемниками.

РСХА¹ Гейдриха, Главное управление имперской безопасности, уже подобрало кандидата на должность гаулейтера Великобритании — полковника СС, известного преподавателя Берлинского университета, профессора, доктора Франца Сикса, одного из тех многочисленных интеллектуалов, которые прониклись идеологией СС. Франц Сикс, ввиду отсутствия в его распоряжении англичан, пока будет проверять свои «научные» методы на представителях других народов и станет одним из наставников (в качестве декана экономического факультета Берлинского университета) эйнзатцгруп² СС, специалистом по массовым акциям уничтожения и допросам третьей степени. В данной области он пользовался таким же авторитетом, как и другой блестящий берлинский профессор, Вальтер Шелленберг.

Канарис уже много лет ведет переговоры с западными политиками, всеми силами пытаясь воспрепятствовать тому, чтобы империя СС распространила свои щупальца на Великобританию. Однако сейчас судьба Соединенного королевства висит на волоске, на тончайшем волоске...

Помог ли Канарис Черчиллю?

«Энигма» способна составлять (мы уже об этом говорили) почти бесконечное множество кодов,

---

¹ *RSHA: Reichssicherheitshauptamt*, Главное управление имперской безопасности. (Создано в 1939 г. в результате слияния Главного управления полиции безопасности и Главного управления службы безопасности — СД; обе службы возглавлял Рейнгард Гейдрих. — *Примеч. пер.*)

² Так часто называли специальные «группы вторжения», которые официально именовались *эйнзатцштаффельн*. (Эйнзатцгруппы впервые были созданы Вальтером Шелленбергом по приказу Гейдриха в 1938 г., перед началом операций в Чехословакии, с целью подавления сопротивления со стороны гражданского населения. Армии предписывалось оказывать всяческое содействие оперативным группам, снабжать их питанием, предоставлять им транспорт и прочее. В 1941 г. было создано четыре эйнзатцгруппы: А — страны Прибалтики; Б — Смоленск, Москва; В — район Киева; Д — южная часть Украины. Первостепенной задачей эйнзатцгруп была «ликвидация» евреев и политических комиссаров. — *Примеч. пер.*)

просто меня систему ключей. Службы связи во всех трех родах немецких вооруженных сил — на флоте, в сухопутных войсках и авиации — располагают этими машинами, которые имеются и в личном распоряжении Гитлера, Кейтеля, Гимmlера, Гейдриха и Геринга. Постепенно машины распространяются по всем инстанциям. Ими снабжают, например, подводные лодки (а не только штаб ВМФ). Если даже подлодка сдастся врагу или сядет на мель, противник не сможет воспользоваться находящейся на ее борту «Энигмой», не зная, как действует вся система. Только абвер владеет «ключом ключей». Канарис, в отличие от Гитлера, полагает, что в секреты «Энигмы» все-таки можно проникнуть, если изобрести другую машину, способную одновременно имитировать или интерпретировать действия каждого из тысяч экземпляров «Энигмы», имеющих в рейхе. Такая машина должна будет просчитывать непрерывные изменения ключей, для чего ей придется с огромной скоростью проделывать бесчисленное количество математических операций, — задача, недоступная даже для лучших математических умов. Канарис знает, что в Англии разрабатывается концепция так называемой «универсальной машины Тьюринга»¹, однако он убежден, что современная технология не позволит осуществить быстрый переход от теории к практике. Правда, перед войной кое-кто из немецких инженеров бежал и потом устроился работать во Второе бюро (к полковнику Риве) или к англичанам...

Летом 1939 года в замке Виньоль, во Франции, собрались ученые разных национальностей. Они должны были решить, как защитить от «Энигмы» ее только что родившуюся сестру-двойняшку, «Ультра» (названную так в честь кода Нельсона, который адмирал использовал в битве при Трафальгаре). Затем этот цвет интеллигенции переместился в Анг-

---

¹ Алан Матисон Тьюринг (1912—1954) — английский математик, в 1939—1945 гг. сотрудник Британской иностранной службы. Разрабатывал концепцию абстрактной вычислительной машины, получившей название «машины Тьюринга». (Примеч. пер.)

лию и там, в Лондоне, главным образом в научном центре Блечли Парк, принялся за работу, чтобы окончательно разгадать тайну «Энигмы». Знал ли Черчилль, что может рассчитывать на помощь Канариса, и если знал, то как он оценивал возможную эффективность этой помощи? Видимо, он предпочел не рисковать, не раскрывать свои карты Канарису — чтобы немецкие специалисты до самого конца не догадывались об успехах его (Черчилля) дешифровальщиков. Созданная англичанами «Ультра» на протяжении всей войны оставалась «великой немой». Немногие посвященные называли ее «бомбой», но и они не знали о ней всей правды. «Бомба» неустанно искала все возможные комбинации знаков. Вначале ей удавалось прочесть — и то скорее случайно, нежели в результате точных расчетов, — лишь отдельные сообщения. Однако она постоянно совершенствовалась, она не была изобретением сумасшедшего! В начале войны ее полезность для британской разведки оставалась весьма относительной. Однако факты расшифровки некоторых инструкций, которые Геринг посылал по радио своим пилотам, пробуждали у англичан фантастические надежды. Тем временем Мензис, который работал над этой проблемой с самого начала, стал шефом МИ-6. Мензис был военным и отличался особенным упорством. Черчилль назначил его на эту должность вопреки желанию многих сотрудников отдела. Черчилль предчувствовал, что эксперименты с машиной вскоре принесут интересные результаты и что она сослужит для союзников хорошую службу, если только немцы ни о чем не догадаются. Обо всех подробностях использования «Ультра» докладывали только «лорду Вильсону» (Черчиллю). В конце концов сотрудники МИ-6 научились, с помощью «Ультра», расшифровывать все сообщения Люфтваффе — этот главный козырь Черчилль получил как раз в тот момент, когда в сентябре 1941 года началась «битва за Англию».

Если Англия не сумела воспрепятствовать действиям германских войск на пространстве от Северного моря до Пиренеев, то объясняется это тем, что главные системы немецких кодов тогда еще не были расшифрованы. Но зато сотрудники МИ-6 уже овладели тайным языком Геринга и его авиаторов. Прочитав миллионы сообщений противника, англичане во всем объеме представляли себе силу, которая им угрожала, из-за которой они несли огромные потери вплоть до конца октября 1940 года. Геринг, следуя своей логике и полагая, что все еще полностью контролирует воздушное пространство, теперь собирался «очистить» английское небо массированными атаками авиации, чтобы таким образом подготовить высадку немецкого десанта. Однако Черчилль, который наделил Мензиса и сотрудников отдела МИ-6 сказочными полномочиями (включая право непосредственно обращаться в любое время к нему самому и к королю), к тому моменту, когда британские ВВС, истощив свои силы, были на грани поражения, уже знал о планах Люфтваффе все. Поэтому он мог сконцентрировать английские самолеты именно в том месте, куда противник намеревался нанести свой удар, и обеспечить таким образом численный перевес своих боевых машин. Расшифровав 10 тысяч немецких сообщений, «Ультра» помогла изменить соотношение сил. «Битва за Англию», от которой, согласно Черчиллю, зависел исход Второй мировой войны, будет выиграна благодаря Мензису. Черчилль оставляет свою резиденцию и едет в Аксбридж, на окраину столицы, в штаб противовоздушной обороны. Он знает, что состояние моря, фаза луны благоприятствуют тому, чтобы немецкий десант высадился на английский берег именно сейчас, до начала осенних ветров. Его сотрудники с помощью «Ультра» определяют, что скорее всего сроком вторжения — «Днем орла» — станет 13 августа 1940 года. Радары и зенитные установки срочно приводятся в состояние боевой готовности, последние английские истреби-

тели поднимаются в воздух, бомбардировщики обрушивают свой груз на порты, где должна происходить погрузка на суда немецкого десанта. Вторжение не состоится, но спустя месяц немцы подготовят воздушный блиц-удар. Против Лондона, главной цели Геринга, будут брошены тысяча бомбардировщиков и 700 истребителей. 15 сентября 1940 года, около часу ночи, небо над юго-восточной частью Англии озарится вспышками взрывов. Двадцать пять эскадрилий «Спитфайров» и «Харрикейнов» будут вести неравный бой с превосходящими их во много раз силами противника. Сгорят собор Святого Павла и целые кварталы столицы. Тысячи санитаров и работников пожарных команд будут носиться по городу. А на другом берегу Ла-Манша, на мысе Гри-Нез, Геринг, одетый в белую форму с золотыми эполетами, наблюдая в бинокль, как его самолеты бороздят ночное небо, подумает: «Что-то идет не так».

Ночные налеты

Перехваченные англичанами немецкие донесения свидетельствуют о том, что командование Люфтваффе, осознав, что в дневное время потери бывают слишком велики, собирается переменить тактику и отныне совершать в основном ночные массированные рейды, каждый раз полностью уничтожая тот или иной населенный пункт — под предлогом законного возмездия за первые, еще «слепые» бомбардировки Берлина. Англичане знают, что в качестве ближайшего объекта нападения выбран Ковентри. Они могли бы сконцентрировать вокруг этого города зенитные прожекторы и имеющиеся в наличии 410 зенитных пушек, организовать в этом секторе ночную охоту на немецкие самолеты. Но это означало бы поставить под удар свою «Ультра». А Гитлер и так уже упрекал Геринга за то, что тот «злоупотребляет зашифрованными сообщениями и никогда не обновляет коды». Для чего фюрер давал инструкции этому «армейскому Лорензаччо» (Шмидт)? «Уль-

тра» исправно информирует англичан о разногласиях между Гитлером и Герингом, но не позволяет сделать никаких выводов о взаимоотношениях фюрера и Канариса. Хочет ли Канарис проверить, как англичане отреагируют на его предупреждения? Он посылает в Англию одного шпиона за другим (их захватывают и убивают, едва они, выпрыгнув из самолета с парашютом, достигают земли), но никак не может вступить в контакт со своими «безответственными» партнерами. И не понимает, что происходит, потому что не подозревает о существовании Мензиса, обладателя пластинки из слоновой кости¹, «которая позволяет ему, Мензису, делать все что угодно, даже входить ночью в комнату короля» (по свидетельству самого Уинстона Черчилля). В Берлине, в своей гостиной, украшенной портретом греческого генерала², который якобы был его дедом, Канарис чувствует себя вполне уверенно — очевидно, помимо прочих причин, и потому, что имеет особые, «резервные» ключи для собственных конфиденциальных сообщений. В данный момент он ждет, что будет дальше, и воспримет то обстоятельство, что Черчилль потерял Ковентри³, как некий достойный внимания знак. Английский премьер-министр попытается уничтожить некоторые аэродромы Люфтваффе, но не примет никаких мер, чтобы защитить гражданское население Ковентри, даже не пришлет особых распоряжений тамошнему медицинскому персоналу и пожарным, бросит на произвол судьбы стариков и детей — об этом потом расскажет капитан Хектор, начальник гражданской обороны города. Сделать что-либо подобное значило бы дать понять немцам, что англичане заранее узнали о готовящемся налете. А в тот момент важнейшая задача состояла в том, чтобы

---

¹ Согласно Жаку Бержье, все секретные службы той эпохи ввели в обиход подобные «специальные пластинки». См. дальше описание пластинок, которые давали эсэсовцам нового набора право присутствовать на заседаниях Народной судебной палаты, когда, после 20 июля 1944 г., разбиралось дело фельдмаршалов-предателей, участников покушения на Гитлера.

² По другим данным, негоцианта. (Примеч. пер.)

³ Город в Англии, в графстве Йоркшир. (Примеч. пер.)

противник и дальше оставался в заблуждении. Сэр Уинстон и его соратники думали о будущем. Они умели хранить свои секреты. И, проводя ту или иную операцию, просчитывали ходы далеко вперед. В итоге английский город, насчитывавший 250 тысяч жителей и занимавший площадь 48 квадратных километров, был сметен с лица земли — как и его собор, очень красивый, построенный в 1403 году, как и бенедиктинский монастырь, основание которого легенда приписывала леди Годиве. Этот несравненный город, который славился своей средневековой архитектурой, одновременно являлся одним из важнейших английских арсеналов. Сам Геринг, который подверг Ковентри бомбардировке, чтобы отомстить англичанам за воздушную операцию против Баварии (под кодовым названием «Лунная соната»), имевшую место 8 ноября 1940 года, считал этот город сокровищницей искусства и с радостью завладел бы его шедеврами. Черчилль же в ночь с 14 на 15 ноября 1940 года сознательно допустил, чтобы Люфтваффе сбросило на Ковентри 150 тысяч зажигательных и 1400 обычных бомб. Этот ужасный рейд длился десять часов, и английские зенитки сбили за все время налета только один немецкий бомбардировщик. По подсчетам немецкого летчика-аса А. Галланда и английского историка Энтони Кейв Брауна¹, пострадавших — убитых, раненых и погибших в огне — было более тысячи.

Исход партии еще далеко не ясен

После Ковентри Гитлер одновременно почувствовал облегчение и нашел новый повод для беспокойства. Почувствовал облегчение, потому что не мог больше подозревать, что его радиосообщения перехватываются и прочитываются англичанами. Беспокойло же его то, что очень скоро «он увидел в Черчил-

---

¹ Galland A., Luftwaffe dans la 2e Guerre mondiale; Cave Brown A., La Guerre secrete.

ле противника еще более беспощадного, чем он сам» (Эммануил д'Астье де ла Вижери). Рейды немецкого Африканского корпуса¹ в Египет каждый раз решительно пресекались; широкомасштабная атака итальянских и немецких моряков на Крит² также не удалась (англичане узнали о ней заранее и пожертвовать своими запасами, хранившимися на острове, не могли); все это побудило США оказать поддержку Великобритании. Черчилль страшно разгневался на свое адмиралтейство, когда немецкие подлодки заставили Великобританию голодать, отрезав ее от колониальных владений и от Соединенных Штатов. По какой-то таинственной причине «Ультра» пока очень плохо прочитывает сообщения, передаваемые под водой. Однако машина непрерывно совершенствуется, и вскоре после того, как британский корабль «Худ» будет затоплен «Бисмарком» у бретонских берегов (благодаря беспрецедентной концентрации военно-морской авиации), она даст англичанам возможность взять реванш. Уничтожение 27 мая 1941 года «Бисмарка», этого немецкого морского гиганта, способного в одиночку справиться со всеми своими противниками, покажется адмиралу Редеру (как он отметит в книге «Моя жизнь») «весьма странным» фактом³. Су-

---

¹ Африканский корпус — отборные моторизированные части германской армии, осуществлявшие военные операции в Северной Африке в 1941—1943 гг. Африканский корпус под командованием Эрвина Роммеля (1891—1944), ранее командовавшего во Франции 7-й танковой дивизией, высадился в Триполи в феврале 1941 г. — после того, как огромная итальянская армия генерала Родольфо Грациано в Киренаике капитулировала перед англичанами. 3 апреля 1941 г. Роммель бросил свою (не до конца уконтрактованную) дивизию в контрнаступление на позиции английских войск. Восемь месяцев он осаждал город Тобрук (в Киренаике), оборонявшийся австралийским гарнизоном, но взять его так и не смог. В декабре 1941 г. 8-я британская армия под командованием генерала Клода Аучинлека (превосходившая германские войска в живой силе в четыре раза и в танках — в два раза) отбросила Африканский корпус на исходные позиции и освободила Тобрук. *(Примеч. пер.)*

² Немецкий десант высадился на Крите 20 мая 1941 г. *(Примеч. пер.)*

³ «Бисмарк» — самый мощный линкор Германии в период Второй мировой войны, вступил в строй в 1940 г.; экипаж — 1600 человек, четыре самолета. 20 мая 1941 г. был обнаружен англичана-

мел ли кто-то прочитать шифровки, или среди подчиненных Редера имеется предатель? Гибель «Бисмарк» обеспечит Соединенному королевству, уже одержавшему победу в воздухе, победу на море. Она положит конец очень эффективной блокаде Великобритании. Захват же англичанами подлодки типа U-110 со всеми ее приборами, необходимыми для передачи радиосообщений, позволит успешно защищаться от операций вражеского подводного флота. Это был подлинный «дар небес», и англичане сумели скрыть его, создав полную иллюзию того, что субмарина безвозвратно ушла на дно вместе со всем своим содержимым. В обоих случаях, после расследования обстоятельств гибели того и другого судна, немецкие специалисты пришли к похожим выводам: «Нет никакой необходимости инкриминировать членам экипажа небрежное отношение к правилам безопасности и ко всему, что касается кодов и шифровальных таблиц».

Черчилль настолько захвачен идеей подготовки нового реванша в Европе, что решает предупредить русских о неизбежном вторжении на их территорию нацистских армий — вторжении, о котором он благодаря «Ультра» знает все. Он понимает, что «не следует допускать, чтобы русские потерпели полный крах». Однако Сталин, как кажется, ничего не знает о машине «Ультра» и не верит в желание Черчилля ему помочь, хотя последний действительно не прочь укрепить свои позиции, заключив новый союз с русскими. Английский премьер тем более встревожен надвигающейся операцией «Барбаросса», что предвидит ее непосредственные и очень неприятные для него последствия: захват Гитлером Балкан, Прибал-

---

ми в Атлантическом океане. 24 мая на выходе из Датского пролива был атакован английский отрядом из восьми судов, но ему удалось потопить английский линейный крейсер «Худ» и уйти от преследования. В полночь «Бисмарк» был обнаружен и атакован девятью самолетами-торпедоносцами с авианосца «Викториес», а потом вступил в бой с главными силами английского флота. В результате многочисленных попаданий снарядов и торпед «Бисмарк» затонул 27 мая 1941 г. в 450 милях к юго-западу от Бреста, что вынудило немецкое командование отказаться от дальнейшего применения крупных боевых кораблей для борьбы на коммуникациях в Атлантике. *(Примеч. пер.)*

тийских государств и Финляндии. Кроме того, ему сообщают, что у Сталина нет средств, чтобы противостоять немецким сухопутным войскам, в последнее время получившим значительные подкрепления. А значит, Сталину необходимо оказать помощь, пусть — на первых порах — и не очень большую. Иден отправляется с дипломатической миссией в Москву; между секретными службами обеих стран завязывается сотрудничество. «Чтобы прогнать Гитлера, я готов вступить в союз с самим дьяволом» — так объяснит Черчилль свою новую политику офицерам генерального штаба.

Город, потерявший чувствительность

К «большой политике» берлинцы совершенно равнодушны. Еще не пришло время массированных бомбардировок Берлина, и ограничения, связанные с военным положением, пока не очень заметны. С другой стороны, эра триумфов осталась позади, хотя все думают, что через каких-нибудь несколько недель начнется война с Россией, которая будет такой же легкой, как и война в Польше. «Черная капелла» сейчас играет *mezzo voce*¹. Даже те генералы, которые считают операцию «Барбаросса» колоссальной ошибкой, в эти несколько недель безоглядно предаются своим «профессиональным радостям»: они отправляются на Восток в новеньких бронетранспортерах, под прикрытием самолетов, намного превосходящих по своим боевым качествам русскую авиацию. Простые люди, уже привыкшие к скудной и однообразной пище, мечтают о том, что их жены или экономки вскоре будут возвращаться из магазинов с сумками, полными продуктов. Мечтают о говядине по цене четыре марки за килограмм, о белых батонах стоимостью в одну марку, о воскресных загородных прогулках. Только матери беспокоятся за своих сыновей, и то не очень сильно. Потери на Востоке до сих

---

¹ Вполголоса (*ит.*). (Примеч. пер.)

пор были менее значительными, чем, например, потери в Норвегии или на Крите. «Это будет война, которая объединит всех», — легкомысленно шутит фюрер. Никто не вспоминает о Югославии, где немецкая армия увязла в партизанской войне, о Греции, которая, вопреки внешней видимости порядка, так никогда и не будет по-настоящему завоевана нацистами. Чиано и дуче растроганы тем, как тепло их принимал Гитлер, и говорят о сердечной и доверительной дружбе между Германией и Италией. Совсем иначе складываются отношения между Берлином и Мадридом. Гитлер нанес визит Франко, представляющему для него вечный источник раздражения. Каудильо не желает шевельнуть пальцем и отказывается атаковать Гибралтар. «Он хочет получить все и задаром, хотя и так обязан мне всем, что имеет», — говорит Гитлер. Фюрер также посетил Петена, принял Лаваля — чтобы внести ясность в трудные франко-германские отношения. Берлинцы, наслушавшись пропагандистских выступлений Геббельса, уверены, что американцы никогда не станут вмешиваться в войну, раз уж не вмешались до сих пор. «По сути, никто не поддерживает коммунистов — даже в самом СССР и контролируемых им государствах», — повторяют дикторы немецкого радио. Восточная кампания, судя по всему, должна значительно поднять популярность фюрера. Эсэсовцы собираются воспользоваться этим, чтобы урегулировать свои дела в Польше — начать «ключительную операцию» по уничтожению евреев. Германия, оплот против большевизма, освободит всех от идеологического гнета. Одни только члены «Красной капеллы» недовольны происходящим. «В данный момент их позиция смехотворна», — говорит Геббельс; он хочет воспользоваться неожиданной возможностью, чтобы соединить в сознании людей евреев и большевиков, вызвать единодушную антипатию к тем и другим. «Это будет всемирная игра». По мысли Шмидта — скорее мировой пожар¹.

---

¹ Судьбе будет угодно, чтобы Шмидт, личный переводчик Гитлера, пережил войну и оставил нам свои мемуары.

Гейдрих, который сделал ставку на уничтожение Англии, и Канарис, пытающийся ей помочь, в какой-то момент находят общий язык. «Эта Британская империя никогда ничего не выигрывает и не проигрывает», — признают они оба во время одной из совместных конных прогулок в Тиргартене. Но Канарис ошибся. Черчилль благодаря «Ультра» уничтожил линкор «Бисмарк» и теперь контролирует Атлантику. 6 апреля 1941 года адмирал не очень удивился, узнав, что огромная колонна немецких бронетранспортеров атаковала Югославию и Грецию. Он ничего не предпринял, чтобы спасти Белград, который был разрушен до основания в ходе атаки Люфтваффе (зенитных установок в городе вообще не имелось). За время этого налета, который длился три дня и три ночи, погибло 17 тысяч мирных жителей. Захват Белграда, известный под кодовым названием «Кара» (определенно, Гитлер уже принимал себя за самого Господа), должен был привести, как и аналогичная операция в Греции, к зримой победе немецкого оружия. Однако Черчилль и Канарис прекрасно понимают, что в этой гористой местности очень скоро вспыхнет партизанское движение.

Британская империя, после первых побед немцев в СССР, окажется под угрозой.

«Кемпейтай», японские секретные службы, очень внимательно следят за событиями, и Токио ждет своего часа. Ситуация еще более запутывается из-за того, что сестры-близнецы — «Ультра» и «Энигма» не способны прочитывать русские и японские сообщения.

Генералы в рейхсканцелярии выражают беспокойство

В Берлине, в громадном здании рейхсканцелярии, Гитлер сталкивается с последней попыткой сопротивления его планам. На сей раз инициатива ис-

ходит не от тех людей, которые обычно выступали в роли его оппонентов. По свидетельству Шелленберга, фон Рундштедт¹, которого другие собравшиеся здесь генералы уполномочили говорить от их имени, спросил фюрера: «Хорошо ли вы подумали о том, что собираетесь предпринять в России?» — «Я все взвесил», — спокойно отвечает тот. «Но разве не следовало бы сначала разрушить сердце Британской империи на Среднем Востоке?» — «Мы прогоним англичан из Средиземноморья и Персидского залива после успешного завершения операции “Барбаросса”». Тон Гитлера становится более жестким: «Разве мы не побили югославов, как я и предсказывал?» — «Нам придется одержать победу до наступления зимы», — упорствует Рундштедт, которого поддерживает кивком головы адмирал Редер, сторонник наступления в районе Суэца. «Они не выдержатся так долго», — обрывает его Гитлер. «Но если мы все-таки не успеем, — рискует продолжить свою мысль фон Рундштедт, — нужно будет дойти до Днепра и там остановиться». Гитлер, как это с ним часто случается, теряет самообладание: «Нет, мы будем продолжать наступление, двигаться вперед, возьмем Москву!» Фон Рундштедт прибегает к последнему аргументу: «Наш военный атташе в Кремле настаивает на том, что Красная армия подготовлена куда лучше, чем мы предполагаем». — «Я знаю, он мне об этом сообщал, — раздраженно говорит Гитлер. — Но я не верю». Взгляд Гитлера не предвещает ничего хорошего; он недвусмысленно дает понять, что аудиенция окончена. Английский историк Лидделл Харт интерпретирует смысл этой беседы так: «У Гитлера надежда на победу связывалась с представлением о неизбежности внутренней революции в самом СССР». Гитлер, который знал русских не луч-

---

¹ Герд Карл Рудольф фон Рундштедт (1875–1953) — участник Первой мировой войны, офицер генерального штаба. В мае 1939 г. был назначен главным военным советником Гитлера по вопросам войны с Польшей. Участвовал в Польской и Французской кампаниях, с июня 1940 г. — генерал-фельдмаршал. С самого начала выступал против войны с СССР. (*Примеч. пер.*)

ше, чем англичан, полагал, что в России его встретят с радостью — при условии, что будут уничтожены комиссары и евреи. Но военные не разделяют его веры в эту гипотетическую революцию: «Там гораздо меньше революционных элементов, чем солдат». «Нам предстоит долгая война», — подытоживает разговор Рундштедт уже на пороге кабинета. Но Гитлер желает, чтобы последнее слово осталось за ним: «Мы закончим ее до зимы».

Весенний день в Берлине

Берлинские зрители на трибунах стадиона наслаждаются футбольным матчем, не находя в таком времяпрепровождении ничего необычного. Солдаты из провинции, которых отправляют на Восток, имеют право посетить перед отъездом столицу. Многие видят ее в первый раз и совершенно очарованы. Некоторые бродят наудачу по городу, просто идут куда глаза глядят, но большинство, привыкнув к порядку и дисциплине, полагается на гидов из организации «Сила через радость», которые предлагают им совершить экскурсию на традиционном «берлинском кремзере»¹, запряженном крупными померанскими лошадьми. Конки на улицах — привычное зрелище в эти на удивление солнечные весенние дни. Берлинцы и особенно берлинки посмеиваются, завидев простодушных крестьянских парней, которые так искренне восхищаются их городом. Правда, парней этих называют «чужаками» — Берлин давно осознает себя обособленным островом в море германских земель. Гиды из туристического отдела КДФ² подробно, в напыщенном стиле, описывают каждый памятник. Для военных все развлечения бесплатны (или стоят какую-то мелочь) — даже театр, цирк, стадион. В лотках на Потсдамерплац продаются пиво, цветы и знаменитые плюше-

---

¹ Кремзер — линейка. (Примеч. пер.)

² Kraft durch Freude, «Сила через радость». (Примеч. пер.)

вые медвежата — символы германской столицы. Каждый день 10 тысяч вновь прибывших в Берлин солдат покупают эти игрушки. Многие новобранцы договариваются о свидании с улыбающимися хорошенькими девушками. Иногда девушки соглашаются прокатиться со своими поклонниками на конке и, конечно, получают в подарок цветы. Влюбленные пары гуляют по тенистым аллеям Тиргартена, кое-кто из офицеров благоговейно слушает концерт в Филармонии, другие решают навестить в Академию. Геринг открыл свои сады для горожан, и, как говорят, иногда там можно увидеть его самого. Встретить фюрера никто не надеется: он никогда не выходит на улицу без охраны, не заглядывает во всегда набитые до отказа кафе. Что касается Геббельса, то все и так сыты им по горло — похоже, по радио не передают ничего, кроме его речей. Перед Бранденбургскими воротами, этой Триумфальной аркой Берлина времен Бисмарка, собралась толпа желающих сфотографироваться на память. У студентов каникулы, и они исполнены благодушия. Они тоже катаются в линейках, запряженных конями, хорошо знающими свой маршрут, и весело окликают друг друга: «Эй, привет!» Везде полно журналистов и фотографов, то и дело щелкающих аппаратами. Во всех кинотеатрах в этот день идут фильмы о солдатах. Но некоторые любители кино предпочитают посмотреть любовную мелодраму, действие которой разворачивается в предвоенном Париже. Кинохроника представляет эпизоды войны в Африке или на Балканах; судя по этим лентам, немецких героев никогда не убивают, их повсюду с энтузиазмом встречают местные жители в национальных костюмах. Сейчас середина мая. По вечерам девушки провожают своих новых приятелей до вокзала, откуда отправляются поезда на Восточный фронт. Парни и девушки обмениваются адресами, посылают друг другу воздушные поцелуи, потом солдатики, прижавшись лицом к стеклу, долго что-то кричат, помогая себе жестами, пока вагоны не тронутся и хрупкие девичьи силуэты не растворят-

ся в сумерках. Эта короткая поездка в Берлин покажется им прекрасным фантастическим сном, когда они прибудут в Россию и для них начнется постижение горькой правды войны.

«Бегство» Рудольфа Гесса

Гесс¹ не дал засечь себя британским радарам и, словно хороший спортсмен, приземлился точно на лужайке перед поместьем лорда Гамильтона², с которым со времен Олимпийских игр его связывали дружеские отношения. «Если он и сумасшедший, то маневрирует как летчик-ас», — скажет потом английский генерал. На самом деле Гесс был довольно посредственным авиатором, никто даже не знал, что он способен управлять самолетом. Гамильтон, друг короля и всех английских лордов, командует полком истребителей как раз в том секторе, который избрал для своего десантирования Гесс. Час спустя Гамильтон «официально» приглашает Гесса к себе. Самолет Гесса разбился после того, как он выпрыгнул из него с парашютом. Несколько часов спустя из самолета, принадлежащего отделу МИ-6, перед тем же замком катапультируется Киркпатрик. Это лучший специалист отдела МИ-6 по немецким вопросам. В тепле, в замке своего друга, удобно расположившись в кресле перед камином и висящим над ним гобеленом, прихлебывая шотландское виски, Гесс рассказывает, где расположены батареи немцев. Все это похоже на возвращение довоенной ситуации. «Фюрер прислал

---

¹ Рудольф Гесс (1894—1987) — один из ближайших сподвижников Гитлера, сыгравший огромную роль в создании культа фюрера (которому, в частности, оказывал помощь в написании книги «Майн кампф»). Участвовал в Первой мировой войне, в последние месяцы был летчиком в эскадрилье «Рихтгофен». С 1925 г. — секретарь Гитлера; с 1932 г. — начальник политического отдела в имперском руководстве НСДАП; с 1933 г. — «заместитель фюрера» по партии. В сентябре 1939 г. Гитлер официально назначил Гесса своим вторым преемником после Геринга. (Примеч. пер.)

² В Шотландии, близ Инглшем Мур, 10 мая 1941 г., после наступления темноты. (Примеч. пер.)

меня, — говорит Гесс, — потому что желает мира с Англией. Он хочет, чтобы Третий рейх имел карт-бланш на Европейском континенте, хочет мира между Лондоном и Римом, готов предоставить Великобритании полную свободу действий в ее империи и на ее морях». Наверняка во время этой беседы идет речь и о готовящемся нападении на Россию, о котором Гесс знает все, знает больше, чем любой представитель Верховного командования вермахта. Однако Гесс запоздал со своими предложениями: они сейчас никому не нужны.

Черчилль решил захлопнуть свою дверь перед Гамильтоном, Галифаксом и прочими отпрысками семейства Чемберленов, тем более что впереди уже маячит союз с Россией и Америкой. Кроме того, у него есть «Ультра» (о чем Гесс не знает) и он поддерживает отношения, — которые пока складываются непросто, — с «Черной капеллой». Навязчивые предложения Гитлера (в данном случае переданные через Гесса), которые делались еще в довоенный период, его больше не интересуют. Да и дела в Англии теперь идут не так плохо. Надо показать Гитлеру (опять-таки через Гесса) свое презрение. Гесса внезапно объявляют «сумасшедшим», хотя до тех пор он был совершенно здоров. Может быть, ему предложили выступить на Би-би-си или в другом месте, а он высокомерно отказался? Его превратят в безумца или фантазера, не заботясь о том, что это полностью противоречит всему, что известно о нем и о высших берлинских чиновниках вообще. В результате Гитлер станет заложником, вынужденным играть свою роль до конца, — независимо от того, действовал ли Гесс по собственному побуждению (что представляется не очень логичным) или по согласованию с фюрером. Англичане с легкостью убедят журналистов Германии, а потом и всего мира в том, что Гесс страдает от комплекса неудовлетворенности; ему припишут лунатизм, его бросят в тюрьму, где за ним будут постоянно наблюдать психиатры. Он будет отбывать заключение (лишенный возможности какого бы то ни было общения, подобно Железной Маске) в кре-

пости Шпандау, где и закончит свои дни в восьмидесятих годах¹. Вместо него официальным наследником Гитлера станет Мартин Борман².

«Братья и сестры...»

Гитлер, по логике вещей, после скандала с Гессом должен был бы устремиться на Средний Восток, вступить в смертельную схватку с Британской империей. У него еще было время изменить свои планы. Советовали ли ему его генералы поступить именно так? Они все уже находились на Восточном фронте. В воскресенье, 22 июня 1941 года, в 3.40 утра, немецкая армия, до

---

¹ Дело Гесса долгое время было окружено тайной; о содержании бесед, которые он вел с лордом Гамильтоном, Кирпатриком, а позднее — с сотрудником британской разведки лордом Саймоном, можно было только догадываться. Только летом 1992 г. документы по делу Гесса были рассекречены Британской архивной службой. По версии израильского историка Г. Городецкого, изучавшего эти документы, Гесс прилетел в Англию без разрешения Гитлера, действуя по своей инициативе, и никаких официальных предложений с собой не привез. Им двигало желание положить конец вражде между англичанами и немцами, спасти Великобританию от уничтожения. О готовящемся нападении на Россию он либо не знал, либо предпочитал умалчивать. Черчилль не захотел вступать с ним в переговоры, так как считал его «потенциальным военным преступником». В ставке Гитлера новость об исчезновении Гесса была встречена с изумлением и яростью (по свидетельствам Шмидта, Кейтеля, Гальдера, Шпеера). В конце концов Черчилль пришел к выводу, что заявления Гесса похожи на «разговор умственно отсталого ребенка, совершившего убийство или поджог». Вызванный для обследования Гесса главный психолог британской армии охарактеризовал своего пациента как «неуравновешенную, психопатическую личность». Англичане окружили дело Гесса покровом тайны, чтобы использовать его в качестве давления на немцев (опасавшихся, что Гесс мог выдать какие-то секреты). После войны, в Нюрнберге, Гесс был приговорен к пожизненному тюремному заключению и содержался в крепости Шпандау, в британском секторе Берлина. В 1987 г. он был найден повешенным в камере. Подробнее об этом эпизоде см.: Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995. Гл. 9—10. С. 224—280. (*Примеч. пер.*)

² Мартин Борман с 1933 г. был руководителем аппарата Р. Гесса, «заместителя фюрера» по партии. После отлета Гесса в Великобританию стал абсолютно необходим для Гитлера. С мая 1941 г. возглавлял партийную канцелярию. С 1942 г. был «личным секретарем фюрера». В 1944 г. стал главным и единственным приближенным Гитлера. Перед смертью Гитлер назначил Бормана руководителем НСДАП. (*Примеч. пер.*)

тех пор непобедимая, вторглась на территорию СССР. Немцы захватили все мосты на границе; сотни советских самолетов были уничтожены прямо на аэродромах; 100 тысяч советских солдат стали пленниками, целые армии попали в окружение. «Мы закончим войну за четырнадцать дней, быстрее, чем в Польше», — говорит теперь Гальдер. Кто-то из русского генерального штаба звонит в приграничные города, уже захваченные врагом, и, слыша немецкую речь, извиняется: «Это ошибка, служащие министерства иностранных дел уверяют нас, что мы связались с Вильгельмштрассе, с Берлином». Очевидно, никто не осмеливается сообщить о случившемся Сталину. Или он уже все знает? Может, он пытается заманить немцев в ловушку? Кто здесь обманщик и кто — обманутый? Яркое освещенный скорый поезд «Москва — Берлин» следует своим обычным курсом, а навстречу ему уже движутся (на Брест-Литовск) немецкие танки. Русская артиллерия молчит; люди безропотно позволяют себя убивать: они думают, что, по мнению Сталина, происходящее сейчас — это всего лишь недоразумение. Наконец какой-то генерал (этот эпизод известен нам со слов американского журналиста) запрашивает Москву: «Немцы нас обстреливают — что делать?» Проходит три часа; советское радио, как обычно, в течение пятнадцати минут «передает утреннюю гимнастику». О вторжении «фашистских войск» сообщают только в 12.24, более чем через девять часов после начала войны! И только 3 июля по радио выступит Сталин. Обратившись к своим соотечественникам со словами «Братья и сестры!», он призвет их объединиться против общего врага. Его призыв услышат. «Молниеносная война», вопреки планам Гитлера, не будет выиграна немцами за 14 дней. Только в конце лета группа армий под командованием фельдмаршала фон Бока — 14 бронетанковых дивизий, восемь механизированных дивизий, 44 пехотные дивизии — подойдет к Смоленску, отстоящему от Москвы на 320 километров.

На севере Ленинград в течение 900 дней будет выдерживать блокаду — пока его не освободит Красная армия. Иногда голодающие жители города будут пи-

таться трупами. Сотрудники СД отреагируют на это известие так: «Мясо русских, должно быть, имеет неплохой вкус».

«Я решил стереть Ленинград с лица земли», — скажет Гитлер. 8 октября, через несколько дней после взятия Орла войсками Гудериана (3 октября), он объявит по радио: «Сегодня я безоговорочно утверждаю, что наш восточный враг побежден и более никогда не поднимется. Мы заняли часть советской территории, по размерам вдвое превосходящую рейх». Однако немецкие генералы, находящиеся на фронте, сомневаются в том, что победа будет одержана до зимы. Если они и совершили колоссальную ошибку, то осознали ее уже через несколько недель.

В ставке Верховного командования вермахта начинаются разговоры в духе: «Мы об этом предупреждали...» И дело даже не в том, что генерал Блюментрит¹, отчитываясь о битве за Минск, будет ссылаться на «высокий моральный дух» советских солдат и говорить, что ни с чем подобным ему еще не приходилось сталкиваться. Гальдер отметит: «Мы основывали свои расчеты на том, что противник располагает 200 дивизиями, но уже сегодня знаем о существовании, по крайней мере, 360 дивизий». Рундштедт выскажется еще более резко: «Мы стали жертвами тотальной промывки мозгов, которой занимались и Гитлер, и Сталин. До настоящего времени наши танкисты считали себя непобедимыми, но сейчас они столкнулись с “Т-34”, “бронированным ужасом” для наших экипажей». Русская авиация перешла к активным действиям именно в тот момент, когда немецкий фронт удалился от своих тыловых баз. На юге Украина уже завоевана, но Клейст² признает: «Никакой настоящей революции здесь не

---

¹ Гюнтер Блюментрит (1892—1967) с 1940 г. был начальником штаба 4-й армии. (Примеч. пер.)

² Эвальд Пауль Людвиг фон Клейст (1881—1954) перед началом войны с СССР возглавил особую группу (3-й и 48-й танковые, 14-й моторизованный корпус) в составе группы армий «Юг». В октябре 1941 г. группа была развернута в 1-ю танковую армию (действовавшую на Украине), и Клейсту была также подчинена 11-я армия, действовавшая на побережье Черного моря. На территории, подконтрольной группе армий «А», Клейст проводил по-

предвидится». Он считает, что эсэсовцы, вводя режим террора, тем самым подталкивают украинцев к сопротивлению, вместо того чтобы сделать их своими союзниками. Фюрер желает любой ценой взять Москву: «Стоит один раз пнуть ногой эту гнилую дверь, и она развалится». Гудериан уже в шестидесяти километрах от Кремля. Сталин поднимается на трибуну заснеженного Мавзолея и наблюдает, как отправляются на фронт только что вышедшие из заводских ворот танки.

*Гудериан пророчествует:
«Берлин станет новым Вавилоном!»*

«Дороги Кавказа открыты перед нами», — заявляет Геббельс в Берлине, в речи, которую транслирует государственное радио. Через четыре дня Ростов вновь переходит к русским — после грандиозной битвы, в результате которой Третий рейх впервые за свою историю терпит серьезное поражение на суше. Рундштедт отступает на 80 километров и устанавливает зимнюю линию фронта. Его отстраняют от командования. Гудериан комментирует эту ситуацию так: «В Ростове я узрел слова МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН, которые некогда появились на стенах Вавилона»¹. Рундштедт иронизирует: «Я и не знал, что Гудериан — такой образованный человек». Потом приезжает на несколько дней в опротивевший ему Берлин. И говорит Гитлеру: «Держаться дальше — безумие, мои войска на это больше не способны. Если они не отступят, они будут уничтожены». Он находит Берлин погруженным в иллюзии, занятым только мыслями о наступающем Рождестве. А там, в России, его солдаты спят чуть ли не на голой зем-

---

литику по привлечению на сторону вермахта представителей разных народов СССР. Старался гуманно обращаться с местным населением, запретил частям СС проводить свои операции на подконтрольной ему территории, из-за чего у него возник конфликт с рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. В 1943 г. отправлен в отставку. В 1948 г. был передан СССР, умер в лагере под Владимиром. (*Примеч. пер.*)

¹ Речь идет о словах, таинственным образом появившихся на стене и возвестивших царю Валтасару скорое падение Вавилона. См. Дан. 5.

ле, в своем летнем обмундировании они должны выдерживать тридцатиградусный мороз. Горючее застывает, масло — тоже, телескопическими оптическими прицелами невозможно пользоваться. В каждом полку насчитывается как минимум 500 человек, погибших от холода. И в этот момент Красная армия переходит в контрнаступление. «Дело не в большевиках или небольшевиках, — пытается, со своей стороны, вразумить высокое начальство Гудериан. — Дело в русских как таковых. Этот народ одержит над нами победу просто благодаря своей способности к выживанию». Рундштедт возвращается на фронт, чтобы встретить Новый год со своими подчиненными¹. Гитлер, находящийся в данный момент в Восточной Пруссии, ничего не хочет понимать: «Еще один маленький шаг, и мы у цели». Черчилль, прекрасно информированный обо всем благодаря своей «Ультра», только посмеивается: «Ну что ж, пусть сделает этот шаг, а там будет видно!»

В Берлине, 1 января 1942 года, молодая девушка записывает в своем дневнике: «Мы танцевали всю ночь и думали о наших солдатах-победителях. Они скоро получат отпуск и приедут сюда». Весь город украшен елками, несмотря на затемнение, которое многим кажется совершенно излишним; в городских трамваях свет приглушен; очень холодно. Все кабаре и театры переполнены, во всех квартирах люди поют и смеются. Даже полицейские, которые дежурят на улицах, дарят друг другу недорогие подарки. Одному Рундштедту не до веселья, он с отвращением покидает столицу, чтобы провести рождественские праздники в холодных бункерах, со своими солдатами. Из своего хорошо замаскированного блиндажа, в котором, по счастью, имеется печка, он слышит, как по ту сторону фронта веселятся русские, отмечая Новый год. Девять лет назад (без одного месяца) Гитлер впервые ступил на путь завоевания Берлина, Пруссии, Германии и всего мира.

---

¹ 30 ноября 1941 г., сразу же после своей беседы с Гитлером, Рундштедт будет отстранен от должности командующего группой армий «Юг» и заменен генерал-фельдмаршалом Рейхенау. 1 марта 1942 г. Рундштедт будет назначен командующим на Западе и командующим группой армий «Д». (Примеч. пер.)

1942-й: ТРИУМФАЛЬНЫЙ ГОД

В то самое время, когда в Берлине смеются и пьют вино, молодой генерал Жуков защищает Москву. На линии фронта длиной в 320 километров он одерживает решающую победу силами ста дивизий, привычных к полярному холоду. Разведчик Зорге добывает для Сталина сведения, доказывающие, что японцы не станут атаковать русских на суше. «Миф о непобедимости германцев разрушен», — пишет Гальдер. Гитлер вымещает свое раздражение на приближенных: он прогоняет «шута» фон Браухича¹, «танкиста-неудачника» Гудериана, «монархиста» Гёпнера, утверждает смертный приговор фон Шпонеку, отстраняет от командования фон Бока² и даже с Кейтелем обращается как со «слабоум-

---

¹ Фон Браухич между тем пытается реанимировать «Черную капеллу». Манхейм в своих мемуарах не без цинизма называет Гитлера «кукловодом», а его фельдмаршалов — «марионетками».

² После провала наступления на Москву (на котором он же и настаивал) Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, был 19 декабря 1941 г. отправлен в отставку.

Гудериан после начала войны с СССР возглавлял танковую группу, которая входила в состав группы армий «Центр» и в октябре 1941 г. была развернута во 2-ю танковую армию. После поражения под Москвой, 26 декабря 1941 г., Гудериан был переведен в резерв. С 1943 г. и до конца войны занимал пост генерал-инспектора бронетанковых войск.

Эрих Гёпнер (1886—1944), генерал-полковник (с 1940 г.),

ным». Кейтель запирается в своем рабочем кабинете, пишет прошение об отставке и собирается пустить себе пулю в лоб. Йодль в последний момент удерживает его от рокового шага, сказав, что распоясавшемуся фюреру «надо дать выговориться». Гитлер решает отныне командовать единолично: он — бывший ефрейтор. «Поскольку Гитлер возомнил себя Наполеоном, наступило время безумия» — так оценивает ситуацию Канарис, и это еще мягко сказано, ибо адмиралу известно, что Гитлер, желая любой ценой добиться поставленных целей, гарантировал Японии свою поддержку. Ночью 7 декабря 1941 года японцы атаковали американский тихоокеанский флот в Пёрл-Харбор. Тогда жители столицы рейха еще верили в скорую победу и жили ожиданием предстоящих рождественских праздников. 11 декабря Гитлер объявил войну Соединенным Штатам.

«У меня такое впечатление, — записывает в своем дневнике Шмидт, — что Гитлер, снедаемый неумеренной жадностью власти, хочет заранее подготовить общественное мнение». «Секретарь-переводчик прав», — отмечает Уильям Л. Ширер². Действительно, Гитлер, вернувшись 9 декабря с русского фронта, хо-

---

убежденный противник нацизма, после начала войны с СССР командовал 4-й танковой группой в составе группы армий «Север», вел наступление на Ленинград, затем был переброшен под Москву. 7 октября взял Вязьму и завершил окружение пятидесяти пяти советских дивизий. 8 января 1942 г., после поражения германских войск под Москвой, был заменен генералом Р. Руоффом, лишен звания и уволен из армии без права ношения мундира. Позже прикнуд к заговорщикам.

Ганс фон Шпонек (1888—1944) — генерал-лейтенант (с 1940 г.), в 1941 г. командовал армейским корпусом, оборонявшим Керченский полуостров. 30 декабря 1941 г. сдал Керчь русским и, поскольку в декабре 1941 г. вышел приказ Гитлера, запрещавший частям вермахта оставлять свои позиции, был судим военным трибуналом и приговорен к смертной казни. Приговор позже заменили шестью годами тюремного заключения.

Теодор фон Бок, командующий группой армий «Центр», в декабре 1941 г. получил отпуск по состоянию здоровья и передал группу армий генерал-фельдмаршалу фон Клюге. В январе 1942 г., после смерти фон Рейхенау, назначен командующим группы армий «Юг». В июле 1942 г. под предлогом болезни был отстранен от командования. *(Примеч. пер.)*

² В своей книге «Взлет и падение Третьего рейха» (Нью-Йорк, 1960).

чет настроить в свою пользу немецкий народ, напомнив ему о той решающей роли, которую Соединенные Штаты сыграли в катастрофе 1918 года. У него есть для этого все необходимые средства, и он сумеет воспользоваться тем обстоятельством, что японцы нанесли удар по главным англо-американским силам. Новая ситуация даст ему год передышки, год славы. Дирижировать состоянием умов Гитлеру помогает уже сложившаяся «империя СС», и он уверен, что, опираясь на террор, сумеет подавить своих противников в армии и добиться того, что ему нужно, от возбужденных масс. Он преодолет пассивность немцев, воспользуется теми потенциальными ресурсами, которые заключены в их воле к власти, в их патриотизме и энергии. Он все еще остается их фюрером, и ничто не помешает ему реализовать в полном объеме принципы, сформулированные в «Майн кампф». Геббельс и Гиммлер (первый возглавляет министерство пропаганды, второй — организацию СС) отныне будут его главными помощниками. В планах Гитлера Берлину, городу с двумя ликами, отведена особая роль. Это фрондерствующий, ищущий удовольствий и — до некоторой степени — склонный к иронии город; однако он не утратил своих прусских корней, мужества, привычки к дисциплине. Гитлер, хотя вообще ему свойственна недоверчивость, знает это — потому он и изменил облик «столицы миллиона (жителей)»¹ в большей мере, чем кто-либо до него.

Гитлер как «строитель»

Фюрер задумал превратить Берлин в единый «греко-римско-вагнерианский» архитектурный ансамбль, который будет включать казармы и военные заводы. Здесь производят каждый второй из немецких танков, каждый четвертый самолет, однако воен-

---

¹ Это выражение стало использоваться в путеводителях Бедекера с того момента, когда население Берлина перевалило за миллион.

ный потенциал столицы, уже весьма значительный, растет и дальше с каждым годом. Гитлер планирует поместить новые жилые кварталы в окружение природных ландшафтов, столь милых его сердцу. Здания посольств дружественных стран станут частью единого гармоничного целого. Война прерывает осуществление всех этих замыслов. Строительство оси «север — юг», которая должна была бы дополнить уже существующую ось «восток — запад», прекращается. Работы на Шарлоттенбургском шоссе приостанавливаются, сокровища музеев зарывают в землю. Тем не менее, несмотря на все признаки децентрализации, новый Берлин остается, по крайней мере в глазах тех, кто начал его создавать, «витриной мировой империи». Бомбардировки еще не уничтожили «этот эскиз античного города, увиденного сквозь фильтр вагнерианских идей», — города, будущие контуры которого фюрер, как ему кажется, уже различает среди воздвигнутых повсюду пилонов. Гитлер задумал покончить с сумеречными тенями: свет должен придать городу дополнительный объем и ощущение пространственной протяженности, создать иллюзию наличия единой стройной конструкции. Фасады домов, отделанные твердым гранитом, украшаются балконами: эта роскошь в какой-то мере заменяет отсутствующие в Берлине готические соборы, которые были так дороги «безумным» королям Южной Германии, но никогда не прельщали правителей Пруссии. Сейчас в городе прокладываются новые широкие проспекты — не столько с целью облегчить проведение полицейских акций или в расчете на возможное увеличение мощности автомобильного потока (которого пока вообще, строго говоря, не существует), сколько для того, чтобы по ним могли двигаться толпы людей в дни больших литургических и эзотерических праздников, введенных в обиход нацистским режимом. 1 мая с момента прихода Гитлера к власти стало Национальным днем труда; 16 марта — Днем памяти героев; 2 ноября — Днем сбора пожертвований для «зимней помощи». Гитлер лично инструктирует скульпторов Курта Шмида-

Эмена, Йозефа Торака, Арно Брекера, чтобы, оформляя площади или отливая уличные монументы, они создавали грандиозные и помпезные декорации для подобных торжеств. Он также со вниманием следит за съемками фильма «Триумф воли» (режиссер — Лени Рифеншталь)¹. Обладал ли Гитлер художественным вкусом? Мы вправе в этом сомневаться. Шпеер, министр архитектуры и доверенное лицо Гитлера, рассказывал, что последний считал себя в равной мере «солдатом» и «строителем». Однако в обеих этих сферах он потерпел такое сокрушительное поражение, какое редко выпадало на долю другим завоевателям, стремившимся увековечить свои победы в грандиозных памятниках.

По ночам «роботам» страшно

В Берлине после вторжения немецких войск в Россию (о том, сколько миллионов смертей принесет эта кампания, никто пока не подозревает) ношение на одежде желтой звезды стало обязательным для всех евреев с 19 сентября 1941 года. 16 октября были отправлены в лагеря первые поезда с берлинскими евреями — на сей раз операция осуществлялась совершенно открыто. Теперь, когда Германия находилась в состоянии войны сразу с тремя самыми могущественными державами мира, Гитлер, казалось, был до крайности возбужден этим брошенным ему поразительным вызовом и ждал от немецкого народа безоговорочной преданности. Геббельс отныне будет постоянно возлагать на евреев вину за бомбардировки столицы. Многие берлинцы, попавшись в сотканную им сеть лжи, утратят способность

---

¹ Документальный полнометражный фильм, посвященный торжествам на ежегодном съезде НСДАП в Нюрнберге в сентябре 1934 г. Фильм вышел на экраны в 1936 г. и сразу же был признан шедевром кинорежиссуры. Был удостоен Национальной государственной премии, золотой медали на кинофестивале в Венеции и Гран-при французского правительства на Парижском кинофестивале. *(Примеч. пер.)*

критически мыслить. И будут искренне верить, что «альянс между большевизмом и торгашами-евреями, воплощением которого являются Великобритания и Соединенные Штаты и который пользуется поддержкой международной масонской организации», направлен не против Гитлера и его банды, а против них самих и Германии. 1942 год будет отмечен вспышкой массового антисемитизма, еще отсутствовавшего несколько лет назад, в момент «Хрустальной ночи». Нацисты, освободившись от страха перед возможной ответной реакцией американцев, решаются наконец довести до конца операцию по уничтожению евреев и представителей других «низших рас». Все начинается 11 декабря 1941 года — с речи фюрера в рейхстаге, яростно обличающей «Рузвельта, поддерживаемого евреями и миллиардерами, который, дабы скрыть крах политики “нового курса”, взял на себя ответственность за развязывание войны». Гитлер обвиняет этого «франкмасона» в целой серии преступлений против Германии и мира. «Его [фюрера] последние фразы были заглушены громом оваций», — запишет потом Уильям Ширер, который останется в Берлине еще на несколько дней. В то самое время, когда Гитлер выступает в рейхстаге, «суровый и чопорный» (по словам Чиано) Риббентроп принимает американского представителя в Берлине и, даже не предложив ему сесть, зачитывает декларацию об объявлении войны. 11 декабря заканчивается подписанием тройственного соглашения между Германией, Италией и Японией: каждый из союзников обязуется не заключать сепаратного мира с кем-либо из противников вплоть до достижения окончательной победы. Вечером того же дня Гитлер недоверчиво выслушивает адмирала Редера, явно удовлетворенного последними событиями, который докладывает: «Война в Тихом океане облегчит наше положение, ибо снабжение Англии ухудшится». Гитлер спрашивает его об Азорских островах, островах Зеленого мыса, Дакаре, и главнокомандующий ВМФ рассеивает сомнения фюрера: «Они пойдут на все, лишь бы спасти Индию. Они концентрируют свои

силы на Дальнем Востоке, а наши субмарины уже приближаются к американским берегам»¹.

Как отметил один шведский журналист из газеты «*Dagens Nyeter*», после митинга, этого «промывания мозгов», «толпа роботов» (он имел в виду берлинцев) мало-помалу приходит в себя, будто пробуждаясь от сна. В 1940 году от воздушных налетов погибли 250 человек и 10 тысяч остались без крова. Сейчас все это может повториться. Берлинцы, воспринимающие происходящее отчасти «с героическим стоицизмом», а отчасти «с иронией» (по словам все того же журналиста), с минуты на минуту ожидают воя сирен, выкрашенных в белый цвет и установленных на Кудамме. На данный момент — они это знают — в городе имеется только 160 тяжелых батарей ПВО и 200 других, более легких. Убежища строили в спешке, и горожане уже придумали множество анекдотов по поводу их ненадежности. Люди спрашивают себя, не придется ли им вновь надеть противогазы, с которыми они не расставались в течение нескольких дней в самом начале войны, в 1939 году. Выходя из кинотеатров, они выпивают по последней кружке пива, достают из карманов красно-черные хлебные карточки, чтобы получить завтрашний паек, и обмениваются шутками по поводу фургонов гестапо, которые колесят по городу, когда все добропорядочные граждане спят крепким сном. Поглядывают краем глаза на объявления о *Kohlenklau* — так на местном жаргоне называются те, кто ворует уголь². В пригородах часто судачат о высоких зарплатах служащих гестапо (от 600 до 800 марок), а когда хорошенько захмелеют — о страшном «эшафоте в Плётцензее»³, где якобы уже

---

¹ Не Канарис ли изменил ход войны, убедив Испанию сохранять нейтралитет? Благодаря этому Соединенные Штаты смогли выиграть битву в Нормандии, не опасаясь удара в спину из Гибралтара и Марокко. Впрочем, подобные предположения стали высказываться лишь через 50 лет после окончания войны. Нацисты об этом не задумывались.

² В объявлении говорится, что кража угля может стоить виновному жизни.

³ Плётцензее — тюрьма в Берлине, в которой содержались, а позднее были казнены многие участники июльского заговора 1944 г. (*Примеч. пер.*)

обезглавили около трех тысяч преступников. В запрещенных анархистских песенках поминаются «опиумные подвалы», эти тесные задымленные приюты, где в недавнем прошлом штурмовики расправлялись с наркоманами. Позже дойдет очередь и до «Черной капеллы»: 20 июля 1944 года многие «военные преступники» будут повешены на пятачке земли, освещаемом резким светом прожекторов, под жужжание кинокамер. А пока все, что связано с террором, остается спрятанным глубоко в подсознании и выплескивается наружу только в рассказывании страшных историй «о вампирах, англичанах или евреях, которые, переодевшись в немецкую санитарную форму, потихоньку добивают раненых».

В кинематографах идет фильм «Польская кампания», в театрах — «Разбитый кувшин» Клейста. Представления в варьете «Скала» превосходны. Угля хватает, картошки — тоже. Евреи поют в синагогах свои печальные псалмы. Они заперты в пределах гетто и ожидают депортации. Столичные театры — три оперных и двадцать четыре драматических — продолжают ставить хорошие спектакли, а сосиски ничуть не менее вкусны, чем раньше. Но все, так сказать, сидят на чемоданах — подобно тем малолетним солдатам, у которых приготовлены и самые необходимые вещи (на случай, если придется спуститься в убежище), и даже новенькое ведро с водой, чтобы потушить небольшой пожар, если таковой возникнет.

Совещание по поводу «окончательного решения»

Не прошло и двух первых январских недель нового 1942 года, как поезд с евреями отошел от вокзала Груневальд. А 24-го числа того же месяца те, кто носит желтую звезду, депортировались уже в массовом порядке общественным транспортом. После начала войны с Советским Союзом «Красная капелла», несмотря на понесенные ею тяжелые потери, нанесла нацистам серьезный удар. Была подожжена антисоветская выставка, которая называлась «Советский

рай». 20 января руководители сил безопасности и государственной полиции собрались на вилле «Ванзее». Помимо представителей СД и тех, кто обычно сотрудничал с этой организацией, там присутствовали шеф гестапо Мюллер¹, которому в скором времени предстояло занять место Гейдриха, и все высшие чиновники специального отдела РСХА по еврейским делам, люди типа Эйхмана или Барби². Выпив для начала по рюмке шнапса под неизменным портретом нового Цезаря, все эти господа в черной форме, с нашивками, свидетельствующими о том, что они занимают самое высокое положение в «империи СС», достали свои сверхсекретные досье и стали обсуждать вопрос о массовом уничтожении европейских евреев. Они договорились, что будут совместно работать над осуществлением плана, который получил кодовое название «окончательное решение». С этого момента облавы на евреев приобретут систематический характер. Разумеется, проведение такой операции займет много времени. Нужно будет собрать миллионы евреев, отправить их под конвоем в лагеря уничтожения, это не простое дело, но «черная армия» займется им с немецкой методичностью. Даже расчлененные трупы послужат нуждам

---

¹ Генрих Мюллер (1900—1945?), баварский крестьянин, участник Первой мировой войны, профессиональный полицейский (то есть до 1933 г. он работал против нацистов). Только в 1939 г. ему позволили стать членом НСДАП, и с 1939 г. он возглавлял 4-е управление РСХА (выявление преступников и борьба с ними). Это управление получило известность как гестапо. Мюллер также являлся непосредственным заместителем начальника РСХА Эрнста Кальтенбруннера. Ему поручалось доводить до конца большинство «деликатных» миссий, и первым его крупным успехом стало «дело Бломберга — Фрича». *(Примеч. пер.)*

² Адольф Карл Эйхман (1906—1962) — руководитель отдела по делам евреев, оберштурмбаннфюрер СС (с 1941 г.). Находился в гестапо на особом положении, часто получая приказы от Гимmlера, минуя непосредственных начальников — Мюллера и Кальтенбруннера. В августе 1944 г. представил Гимmlеру доклад, в котором отчитался в уничтожении четырех миллионов евреев. Клаус Барби (1913—?) с 1935 г. служил в гестапо; с 1940 г. — в штабе СД в Гааге, с 1941 г. — в Амстердаме. В 1942 г. возглавил управление гестапо в Лионе, где получил прозвище «лионский мясник». После войны признан виновным в убийстве 4342 человек и депортации в «лагеря смерти» 7951 человека *(Примеч. пер.)*

промышленности. Все происходило бы организованнее и быстрее, если бы «Красная капелла» не создала сеть своих филиалов в Германии, в самом Берлине и по всей Западной Европе. Инструкция «Мрак и туман»¹, подписанная в конце 1941 года, будет выполняться под руководством Мартина Бормана. Гиммлер будет курировать *эйнзатцгруппы*, эти отряды убийц. Геринг организует систематическое ограбление недавно оккупированных территорий — и будет издавать директивы, которые приведут к голодной смерти миллионы поляков и жителей Советского Союза. То, что не было завершено в Польше, где евреи уже заперты в пределах своих гетто, теперь быстро доводится до конца. Идет беспощадная борьба, даже не столько между армиями противников, сколько между СС и коммунистами. Какова же роль абвера в этой тотальной войне?

Несвоевременная болезнь Вицлебена

Похоже, что «корпус прусских офицеров» несколько приободрился — впервые после начала войны с Соединенными Штатами и первых разочарований на русском фронте. «Решающий момент приближается», — пишет в своем тайном дневнике Хассель². И добавляет: «Все в офицерских кругах полагают, что победа Германии уже невозможна, но что ее партия не проиграна окончательно». По мнению за-

---

¹ «Мрак и туман» (*«Nacht und Nebel»*) — секретный приказ Гитлера, изданный 7 декабря 1941 г., об аресте на территории Голландии, Бельгии и Франции «лиц, представляющих опасность для германской безопасности», которые затем должны были «бесследно исчезнуть во мраке и тумане». Непосредственное осуществление этой задачи было поручено сектору гестапо, ведавшему западными территориями, и его шефу Карлу Хайнцу Гофману. (Примеч. пер.)

² Ульрих Кристиан Хассель (1881—1944) — дипломат, с 1932 г. — посол в Риме. Возражал против германо-итальянского сотрудничества, имел разногласия с Риббентропом и в 1938 г. был переведен в резерв министерства. В 1940—1943 гг. работал в правлении Центрально-европейского экономического собрания. Принимал активное участие в антинацистском заговоре. (Примеч. пер.)

говорщиков из генерального штаба, создание антинацистского правительства даст надежду на достижение почетных условий мира. Они считают, что Германия должна сохранить свой ранг великой европейской державы и свои первые завоевания: Австрию, Западную Польшу, Судеты. Однако Атлантическая хартия, подписанная Черчиллем и Рузвельтом в августе 1942 года, рассеивает эти иллюзии. Пункт восьмой упомянутого документа предусматривает разрушение Германии. Союзники не собираются проводить никаких различий между нацистами и антинацистами. Ошеломленный Хассель отмечает, что «это не оставляет нам никаких справедливых шансов».

Канарис продолжает вести свою сложную игру — и до этого «разъяснения», и после. Он сохранил связи с Лондоном. Он, вступив в соглашение с Франко, «нейтрализовал» Испанию в 1940 году; в результате нацистам не достались ни Гибралтар, ни Марокко¹. В еврейском вопросе Канарис разыгрывает из себя Понтия Пилата. Из всех евреев его интересуют только те, которые являются либо мятежниками, либо его собственными агентами. Первых он уничтожает, вторых — покрывает. А в остальных случаях притворяется слепым и глухим и не желает ничего слышать о некоем досье по «окончательному решению», о существовании коего, впрочем, никто и не торопится ему докладывать.

В 1942 году «не у Канариса и не у Мензиса из отдела МИ-6, а только в Африке, во взаимоотношениях между Роммелем и мною, еще сохранялось что-то рыцарственное» (Монтгомери²). На русском фронте обнаружили заговорщиков — даже в штабе фон Бокка, где фон Харденберг и фон Лендорф 4 августа

---

¹ 5 сентября 1939 г. Испания огласила официальную декларацию о своем «нейтралитете». 13 июня 1940 г. она объявила себя «невоюющей стороной». Гибралтар был английской базой. После капитуляции Франции в июне 1940 г. французское Марокко перешло под власть правительства «Виши». В 1940 г. Танжер был захвачен Испанией и включен в испанскую зону. *(Примеч. пер.)*

² Бернард Лоу Монтгомери (1887—1976) с августа 1942 г. был командующим 8-й английской армией в Северной Африке. *(Примеч. пер.)*

1941 года попытались задержать Гитлера (на командном пункте главнокомандующего). В Берлине вновь активизировало свою деятельность «призрачное правительство» военных. Бек намеревается захватить власть, опираясь на Западную армию под командованием Фалькенхаузена¹, военного губернатора Бельгии, и, главным образом, на помощь Вицлебена, командующего Западной группой армий «Д», который сейчас находится во Франции. Вицлебен, как и все его окружение, питает слабость к парижской атмосфере. Хассель, в прошлом посол рейха, совершает «турне по офицерским столовым» — под предлогом проведения конференций на тему «Жизненное пространство и империализм». К сожалению, Вицлебен — человек, который в 1938 году решился захватить рейхсканцелярию, но ему тогда помешал «Пакт четырех», — вынужден в этот момент лечь на операцию в госпиталь Сен-Жермен-эн-Лэ. Гитлер внезапно отстраняет Вицлебена от активной службы (пока тот лежит в госпитале) и заменяет фон Рундшtedтом. Последний, хотя и ненавидит Гитлера, которого называет «богемским ефрейтором», не входит в число участников заговора. Он никого не выдаст, но помогать заговорщикам отказывается. Члены «призрачного кабинета» вермахта принимаются разрабатывать новые проекты. Канарис, вероятно, догадывается об их планах, но делает вид, будто ничего не знает: он занимает выжидательную позицию. Из семнадцати немецких фельдмаршалов десять уже отправлены в отставку, троих скоро расстреляют. Очевидно, что возможность продолжения военных действий обеспечивается лишь организованным эсэсовцами террором, лично Гитлером и его кликой, а также влиянием фюрера на массы и рядовых солдат. Немецкая промышленность восполняет потери

---

¹ Александр фон Фалькенхаузен (1878—1966) — участник Первой мировой войны, в 1931—1939 гг. — военный советник в Китае у Чан Кайши. С сентября 1939 г. — вновь в германской армии, командующий оперативной группой «А». С мая 1940 г. — начальник военной администрации на территории Бельгии и Северной Франции. (Примеч. пер.)

в вооружении, человеческих ресурсов пока хватает. Два миллиона немецких солдат погибли к концу 1942 года. Что ж, будут сформированы новые войска, в столицу привезут пять миллионов рабочих — иностранных рабов, немецкую армию в России укрепят итальянскими, румынскими, венгерскими, чешскими и испанской дивизиями. Правда, итальянцы неохотно посылают на русский фронт своих солдат. Муссолини встретится с Гитлером (которого найдет «постаревшим») в Зальцбурге, в замке эпохи барокко, наполненном вывезенными из Франции коллекциями. «Это недорого ему стоило», — заметит дуче. Рейхсканцлер ему скажет: «Мы одержим победу под Сталинградом, другую — на Кавказе, и все будет закончено». И добавит: «Америка — просто блеф». Муссолини отнесется к словам фюрера скептически, но возражать не станет. «Он сам по уши в этом увяз» — так прокомментирует ситуацию его дочь.

Лист — как Моисей, Черчилль — как Исав

Лето 1942 года было отмечено новыми победами Гитлера. Менее чем за 17 дней Роммель достиг Эль-Аламейна, ступил на землю фараонов¹. Водолазы-диверсанты (их называли «людьми-лягушками») из итальянской MAS² взорвали половину английского флота в прибрежных водах Гибралтара, Мальты, Александрии. Это обеспечило войскам «Оси» возможность продвижения в Африку. «Ультра» (на Мальте) делала все возможное, чтобы помешать немцам и итальянцам вновь овладеть Средиземным морем. Немецкие войска на Кавказе дошли до нефтяных скважин Май-

---

¹ В начале 1942 г. германские транспорты в Средиземноморье доставили истощенным войскам Роммеля от пятидесяти до ста танков. В мае Роммель предпринял крупное наступление, овладел Тобруком, вторгся на территорию Египта и достиг Эль-Аламейна, находившегося в ста километрах западнее Александрии. За две недели стремительного наступления германские войска отбросили 8-ю британскую армию на исходные позиции в районе дельты Нила. *(Примеч. пер.)*

² *Marina Azione Speciale*, Специальный морской отряд.

копа, выведенных из строя Красной армией. С горы Эльбрус высотой 5633 метра они уже различали Азию, Грозный (мирового значения центр добычи «черного золота»), Азербайджан, прикаспийские республики, чуть ли не Персидский залив. Фельдмаршал Лист¹, как некогда Моисей, видел «обетованную землю», но не мог туда попасть. Армии рейха докатились до Сталинграда. «Это самые тяжелые дни», — жаловался Мензис из отдела МИ-6 и спрашивал себя: «Почему же Гитлер не овладел Мальтой?» «Это козырь, который Муссолини оставил для себя», — думал Черчилль. На самом деле Гитлер просто ничего не знал о роли машины «Ультра». В Соединенных Штатах Donovan² формирует ядро будущего ЦРУ. Флеминг, один из шефов этого отдела, заключает соглашение о сотрудничестве разведывательных служб двух великих держав. Он получит «Ультра», которую в Америке назовут «Мэджик», но лишь после учреждения союзнического Комитета по совместному контролю над безопасностью американцы смогут в полной мере воспользоваться этим подарком. Согласятся ли англичане на высадку во Франции в 1942 году? Американцы, Маршалл и Эйзенхауэр, подталкивают их к этому, используя, по выражению Черчилля (который, между прочим, сам втянул их в игру), «методы, подходящие скорее для игры в бейсбол, нежели для крокета». Рузвельт пообещал Сталину, что англичане и американцы вторгнутся во Францию в 1942 году. Черчилль маневрирует, пускает в ход дезинформацию. И настолько преуспевает в этом, что Гитлер начинает сооружать «Атлантический вал» (который кажется ему непреодолимым) от Дании до Испании.

---

¹ Вильгельм Зигмунд Лист (1880—1971) — генерал-фельдмаршал (с 1940 г.), участник Французской кампании 1940 г., в 1941 г. руководил операцией «Марита» по захвату Греции. В июле 1942 г. был назначен командующим группой армий «А», действовавшей на Кавказе. 2 июля взял Севастополь. 22 августа 1942 г. подчинявшиеся ему горные стрелки из дивизии «Эдельвейс» установили нацистский флаг на Эльбрусе. *(Примеч. пер.)*

² Уильям Джозеф Donovan (1883—1959) — организатор разведывательных спецслужб при президенте Ф. Рузвельте. *(Примеч. пер.)*

Рейнгард Гейдрих умер, не дожив до сорока лет. Семь чешских парашютистов десантировались с британского самолета «Галифакс», чтобы подготовить покушение на «пражского палача». 27 мая 1942 года они обстреляли темно-зеленый открытый «Мерседес», принадлежавший рейхспротектору. Гейдрих сидел справа от Клейна, своего шофера; он направлялся в аэропорт, чтобы лететь в Берлин, в генеральный штаб, но ему не суждено было попасть туда живым. Гейдрих приказал затормозить, он хотел лично уничтожить бандитов. Один из стрелявших, поколебавшись, метнул под машину бомбу, раздался взрыв. Гейдрих, смертельно раненный, продолжал стрелять. Нападавшие обратились в бегство¹. Весь в крови, он стал кричать. Однако никто не осмелился приблизиться к нему, никто не пришел на помощь. Пассажиры проезжавшего мимо трамвая смотрели, окаменев от ужаса, как он корчится на земле; грузовик миновал это место, не остановившись (по свидетельству Жака Робишона). Наконец его доставили в городской госпиталь на Буловке, после чего агония длилась еще восемь часов. Госпиталь очистили от «посторонних», в нем остались только врачи и эсэсовцы. Кровь рейхспротектора оказалась отравленной. В грудной клетке, селезенке, легком, в области диафрагмы судебно-медицинские эксперты обнаружили «особые бактерии»². Тело было изрешечено осколками. Испуганных чехов, которых ожидала страшная расплата за эту смерть, обязали соблюдать траур. К Гитлеру — в большой зал рейхсканцелярии — тело доставят в начале июня 1942 года. И тогда состоится единст-

---

¹ Двое участников покушения, переодетые рабочими, укатили на велосипедах, предварительно разбросав несколько дымовых шашек, которые прикрыли их облаком. См.: Деларю. История гестапо С. 338—339. (*Примеч. пер.*)

² Инфекция распространилась в результате загрязнения ран обрывками ткани; состояние больного ухудшилось из-за химических явлений, возникших после удаления селезенки. Там же, с. 339. (*Примеч. пер.*)

венная в своем роде «жуткая вавилонская похоронная церемония нацистского Берлина», как выразится Гизевиус, которому уже довелось в свое время быть свидетелем «Ночи длинных ножей». Гитлер скажет Канарису, «делающему вид», что он плачет: «Это был железный человек». «Еще одна сцена, достойная Светония», — прокомментирует увиденное Гизевиус.

После смерти Гейдриха многие нацисты вздохнули с облегчением. Этот «зверь» собирал компромат на всех без исключения: офицеров генерального штаба, Геринга, Гиммлера, Гитлера, Бормана. Он никого не боялся. Нюрнбергский суд без него и его многочисленных досье — и без секретных досье Канариса, которые СД вовремя обнаружит и уничтожит, — будет наполовину комедией.

Дьеп: сон в летнюю ночь

Войска Листа стремительно продвигаются к Кавказу, и легко поверить, что страны «Оси» вскоре завоюют весь мир, что немцы вот-вот соединятся с японцами. Нацистская империя будет простираться от Арктики до Индийского океана. Африканский корпус должен со дня на день овладеть Суэцким каналом.

Вечером 20 августа в парижской опере, перед началом третьего действия оперы Вагнера, всем присутствующим в зале немецким офицерам шепотом передают приказ собраться на экстренное совещание. Той же ночью, на море, солдаты Ее Величества (согласно рассказам тех, кто останется в живых) ощущают смутное предчувствие смерти. Но они не знают, что в конце этой звездной ночи, когда они пересекут спокойные воды Ла-Манша, казино на французском берегу окажутся заминированными, а «гобы», древние пещерные жилища в скалах, которые когда-то так красиво рисовал Клод Моне, — начиненными противотанковыми орудиями и пулеметами. Английские летчики, совершавшие раз-

ведывательные полеты, ничего подозрительного не заметили. Местные партизаны сообщали, что из немцев видели здесь только измученных солдат, демобилизованных с русского фронта. В предрассветной мгле, как рассказывает Кейв Браун, в тот самый миг, когда первые лодки с солдатами достигли берега, пушки и пулеметы, спрятанные в «гобах», открыли шквальный огонь, и тела убитых стали падать прямо в воду, потому что люди не успевали ступить на полосу пляжа. С адским грохотом взорвалось казино, и танки Черчилля погибли под обломками. Авангард десанта — шесть тысяч человек — не смог даже высадиться на берег. «Юнкерс-88» нанес тяжелые повреждения эсминцу «Х.М.С. Беркли». Союзники поспешно отступили, ни о каком порядке уже не могло быть и речи. В 5.40 Рундштедт телеграфировал Гитлеру: «На континенте не осталось ни одного вооруженного англичанина». Он еще не понял, что в высадке принимали участие и канадцы. Канадцы же никогда не забудут своей напрасной жертвы, парней, погибших в Дьепе. Что касается Роммеля, то он, положившись на донесения своего каирского шпиона Джона Эплера, немца мусульманского вероисповедания, которого союзники «вычислили» благодаря машине «Ультра» и заменили подставной фигурой (сам Джон Эплер к тому времени уже был мертв), в ночь с 30 на 31 августа перешел в наступление и попался в ловушку, расставленную для него Монтгомери. Пользуясь его же шпионской сетью «Кондор», Роммеля побудили двинуться через горный хребет. Он заблудился в районе зыбучих песков, попал под шквальный обстрел, несколько раз неудачно пытался найти пути к отступлению, в итоге потерял 4800 солдат и 50 танков. Он так никогда и не узнает, что все его секретные сообщения перехватывались, а деятельность его агентов в Египте контролировалась англичанами. Так потерпел поражение Роммель — человек, который благодаря своему исключительному стратегическому таланту однажды сумел, с 50

тысячами немцев и 50 тысячами итальянцев, разбить 750-тысячную британскую армию. Но ему не удалось погубить Британскую империю¹.

Берлин в зените славы

В Берлине преувеличивают значение дьепского триумфа и скрывают факт краха Роммеля, краха, усугубленного еще одним поражением, под Эль-Аламейном, где решающую роль сыграли французы. Йозеф Геббельс использует сделанные в Дьепе фотографии изуродованных трупов, обгоревших танков, взорванных судов, чтобы создать убедительную картину — на сей раз достаточно обоснованную — неприступности «европейской крепости» нацистов. Сам Рундштедт убежден, что «они [союзники] не рискнут повторить свою попытку». Британские Королевские ВВС потеряли 106 самолетов, а немцы — только 46. «Великая воздушная битва, которая должна была привести к уничтожению Люфтваффе, обернулась не в пользу англичан, — пишет Черчилль в своих «Мемуарах». — Некоторые из лучших полков союзников понесли большие потери, а 252 судна отступили, бросив в спешке 33 баржи и множество солдат». «Эта авантюра, — продолжает Черчилль, — показала, что нет короткого пути к победе (о котором толкуют Канарис и «Черная капелла»), и вынудила американцев осознать, сколь длинная дорога их ожидает. Необходимо будет продвигаться медленно, шаг за шагом, — от внешних рубежей нацистской империи до самого Берлина». Казалось, Гитлер и его армии вот-вот завоюют весь Средний Восток, краеугольный камень глобальной стратегии союзников. С этого

---

¹ 8 ноября 1942 г. союзнические войска высадились в Касабланке, Оране и Алжире. С этого момента судьба Африканского корпуса была предрешена. Роммелю все-таки удалось провести еще одно наступление на американские войска, но в марте-апреле 1943 г. американцы при поддержке 8-й британской армии отбросили Африканский корпус на самую оконечность мыса Бон-Пеннинсула. Здесь в мае 1943 г. почти 250-тысячная германская армия сдалась в плен. *(Примеч. пер.)*

момента интересы англичан, русских и американцев совпали, и последние активизировали свои усилия на тихоокеанском театре военных действий. Дьеп укрепил антигитлеровскую коалицию (а Лаваль заставил окончательно поверить в победу Германии), но исключил возможность немедленного открытия второго фронта — события, которого с таким нетерпением ждали русские.

В Берлине у всех праздничное настроение. В пригородах работают гигантские заводы, обслуживаемые тысячами «рабов». Русских и польских военнопленных убили, но остались польские и русские женщины. Они иногда устраивают забастовки, протестуя против ареста одной из своих подруг. Самые удачливые из них работают домработницами в центре Берлина — за бутерброд с маргарином три раза в день. Зажиточные берлинки всегда могут найти в магазинах русскую икру, скандинавскую водку, карпатскую кабанину, датское сливочное масло, греческие маслины, югославские и голландские консервы. Норвежские шпроты, арденнская ветчина, перигорские паштеты из гусиной печени продаются повсюду. В столице, которой «дирижирует» Геббельс, бакалейные лавки расположены через каждые 100 метров. Берлин в последнее время стал, так сказать, «всемирным центром чревоугодия». Шикарные рестораны переполнены; люди пьют коктейли; солдат, получивших увольнительную, их штатские приятели угощают шампанским. К перронам подходят товарные поезда, доверху груженные продуктами с Украины. По указанию шефа министерства пропаганды партийные чиновники бесплатно раздают зерно на берлинском вокзале. В своем выступлении по радио Геббельс объясняет эту акцию так: «Партия столько раз сообщала гражданам плохие известия, столь многого требовала от них, что будет только справедливо, если на сей раз она сделает для них что-то приятное».

В самом деле, все вокруг радуются. Дети выезжают на пикники в леса, окружающие аэропорт «Темпельхоф». Женщины покупают по низким ценам шелковые ткани и духи. На некоторых улицах происходят

гулянья, похожие на рождественские, до самого часа затемнения, и, как до войны, можно увидеть шествия людей в национальных костюмах. Никогда еще Берлин не был таким счастливым, радостно возбужденным, никогда так не верил в близость окончательной победы. Город достиг зенита своей славы, он ощущает себя сердцем империи, простирающейся от Норвегии до Африки, от Бретани до Волги. О несокрушимости этой империи как будто бы свидетельствуют Дьеп с его каркасами брошенных английских судов и новые победы на Востоке, которые фюрер, «более гениальный, чем Наполеон и Цезарь, вместе взятые», одержал уже после того, как избавился от своих «вероломных генералов».

Траур ради Гитлера

Все было бы хорошо, если бы газеты не публиковали на целых страницах извещения о гибели солдат под рубриками: *In stolzer Traur* («В гордом трауре»), *Für Führer, Volk und Vaterland* («За фюрера, народ и Отечество»), *Heldentod für Deutschlands Zukunft* («Геройская смерть ради будущего Германии»). Впрочем, стоит заплатить дань за столько славных побед, убеждает газета «Фёлькишер беобахтер». Берлинцы пока с этим согласны — согласны даже те, кого уже настигло тяжелое горе. Сейчас время патриотизма, время песни «*Deutschland, Deutschland über alles...*» («Германия, Германия превыше всего...»). Счет погибшим жителям Берлина идет на тысячи, но каждый пострадавший принимает свою беду с достоинством. Люди дрожащими руками открывают телеграммы вермахта и тем не менее нередко устраивают маленькие праздники для какого-нибудь проездом остановившегося в Берлине матроса-подводника, или для летчика, вернувшегося из Бельгии, или для вырвавшегося из русского ада солдата. Все уже знают, что главная опасность поджидает доблестных солдат на Востоке. Франция же на данный момент представляется берлинцам сплошным курортом, огромной Ривьерой.

Принадлежит ли Альбрехт к числу противников режима, связан ли с «германскими группами» бывшего генерального штаба? Он работает в министерстве авиации Геринга и сегодня устраивает вечеринку, чтобы отметить достижения «триумфального года». Его гости — люди из хорошего общества, привыкшие на словах критиковать нацистов, но в то же время радоваться их успехам. Все они работают на государство — в том или ином учреждении. Сотрудники *Праги*, министерства пропаганды, рассказывают последние анекдоты о «квазимодо» Геббельсе (которого так прозвали из-за хромоты). Служащие нацистского «Национального комитета помощи» охотно смеются над этими шутками. Четверо из них будут повешены 13 октября 1943 года за «пораженчество». Но сейчас все веселятся, и Альбрехт демонстрирует свое неистощимое гостеприимство. Здесь можно даже обменяться запрещенными книгами Якоба Буркхарда, Шпенглера, Готфрида Келлера, Гейне. И послушать музыку — джаз, а не надоевшего Вагнера. Молодые женщины показывают друг другу украшения и духи, купленные на Шарлоттенбургском шоссе. «Вечер вполне удался», — запишет потом в дневнике журналист из «Дойче альгемайне цайтунг», известный своей прямолинейностью. И дальше расскажет, как один из гостей, пастор, «предложил верующим помолиться за скорейшее заключение мира, ни словом не упомянув ни о политике, ни о государстве. Кто-то заметил, что в наших благополучных кварталах мы многого не видим, Бог же не проводит различия между людьми, где бы они ни жили. Этот человек уточнил, что имеет в виду те жуткие вещи, которые творятся на окраинах, где живут рабы, и на военных заводах». Беседа в комнате с задернутыми шторами быстро переключилась на более приятные темы. «Бомбардировок больше не будет», — сказал один врач, работающий в госпитале. Это произвело тем большее впечатление на слушателей, что берлинские врачи, даже нацистские, славились своим

свободомыслием и прямотой. Этот врач имел партийный билет. И даже лично знал Гитлера. И все же один из гостей с ним не согласился: «Я работаю в министерстве авиации и могу вас заверить в том, что менее чем через год Берлин будут бомбить снова. Мы сейчас усиленно работаем над укреплением системы противовоздушной обороны вокруг столицы, прежде всего вокруг заводов». Все замолчали. Разлили по новой шампанское. Женщины стали увлеченно обсуждать последние модели парижской высокой моды, которые можно приобрести в *Кадеве*¹ и магазинах на Кудамме. Звонки в дверь не прекращаются, хотя уже четыре утра. Все слегка опьянели. Каждый новый гость приносит в подарок бутылку вина, или коробку конфет, или американский диск. В городе все это нетрудно достать. Офицеры, приехавшие по увольнительной из России, держатся особняком, молчат. У них холодные, недоверчивые, саркастические выражения лиц, будто они попали сюда с другой планеты. Один, с погонами капитана, носит ортопедический ботинок. На рассвете некая графиня приглашает присутствующих к себе на завтрак. Все идут к ней. Подобным образом заканчивается чуть ли не каждая вечеринка в столице — берлинцы, похоже, хотят сохранить свои давние традиции.

Подпольщики

Анна в этой группе старается держаться как можно незаметнее. Она работала с фрау Бэрхен, когда была создана первая подпольная сеть для помощи евреям, а теперь сотрудничает с «Красной капеллой». Она — «профессионалка», хотя и живет поблизости от Савиньиплац, в самом модном квартале. Она знает, что «светская» оппозиция режиму существует с 1938 года, но полагает, что этого недостаточно. История не изменится от того, что люди высмеивают

---

¹ Кадеве — от *Kaufhaus des Westens*, Универмаг Запада (берлинский универмаг, самый крупный в Европе).

«клоунские усики, заменившие подкрученные кверху усы имперских кавалеров». Подобные взгляды не мешали ей быть непрременной участницей всех вечеринок, которые в 1942 году устраивались чуть ли не каждый день. Она принимает у себя в доме евреев, находящихся ее через сеть «Подводники», созданную фрау Бэрхен. Ее слуги (которых она потом из осторожности уволила) смотрели на таких посетителей как на *Untermenschen* — представителей низшей расы, «недочеловеков». На самом деле ее временные постояльцы — это те, кто решился не уезжать из Берлина и стать подпольщиком, «подводником» (на местном аргю). Они не верят «благополучным» евреям, которые явно пользуются протекцией нацистских чиновников. Но зато, будучи людьми хорошо информированными, без опаски стучат в ее дверь, знают, что на нее, жену преуспевающего архитектора и сестру художника, некогда написавшего портрет Эйнштейна, вполне можно положиться. (Неважно, что этот брат-художник имеет сыновей, воюющих на фронте, и дочь, которая придерживается ортодоксальных нацистских взглядов.) Анну «ввели в курс дела» подлинные профессионалы Сопротивления. Все противники режима рано или поздно попадают к ней. Пройдя проверку, они становятся «подводниками» «Красной капеллы» и начинают работать в сотрудничестве с людьми из Лиссабона или Брюсселя. Многих из них убивают, однако в последнее время они часто встречаются полицейских с оружием в руках. Некоторых арест застает врасплох, их забирают, даже не предъявив доказательств виновности. Потом отправляют на медленную смерть, но и в лагерях уничтожения они пытаются как-то организовать заключенных.

Дети, кухня, церковь?

Традиционный уклад жизни в буржуазных и аристократических берлинских домах пока еще не разрушен. Их обитатели настроены скептически по отношению к «тысячелетней империи» Гитлера. Они со-

гласны *mitmachen* (сотрудничать) с новым режимом, но их женщины не строят свою жизнь в соответствии с нацистским лозунгом «*Kinder, Küche, Kirche*» («Дети, кухня, церковь»). В этих кругах деньги имеют больший вес, чем расовая принадлежность, а культура остается критической и либеральной. В двух- и трехэтажных берлинских особняках, которые расположены в хороших кварталах, до сих пор сохраняется запах паркетной мастики, красные ковры на лестницах и придерживающие их медные прутья, элементы декора, имитирующие мрамор, лестничные перила из темного дерева (происходящего из ближайшего леса), покрытые псевдоготической резьбой. Каменные балконы поддерживаются мускулистыми кариатидами в стиле эпохи императора Вильгельма, которые внушают ужас нацистским архитекторам. Шпеер, родившийся в одном из таких домов, готов к бескомпромиссной борьбе с этой пышущей здоровьем женственностью, пришедшей из прошлых столетий. Он, как и Гитлер, — сторонник статуй мужчин-героев и больших залов в античном духе, почти пустых, лишенных даже намека на интимность, приватную замкнутость семейной жизни. Однако буржуазный Берлин, который окончательно разрушат только англичане, будет умирать долго. До самого конца, даже когда появятся проломы в стенах, открывающиеся на страшные, залитые лунным светом улицы, здесь сохранятся красные, голубые, украшенные позолотой гостиные, живо напоминающие о временах старой Пруссии. Их хозяева уже в 1942 году задумываются о том, в каких подвалах лучше спрятать самый ценный фарфор и писанные маслом картины, изображающие «благородных дам и кавалеров», которые пока висят в помещениях, оставленных потсдамской мебелью, похожей на мебель в стиле Людовика XV. Берлинки, живущие в подобных домах, приглашают друг друга на ужин или завтрак (более чем плотный). Они часто отличаются особой прозрачностью кожи, укладывают волосы в узел, одеваются не броско, но элегантно. И кажутся «меланхоличными», как и их мужья. Если войти в

квартиру с черного хода, то немецких служанок уже не встретишь — в бело-зеленой или перламутровой кухне, как правило, можно увидеть одну или двух русских горничных, зардевшихся от смущения и очень услужливых. Даже самые высокие нацистские чиновники оценили такого рода прислугу и стараются поддерживать с нею патриархальные и добрые отношения. Девушек балуют, они становятся всеобщими любимицами — и, со своей стороны, охотно учат немецких барышень русскому языку. У Анны тоже есть такая горничная. Все зажиточные берлинцы знают, что русские горничные куда покладистее немецких. Эти девушки, например, никогда не откажутся вставить оконное стекло, которое хозяин не совсем законным образом достал на заводе. Каждая из них носит в карманах своей пестрой юбки стеклорез и шпатель. Если вызвать стекольщика, то ждать придется долго — а горничные так рады, что их хорошо кормят, они приносят уголь, и им предлагают посидеть вместе с хозяевами за столом: «*Wollen Sie einen Kaffee?*» («Хотите чашечку кофе?») Даже Геббельс и Гиммлер приветливо говорят своим горничным: «*Guten Morgen*» («С добрым утром»), когда те приносят им завтрак в постель. Только Гитлер не позволяет себе такого удовольствия. Но он наверняка не берлинец. У либералов же отношения с работницами, особенно если они русские, быстро переходят на стадию почти родственной близости: «Кушай, не стесняйся, Катерина, ты для нас как дочка! И потом, тебе пришлось столько страдать!..»

Анна, так и не решившаяся стать радисткой, поняла, по крайней мере, что антифашизм рождается из отрицания антисемитизма и что участниками антифашистского движения могут быть, например, и университетский профессор, и художник с киностудии УФА, и ветеринар с Кудамма, и журналист из «Берлинер иллюстрирте». Сеть антигитлеровского сопротивления охватывает и служащих, и кельнера из кафе «Мокка Эфти» (лучшего кафе-бара в городе), и офицера вермахта, и чиновника в темном костюме, при галстуке и в очках с металлической оправой.

Задача Анны состоит в том, чтобы, посещая своих светских друзей (а она принадлежит к хорошему обществу), выведывать полезную информацию у военных-отпускников, — ей постоянно приходится разыгрывать комедию. Впрочем, все вокруг, как и она, живут ненастоящей жизнью, играют те или иные роли и прячут свой страх под масками, под взятыми напрокат личинами. Кое-кто из ее соратников по борьбе работает даже в министерских кабинетах. По ночам, несмотря на их мужество, им снится, что к ним в дверь стучатся люди из абвера или СД. Анна настолько хорошо осознает возможность подобного исхода, что всегда носит при себе таблетку цианистого калия. Бывая в гостях у того или иного представителя высшего общества, она думает, что ей еще повезло. У многих ее знакомых сыновья на фронте, этим юношам каждодневно грозит гибель. В кафе «Мокка Эфти» Анна, как рассказывает писатель Виктор Александров, переживший ту эпоху, встретила человека, которого преемник Гейдриха, Генрих Мюллер, безуспешно разыскивал по всей Европе. Этот человек передал ей информацию о том, что ОКВ в самом ближайшем будущем собирается активизировать свою антиправительственную деятельность.

Многие противники нацистского режима (а их было больше, чем принято думать) видели в своих ночных кошмарах расплывчатую фигуру человека в черном рединготе и цилиндре, с целлулоидным воротничком и окровавленным топором в руке — палача с Плётцензее.

Рабы Большого Берлина

Бараки при военных заводах, в 1942 году производящих снарядов уже в четыре раза больше, чем год назад, представляют собой совсем иной мир. В цехах работают французы, поляки, другие европейцы, а также евреи и русские женщины. Этих полурабочих-полурабов, которых направляет сюда Имперская служба труда или доставляют с Востока до отказа на-

битые поезда, насчитывается уже около восьми миллионов. Их не пошлют в газовые камеры; они живут, как могут, в поселках Большого Берлина. Население каждого из этих поселков исчисляется сотнями тысяч, и они обслуживают своих победителей. Некоторые приехали добровольно, но такие очень быстро разочаровываются, потому что их иногда селят в бараках вместе с пленными, с людьми, языка которых они не понимают, и вообще их пугает этот неопиcуемый *Метрополис*, предвосхищенный фантазией Фрица Ланга задолго до «триумфального» 1942 года. В принципе «волонтерам» незачем общаться с «остарбайтерами»: каждая группа бараков имеет свой номер, каждая отделена от других заборами и колючей проволокой. Дом *лагерфюрера*, коменданта лагеря, контролирует все выходы, и теоретически контакты между разными группами рабочих запрещены. Однако коменданту на этот запрет плевать, его интересует лишь одно: чтобы адские нормы выработки выполнялись и перевыполнялись. Если кто-то из рабочих распевает во всю глотку, но зато и работает быстро, надзиратели этому только радуются. Из коренных берлинцев остались только старики, женщины и дети, да еще государственные служащие в штатской одежде или в зеленых, коричневых, черных униформах — их обслуживают массы рабов. Как мы уже упоминали, зажиточные горожане без труда находят недорогих и приветливых горничных: женщин-славянок, которые открывают двери их гостям и ходят в своих косынках по улицам (иногда с лопатами на плече — когда приходится участвовать в общественных работах). На бедных улицах старого Берлина ремесленников уже не осталось — они все либо на фронте, либо подались в надзиратели. Домашней прислуги иностранного происхождения в этих кварталах нет. Обветшавшие трамваи и станции метро забиты серыми толпами пассажиров. В кинотеатрах и театральных залах преобладает «более буржуазная» публика — лучше одетая, отчасти прямо-таки шикарная. Эта последняя группа включает привилегированных счастливиц, чья про-

фессиональная деятельность связана с прессой, издательствами, радиовещанием и аппаратом Геббельса, а также немногочисленных завсегдаев больших отелей, модных баров и ресторанов, магазинов-люкс. В сущности, основные категории берлинских жителей остались прежними, но к ним прибавились «иммигранты», прикованные к военным заводам — единственным крупным промышленным предприятиям тоталитарного государства. На полях Германии трудятся в основном женщины. Преобладают те, кому больше пятидесяти; мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти лет увидишь редко, и они сразу привлекают к себе внимание. Евреев «вычистили» настолько основательно, что старые объявления «Еврейам вход запрещен» нет нужды обновлять, и они превратились в лохмотья. В бакалейных магазинах всем продавщицам за шестьдесят. Пожилые женщины иногда позволяют себе крикнуть эсэсовцам, пришедшим, чтобы арестовать кого-то из членов их семей: «Оставьте нас в покое. Почему бы вам не отправиться на фронт?!» Зима 1942 года постепенно стирает из памяти людей радостные весенние и летние дни, которые теперь кажутся очень далекими. Вокруг центра Берлина образовался широкий пояс, заселенный «иностранцами», которые производят гусеницы для танков, детали самолетов, пушки и пр. Почти полностью исчезли рынки, нормальная торговля, прилавки, заваленные живописной снедью, насмешливые и вульгарные продавцы, памятные по прежним временам. Торговые точки превратились в составные части особой методично организованной вселенной, управляемой администраторами. Продуктовая карточка стала своего рода паспортом, без которого человек не может обойтись. «Город света», о котором мечтал Гитлер, все больше напоминает казарму — в нем появилось слишком много барачных для рабов, а надзиратели повсюду вводят армейские порядки. Обитателей барачных кормят картофелем и копченым салом, а русских — гречневой кашей. Силы рабочих необходимо поддерживать на минимальном, но достаточном уровне, потому что иначе

участятся случаи производственных травм. Если рабочие чего и «требуют» от усталых бывших фронтовиков, контролирующих здесь все, — угрожая, если надо, обращением к эсэсовцам, которых надзиратели боятся так же сильно, как и сами иммигранты, — то только прибавки к обычной порции пищи или разрешения погулять часок в лесу, а вовсе не денег. Если норма выполнена, им охотно делают поблажки: например, позволяют пойти в лагерьный киоск и купить себе французского табака или голландского шоколада (разумеется, оплатив товары из своих скудных сэкономленных средств).

На заводе Греца

Государство даже позволяет «западным» рабочим флиртовать со славянскими женщинами. Подобные романы никого не волнуют, если не мешают работе. По воскресеньям всем дают по куску консервированного мяса с гарниром, который называют «картошкой по-тюремному» и который по вкусу напоминает земляную грушу; иногда все это поливают ложкой подслащенного уксуса. Повседневная пища состоит из капусты, брюквы, шпината, то есть она бедна протеинами. Но если рабы умирают, это не имеет значения — Европа остается неисчерпаемым резервуаром рабочей силы. Здесь, в бараках, люди по ночам грезят о маргарине, о сосисках с настоящей картошкой — любимом блюде коренных берлинцев. Если на заводе все складывается нормально, можно пойти погулять в один из парков города, имея при себе *Ausweis* (пропуск, выданный фирмой, на которую ты работаешь). *Шуно*, берлинские полицейские, обычно не придираются, если показать им бумаги, на которых начальник цеха в нужный срок поставил печать. Даже остарбайтеры с их хорошо заметным сине-белым значком на левой стороне груди могут спокойно себя чувствовать в пригородах столицы, где редко встретишь гестаповца. Однако, если заводские инженеры обнаружат акт саботажа или констатируют

снижение выработки, отвечать будет весь цех, тут же понаедут «черные берлинцы» — гестаповцы, и тогда оглянуться не успеешь, как попадешь под расстрельную статью. Атмосфера террора стимулирует доноительство, в такой ситуации каждый бдительно наблюдает за своим соседом. Но пока ничего подобного не случилось, можно, например, после работы пригласить на свидание красивую чешку из соседнего цеха. На заводе Греца, где работает Каванна, «разрешается по вечерам прогуляться, покуривая самокрутку, по берегу Шпрее». Как и во всех других зеленых зонах Берлина, здесь ты ощущаешь себя ближе к дикой природе, чем если находишься в одном из лондонских парков или в Булонском лесу. Здесь можно дышать полной грудью, даже если в пяти шагах от тебя, за деревьями с порыжевшей осенней листвой, проходят трамвайные пути. Прошлой весной было так много цветов и птиц! 1942 год еще относительно спокойный для тех молодых рабочих, которые хотят провести вечер с женщиной, — при условии, конечно, что эта женщина не немка. В кабачке, на открытом воздухе, в обмен на какую-нибудь французскую или бельгийскую безделушку вам подадут по чашке бульона. А потом можно будет обнять свою подружку и танцевать с ней под звуки привезенного из Италии аккордеона, пока не стемнеет и не придет время возвращаться в мрачные бараки.

1943—1944-й: ОГОНЬ И КРОВЬ ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДА

Канарис работает в своем бюро на набережной Тирпица. Перед ним, на низком столике, — «Берлинер иллюстрирте» и «Сигнал», газеты вермахта. Канарис, как и все генералы, в отличие от рядовых немцев, давно знает, что война проиграна. С тех пор как Гейдрих погиб, он думает, что у него развязаны руки.

«Черная капелла» по его рекомендации обратилась за помощью к фон Клюге — национальному герою, прославившемуся в Варшаве, в Бельгии, в Дюнкерке, во Франции; человеку, который разбил всех своих противников (в том числе, под Брянском, Красную армию) и пользуется особым доверием фюрера. Вообще фон Клюге — сторонник кайзера, монархии; Гитлер, следуя совету Канариса, осыпал его подарками и, между прочим, передал ему 250 тысяч марок, сумму, на которую можно приобрести солидную земельную собственность. Однако фон Клюге полагается лишь на собственные выводы и прекрасно сознает, что Германия движется к пропасти. В голове старого прусского вояки зреет мысль о том, что «необходимо прибегнуть к убийству». Канарис летит в Смоленск, где встречается с генералом и вместе с ним разрабатывает план покушения. Фон Клюге должен пригласить Гитлера на свой командный

пункт якобы для того, чтобы обсудить катастрофу под Сталинградом: «175 000 убитых, один фельдмаршал и двадцать четыре генерала попали в окружение и захвачены в плен вместе со всей Шестой армией». Гитлер не сможет отказаться, так как чувствует себя ответственным за это серьезнейшее поражение. Гитлер действительно принимает приглашение, выслушивает упреки фон Клюге. Когда встреча в Смоленске заканчивается, в его самолет подкладывают бомбу замедленного действия. Однако самолет «Фокке-Вульф-200», пилотируемый Бауэром, поднимается слишком высоко и попадает в атмосферные турбулентные потоки. Кислота в бомбе замерзает, ударный механизм не срабатывает. В Берлине люди из абвера успевают незаметно вынуть устройство, которое должно было взорваться под ногами у Гитлера¹; Канарис чувствует себя обескураженным. Кредит доверия, которым он пользуется у союзников, уменьшился, как бывало после каждого неудавшегося покушения. Он растерян. Союзники пользуются услугами «Черной капеллы», но адмирал уже не сомневается, что они потребуют безоговорочной капитуляции. Они не хотят видеть Германию управляемой юнкерами — даже если нацисты будут отстранены от власти. И прямо говорят об этом в Касабланке². Канарис комментирует их позицию: «Безоговорочная капитуляция. Нет, наши генералы никогда на это не пойдут. Я больше не вижу возможного решения». Ему на помощь, как ни странно, приходит Мен-

---

¹ Описываемая здесь попытка покушения произошла 13 марта 1943 г. Взрывное устройство было спрятано в пакете с двумя бутылками коньяка; Фабиан фон Шлабрендорф, офицер из штаба Хеннинга фон Трескова (начальника штаба группы армий «Центр»), попросил одного из пассажиров самолета передать этот пакет его другу в Берлине. В Берлине заговорщики сумели перехватить пакет, и попытка покушения не была раскрыта. *(Примеч. пер.)*

² Имеется в виду Касабланкская конференция, проходившая 14—24 января 1943 г. в Марокко. В ее работе участвовали Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль и высшие военные руководители США и Великобритании. На конференции была достигнута договоренность о высадке союзных войск на Сицилии после завершения кампании в Северной Африке. 24 января Рузвельт сделал заявление о том, что союзники будут вести войну против Германии, Италии и Японии до их безоговорочной капитуляции. *(Примеч. пер.)*

зис из отдела МИ-6: он убеждает Черчилля в том, что Канариса не следует доводить до крайности — иначе этот человек-дьявол будет сражаться «с яростью загнанных в угол крыс».

Последняя битва в Атлантике

Нацисты «завинчивают гайки», укрепляют «новый порядок». Они не знают, что «Ультра» к 1943 году превратилась в целую отрасль индустрии, где работает шесть тысяч дешифровальщиков, где ежедневно прочитывается две тысячи вражеских сообщений (хотя немцы постоянно обновляют коды).

Союзники вплотную столкнулись с проблемой увеличения численности немецких подводных лодок¹. В одном только Шербуре немцы каждый день спускают на воду по одной субмарине. В 1941 году общее водоизмещение потопленных судов союзников составляло четыре миллиона тонн, в 1942 году — восемь миллионов. Как остановить немецкие подлодки? Нельзя допустить, чтобы 1943 год оказался таким же катастрофическим для союзного флота, как предыдущий. Союзники и так уже заплатили несоизмеримо высокую цену, чтобы сохранить в тайне свои секреты. Кроме того, американцы несколько раз проявили неосторожность — в устных выступлениях и в кодированных сообщениях. В какой-то момент Дёниц стал подозревать, что его планы подводной войны известны противнику.

В мае 1943 года разворачивается операция по выслеживанию немецких подлодок с воздуха. «Ультра» дает указания. Подлодки топят днем и ночью, целыми группами. Дёниц за несколько часов теряет 72 субмарины и вызывает к себе оставшихся в живых моряков, чтобы расспросить об обстоятельствах трагедии. Два его сына, служивших офицерами на подлодках, погибли. Два последних сверхбыстроходных

---

¹ Интенсивное строительство немецких субмарин началось в конце 1941 — 1942 гг., после неудач надводного флота. (*Примеч. пер.*)

немецких броненосца тоже идут ко дну. Таким образом, британский флот отомстил за рейд этих судов по Ла-Маншу, имевший место год назад. Доволен ли происходящим Канарис?

Русские и англичане наводнили своими агентами завоеванную нацистами Европу. Английские и русские секретные службы теперь действуют заодно и претворяют на практике правила, которым сам Канарис учил своих помощников и которые изобрел еще Сунь-Цзы 25 веков назад: «Подкапывайтесь под врага, подрывайте его власть изнутри, разрушайте его экономику, его мораль, дезинформируйте его, старайтесь его погубить, если это возможно, не вступая в открытое сражение». У Канариса и союзников общий враг — Гитлер, но союзники интригуют еще и против Верховного командования вермахта, пытаются посеять раздор между его членами, заставить их совершать ошибки.

9 июля союзники высаживаются на Сицилии и не встречают там серьезного сопротивления. Чиано, зять дуче, помогает королю Италии арестовать и заключить в тюрьму своего тестя и вступает в переговоры с Черчиллем, намереваясь выдать Муссолини англичанам и американцам. Немцам приходится срочно найти замену двадцати семи воюющим на Балканах итальянским дивизиям, которые перешли под командование их врага. На 1944 год планируется высадка союзников во Франции. Диверсанты-подводники из итальянской MAS — в ту эпоху единственное подразделение такого рода — дезертируют. Гитлер освобождает Муссолини благодаря неслыханно дерзкой акции своих парашютистов и получает возможность распоряжаться по собственному усмотрению этим секретным отрядом, который прославился тем, что отправил на дно Средиземного моря чуть ли не весь английский флот, дабы освободить проход для Роммеля. Русские, после Сталинграда и последовавших за ним решающих битв, тоже не имели иного выхода, кроме как довести смертельно опасную игру до конца. Гитлер рассчитывал на «новое оружие», которое сосредоточил на базе в Пене-

мюнде¹. Он проинформировал «обалдевших от восхищения» (по словам одного свидетеля) командиров СС о том, что очень скоро на Англию будут ежедневно выпускать по тысяче ракет Фау и что эта цифра быстро возрастет до пяти тысяч. Англичанам сообщили о немецких ракетах русские, имевшие в Прибалтике и Польше прекрасную агентурную сеть, деятельность которой координировалась русским послом в Стокгольме Александрой Коллонтай. Англичане узнали также, что на Запад обращены 150 ракетных установок, с помощью которых немцы надеются защитить свои владения в Европе. Уже через несколько дней после получения этой информации² армада британских ВВС поднялась в воздух, долетела до Берлина, а потом разделилась на две части и внезапно атаковала секретные ракетные базы, подвергнув их массированному обстрелу. Незаменимые специалисты-ракетчики были убиты, 70% оборудования разрушено. Союзники также разгромили 800 ракетных заводов, в том числе «Вельтруп» в Ахене, «Геринг» в Зальцгиттере, заводы во Фридрихсхафене и Ребстоке. В Пенемюнде, где работал фон Браун³, а также в других местах немцы в спешке пытались восполнить понесенные потери. Однако время уже работало против Гитлера, против задуманной им операции террора.

Реализм в кафе «Рейман»

Журналисты из «Дойче альгемайне цайтунг» настроены пессимистически. Их коллеги из «Берлинер тагеблатт», которые почти все являются членами нацистской партии, тоже (не столько в силу какого-то особ-

---

¹ Пенемюнде — небольшой лесистый остров в Балтийском море, где находилась лаборатория, в которой под руководством Вернера фон Брауна осуществлялись секретные работы по созданию «оружия возмездия». (Примеч. пер.)

² В августе 1943 г. (Примеч. пер.)

³ Вернер фон Браун (1912—1977) — главный конструктор ракеты Фау-2, с 1945 г. жил и работал в США. С 1960 г. — директор Космического центра Джорджа Маршалла в Алабаме; разработал американский космический корабль «Аполлон». (Примеч. пер.)

го мужества, сколько по легкомыслию) превратились в «вербальных сопротивленцев». У себя в редакции они язвительно комментируют инструкции, поступающие из *Прами*, министерства пропаганды. Обычное место встреч журналистов — кафе «Рейман»¹. Туда же иногда приходят демобилизованные военные. Один калека пытается рассказать, что собой представляет Восточный фронт: «Мы должны торчать там в холоде и грязи и ждать, когда покажутся ужасные танки “Т-34” или русские лыжники в белых балахонах, которые обстреливают немецкие траншеи из огнеметов». — «Да не объясняй им ничего, это бесполезно», — одергивает солдата один из его товарищей. Журналист-эсэсовец мягко протестует против подобного «пораженчества»: «Я потрясен этим состоянием духа, которое встречаю повсюду. Мы все, как крысы, плывем на одном корабле, и не в наших силах его покинуть». Некто Вернер, человек с забинтованной головой, неприязненно бросает эсэсовцу: «Ничего, мы вас высадим на остров и заставим слушать ваши собственные речи. Мы, хоть и владеем всей Европой, выдохлись, смертельно устали. А вы больше не можете снабжать боеприпасами и продуктами более чем двадцатимиллионную армию». Все присутствующие в зале фронтовики соглашались с ним. Некоторые из них давно впали в состояние апатии, другие, напротив, хотят вырваться из Берлина, вернуться в свою часть. Вернер решил воспользоваться своим ранением и своими связями. Для него уже подыскали скромное местечко в Агентстве печати. Он участвует в тайной подготовке июльского покушения.

Мимолетные романы

Берлинские девушки, которые обожают вечеринки и никогда их не пропускают, не любят говорить о политике. Они хотят развлекаться, они еще так молоды, что могут протанцевать ночь напролет (а на следующий день, на работе, будут клевать носом). Они,

¹ Берлинские кафе всегда играли важную роль в столичной общественной жизни.

как выразилась одна из них, видят особый шик в том, «чтобы зажигать свою свечу сразу с двух концов». Клаус, капитан, которому завтра нужно возвращаться на фронт, переодевается в гражданское, прежде чем отправиться на обед к кухне Терезе. По пути он встречается со своей подружкой Полой, работающей фотографом. Влюбленные уходят из гостей рано. Они, слегка опьянев от выпитого мозельского вина, медленно бредут в сторону Александерплац, сейчас совсем темной. Пола достает из кармана маленький бумажный пакетик и вынимает оттуда два водоросля, от щетки берлинского трубочиста: «Это на счастье — тебе и мне». Дома Пола ставит на стол чашки и чайник из аугсбургского сервиза, зажигает свечи. Они оба хотят хоть на несколько часов забыть о своих страхах. Рано утром молодой человек вновь облачается в капитанскую форму и вместе с девушкой идет к своим родителям, чтобы познакомить ее с ними. За этим прощальным завтраком, который одновременно можно считать и помолвкой, все чувствуют себя немного неловко. «Индивид стал собственностью государства», — вдруг изрекает отец. Молодые молчат. Что тут скажешь?

«Новый порядок» в Берлине

У Бернхарда, друга Клауса, отпуск тоже вот-вот закончится. Первые дни всегда самые лучшие, а потом тебя начинают преследовать навязчивые мысли о скором отъезде и ты уже чувствуешь себя далеким от здешних мест! Его сестра Элизабет работает на военном заводе (подчиненном организации Тодта¹). Она

---

¹ Полувоенная правительственная организация, созданная в 1933 г.; занималась разработкой и строительством автомобильной и железнодорожной сети в целях улучшения возможностей переброски войск, а также возведением оборонительных сооружений (в том числе «Западного вала»), подземных помещений для командных пунктов, штабов и пр. Возглавлял организацию Фриц Тодт (1891—1942), который в 1940—1942 г. занимал пост рейхсминистра вооружения и боеприпасов, а после его смерти министром вооружения и военной промышленности стал Альберт Шпеер. *(Примеч. пер.)*

рассказывает, как в феврале 1943 года депортировали евреев, которые на тот момент еще оставались в их цехе. Сотня других рабочих, не евреев, устроила демонстрацию протеста. Эсэсовцы не осмелились вмешаться, потому что толпа была возбуждена и настроена враждебно. «Что такое “новый порядок”?» — спрашивает Бернхард у отца. «Это значит, что Европой будут править нацисты и что все арийцы, но не немцы будут работать до полного истощения или смерти. Образуется чудовищное государство, в рамках которого все культуры, кроме тех, что нравятся нацистам, будут уничтожены!» — «Они не успеют все это осуществить, я тебе гарантирую», — перебивает его Бернхард. «Как так не успеют? Вся Европа уже ограблена. Даже здесь, в Берлине, иностранцев больше, чем коренных жителей. Франция завтра превратится в аграрную страну, которая будет обслуживать наши продовольственные нужды. Париж станет солдатским борделем». Старик воевал под Верденом и к французам относится с уважением. Но Бернхард уже отвлекся от разговора. Он вспоминает исхудавшие лица своих товарищей, тот мгновенный укол страха, который испытываешь, когда узнаешь, что такой-то из твоих знакомых погиб, а другой отправлен в полевой госпиталь. А его отец тут рассуждает о Париже как о будущем борделе для солдат! Бернхард молча поднимается и идет к вокзалу. С него хватит — прижаться веселым нет ни желания, ни сил.

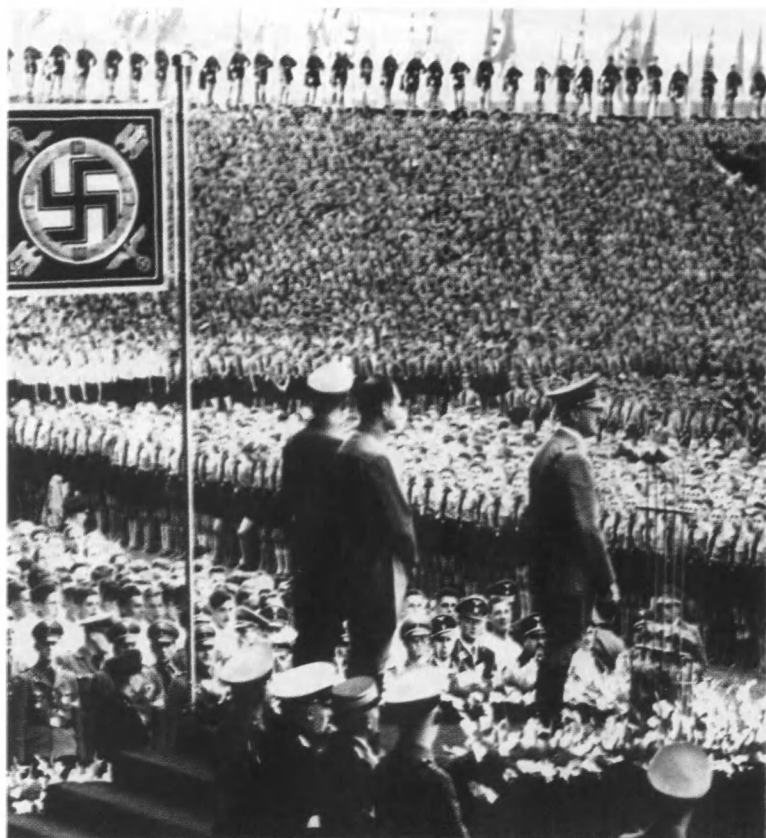
Солдатские письма и заупокойные службы

Рита тоже работает на организацию Тодта и участвует в «гражданском сопротивлении». С балкона своего дома она наблюдала за первой ковровой бомбардировкой, которая была проведена британскими ВВС 19 января 1943 года. Когда ее брат погиб под Сталинградом, ей даже не прислали официального извещения о смерти с выражениями соболезнований. Теперь семьи погибших получают заранее отпечатанные бланки, где ручкой вписаны только имя

убитого и адрес его родных. Перед смертью, в госпитале, брат успел написать ей письмо, в котором переиначил свою солдатскую клятву. Слова «Я готов умереть за фюрера и величие Третьего рейха» он заменил другими: «Я бы хотел умереть так, чтобы смерть моя обратилась против Гитлера, умереть за истинную Германию». В газетах сообщения о потерях на фронте стали очень лаконичными. Люди — по крайней мере, гражданские и военные низших чинов — перестали употреблять при встречах и прощаниях приветствие «Хайль Гитлер!» и выбрасывать вперед руку. В августе Рита помогала эвакуировать раненых на Потсдамском вокзале. С тех пор как был введен «новый порядок» (берлинцев уведомили об этом 18 февраля, во время митинга во Дворце спорта), уже не принято говорить «фюрер», а только «Гитлер». В баре «Кемпински» — берлинском подобии парижского бара «Риц» — пока по-прежнему можно выпить бокал шампанского или коктейля «Негрони» (приготавливаемого на основе мартини), но чипсы и жареный миндаль давно исчезли. Зато здесь можно свободно поговорить, не опасаясь доносчиков. В церкви приходит все больше народу — главным образом те, кому за пятьдесят. Люди стоят у дверей, потому что помещения храмов заполнены до отказа. Один пастор заметил, что «наибольшей популярностью пользуются у прихожан заупокойные службы». Кузен Риты писал ей 18 октября 1943 года из Вольтурно (Италия): «Повесили нескольких немецких санитаров — за то, что они рекомендовали солдатам при появлении признаков серьезного недомогания обращаться в санчасть». До 31 декабря никаких увольнительных не будет. Режим, между прочим, не поощряет празднование христианского Рождества. С тех пор как Италия вышла из войны, эсэсовцы устраивают облавы на итальянских коммерсантов в Берлине и никто уже не ходит ужинать в ресторан «Прекрасная неаполитанка». Зато длинный курьерский поезд привез с Апеннинского полуострова новых рабов для заводов по производству боеприпасов, и из окон вагонов доносятся звуки песен «О соли мио» и «Санта-Лючия».

Люди останавливаются у громкоговорителей, чтобы послушать «экстренные сообщения» (тем, кто слушает «враждебные радиостанции», грозит каторжная тюрьма).

Публичное выступление
Гитлера.

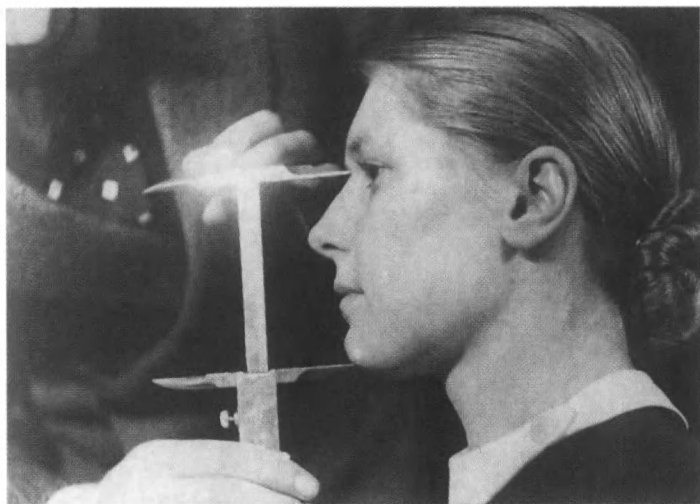
Раздача оружия бойцам
одного из двухсот
батальонов
«фольксштурма».

Члены гитлерюгенда приветствуют Гитлера.

Бесплатная раздача радиоприемников «нуждающимся гражданам».

Нацистский чиновник измеряет нос девушке, которая подозревается в еврейском происхождении.

В немецких школах всегда показывали фильмы на узкой пленке.

Реклама мюнхенского вишневого ликера из немецкого журнала «Die Woche». 1941.

Реклама питательного крема из немецкого журнала «Die Woche». 1941.

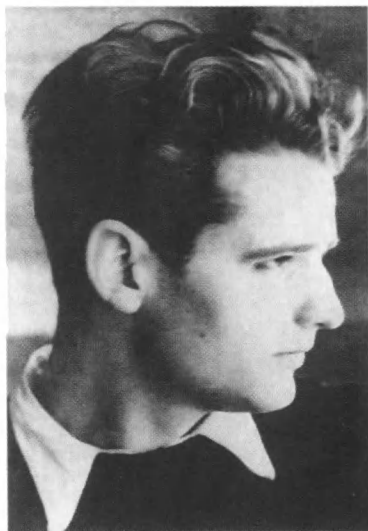
«Работницы, возвращающиеся с поля». Художник Л. Шмуцлер. До 1940.

Гитлер беседует с адмиралом Редером. Между ними — генерал-фельдмаршал фон Браухич, слева — фельдмаршал фон Бём-Эрмолли, справа — генерал-фельдмаршал Милх и Рудольф Гесс. 1941.

Основатели организации «Белая роза» Ханс и София Шольц.

Школьницы на занятиях по домашнему труду.

Подростки из гитлерюгенда.

Обложка немецкого еженедельника «Die Woche». 1941.

Обязательное ежедневное затемнение окон.

Берлинская улица. 1945. ►

Военнослужащие-отпускники перед входом в военное кабаре «Атлантис». 1943.

Разбитые витрины еврейских магазинов.

Занятия по военной подготовке в немецкой школе.

Подростки, призванные в «фольксштурм».
20 апреля 1945 года.

Советская пехота
наступает
от Тиргартена
от руинам
рейхстага. 1945.

Тысячи таких
четырнадцати-
пятнадцатилетних
мальчишек
погибли в одном
только Берлине,
где им приказано
было прикрывать
пути
к отступлению.

Раненые немецкие солдаты на Унтер-ден-Линден.

Немецкие пленные в Берлине.

Советские солдаты раздают еду берлинцам, так как по приказу нацистского руководства оставшиеся в городе запасы продовольствия были уничтожены эссовцами.

Жители Берлина читают первые приказы советского военного командования.

Представители верховного немецкого командования — Штумпф (Люфтваффе), Кейтель (сухопутные войска) и фон Фриденбург (ВМФ) -- подписывают договор о безоговорочной капитуляции Германии.

После капитуляции.

Двое с тележкой на берлинской улице. Фото Г. Петрусова. 1945.

Берлин капитулировал. Нацизм побежден?

Газеты наподобие «Сигнала» печатают на первых страницах фотографии власовцев, желая показать, что еще существует «русская белая армия, воюющая с большевиками».

Собор в огне

22 ноября англичане произвели большой воздушный налет на заводы, расположенные на окраинах и в центре столицы. Берлинский собор загорелся. Более 700 тысяч берлинцев потеряли кров и уезжают из города. На Штеттинском вокзале давка, паника. Некоторые семьи разделяются, и им больше не доведется соединиться. В «Берлинер цайтунг ам миттаг» — многостраничные списки погибших. Тревога длится, как правило, часа по полтора. Люди берут с собой в убежища матрасы и предметы первой необходимости. Обстановка там, внизу, невыносимая. Силуэты спотыкающихся людей, едва различимые в клубах дыма... Спектакли — «Как вам это понравится», «Смех для всех» — еще собирают полные залы, однако актеры, похоже, уже потеряли веру в свою профессию. Эмиль Яннингс¹, по замечанию одного зрителя, превратился в дряхлого старика. Эсэсовцы забивают досками входы в рестораны-люкс. «Они» (эсэсовцы) теперь по десять раз на день проверяют документы водителей и, если что-то не в порядке, реквизируют автомобили. Склонность столичных жителей к черному юмору пробуждается каждый раз, как они видят фургон гестапо: «Скоро здесь вообще не останется другого транспорта, кроме этих фургонов и пожарных машин!» На улицах извлекают из-под обломков строений трупы погибших под обстрелом. Такие картины стали обычным зрелищем, частью повседневной жизни — ведь за месяц совершается около сорока воздушных налетов. «Теперь пришел наш черед узнать, что такое *Heimatfront*, война на родной

---

¹ Популярный немецкий актер, снялся вместе с Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел» (1930). (Примеч. пер.)

земле», — ворчат обыватели. Из уст в уста передается история, будто на Кудамме откопали человека — он был еще жив, хотя и лишился правой руки и левого глаза, — который выкрикивал, выбросив вперед левую руку: «Хайль Гитлер! Германия потеряна, но мы еще удерживаем Данциг!» Крысы шныряют среди бела дня вокруг разрушенных канализационных люков. Служащие Армии спасения раздают миски с бесплатным супом ста тысячам потерявших жилье берлинцев. На улицах то и дело попадаются славянки в сапогах и косынках, с лопатами на плечах. Они расчищают завалы. Красная армия одержала ряд побед. Сейчас многие стараются вообще не выходить из бомбоубежищ — обустроиваются там со своими матрацами, чемоданами, свечами. «У берлинских женщин скорбные лица», — думает старый актер-трагик, вспоминая предвоенные пророчества Брехта. Станция метро «Ноллендорфплац» была разрушена прямым попаданием бомбы, там погибло более тысячи человек.

Нет больше ни трубочистов, ни угля

Рождество 1943 года, адский холод, а угля нет... Маскировочная сеть, которую натянули над Шарлоттенбургским шоссе, чтобы сбить с толку английских пилотов, оказалась совершенно бесполезной. Она прорвалась во многих местах и лоскутьями свисает со скелетов разрушенных домов. Поскольку все силы Люфтваффе были брошены на побережье Атлантики и на русский фронт, самолеты британских ВВС стали безраздельными хозяевами города. «Ими управляют евреи», — безуспешно пытается внушить своим согражданам Геббельс. Однако даже в Берлине, где люди ничего не знают о лагерях смерти, стремление правительства свалить все неудачи на евреев воспринимается весьма скептически. В кинохронике показывают «Взятие Севастополя»: немцы наконец одержали крупную победу, однако солдаты в форме вермахта выглядят смертельно уставшими, отощав-

шими, почти такими же измученными, как и их русские пленники. Русские пленные не похожи на евреев — как, впрочем, и сбитые английские летчики, чьи фотографии публикуют в газетах (не похожи, даже несмотря на недельную щетину и головы, обритые, как у уголовников). Ненависть к иностранцам вспыхивает по конкретным поводам. Крестьяне в пригороде устраивают суд линча над захваченными британскими парашютистами, светловолосыми и голубоглазыми. «Не евреи, а англичане уничтожают наши урожаи», — говорят в деревнях. Государственные служащие, верные своему долгу, каждое утро отправляются на работу — пешком, с папкой под мышкой, по улицам, превратившимся в руины. Берлин напоминает разоренный муравейник. Нет больше трубочистов, нет разносчиков угольных брикетов, нет ни стекол, ни стекольщиков, нет продавцов сосисок. Мир мелких торговцев и ремесленников исчез. «Романское кафе», которое когда-то одновременно притягивало и раздражало штурмовиков, в конце концов сгорело¹. Изменились даже элегантные кварталы западной части города — например, Тиргартен, где уже не увидишь аккуратно одетых нянечек, которые всегда прогуливались со своими колясками среди статуй «победителей» (теперь эти статуи разбиты, и их осколки валяются в траве).

Дух Парижа в Берлине

Можно ли считать естественной реакцией на происходящее то, о чем писал один пастор? По его словам, «в западной части города молодые люди, которые еще здесь остались, танцуют ночи напролет в сумрачных бомбоубежищах и, прячась под одеялами, предаются блуду». Многие прохожие возмущаются, видя, как по вечерам накрашенные и тщательно причесанные немки садятся в роскошные «Мер-

---

¹ На месте кафе после войны был построен гигантский торговый центр.

седесы» и шоферы в ливреях везут их к отелю «Адлон». Говорят, на маленьких улочках позади Александерплац еще прогуливаются проститутки. В наполовину разрушенном частном отеле живет некий молодой человек, Хельмут, который во Франции командует танковым подразделением и недавно получил, по специальному распоряжению Рундштедта, отпуск. Он очень весел, раскован, раздаривает направо и налево духи «Шанель» и всякие безделушки, купленные по дешевке на улице Матиньон. «Париж — в каком-то смысле оазис посреди обезумевшего мира, — рассказывает он. — Там нет недостатка в концертах, фильмах, кабаре...» Его спрашивают о Табарене, французском канкане. «Все это и сейчас существует, — улыбается офицер. — Я часто обедаю у “Максима” вместе с представителями старинных семейств; они ведут себя очень любезно, хотя, как и мы, презирают нацистов». В разговор вмешивается француз Филипп; Урсула фон Кардоф прислушивается к его словам. Он оказался в Берлине не как легионер отряда СС, а потому, что был мобилизован Имперской службой труда. К ним он пришел прямо из своего барака, предварительно переодевшись в выходной костюм. Сегодня вечером он очаровал всех молодых женщин. Другой француз, из протестантской семьи, работает киномехаником на студии УФА. У него много прусских кузенов, которые «укрыли» его от властей. Он позволяет себе произнести панегирик де Голлю. Никого из шестидесяти или восьмидесяти присутствующих это не удивляет. Женщины здесь не носят траур по своим братьям или женихам. Некоторые солдаты дружески хлопают француза по плечу. Приходит Анна (по-прежнему связанная с «Красной капеллой»), которая только что отстояла заупокойную мессу по убитым в Груневальде; ей протягивают бокал с пуншем. «У меня замерзли ноги», — жалуется она. И рассказывает, как в толпе спонтанно запели «Помолимся...» Бетховена. Одна нацистка попыталась было протестовать, но ее быстро заставили замолчать. Молодой француз смеется: «Во Франции мы называем нацисток “серыми

мышками”». — «А здесь им придумали для них кличку *Ziegen* (козы)», — подхватывает его мысль Хельмут. «Предлагаю выпить за дружбу завтрашнего дня, когда Гитлер и Лаваль будут расстреляны», — говорит Филипп. «Париж уже присутствует здесь, в этой комнате, — отвечает Хельмут. — Я пью за Верлена, за Клоделя... за Поля Элюара».

Время «Лили Марлен» и листовок о брате и сестре Шолль

Один из друзей Филиппа работает «механиком» в «Дойчер ферлаг» (издательстве, которое выпускает газету «Дойче альгемайне цайтунг»). В январе 1944 года по всему городу, и даже на военных заводах, ходит по рукам одна листовка. Этот текст распространяется не «Черной» и не «Красной капеллой», а по спонтанной инициативе самих берлинцев. Согласно листовке, Ханс и София Шолль были обезглавлены за то, что разоблачали палача, виновного в сталинградской трагедии, — Гитлера¹. Листовку переписывают от руки, передают неизвестным лицам самой разной политической ориентации, которые воспроизводят ее в тысячах экземпляров. В какой-то момент власти даже всерьез задумываются о введении запрета на частную переписку. Устраиваются внезапные обыски; однако листовок уже слишком много, против их распространителей трудно что-

---

¹ Ханс (1918—1943) и София (1921—1943) Шолль — студенты Мюнхенского университета (Ханс учился на медицинском факультете, София — на философском), принадлежали к подпольной организации «Белая роза», созданной в этом университете. Члены организации печатали и распространяли тексты проповедей мюнхенского архиепископа фон Галена, направленные против расовой доктрины. 18 февраля 1943 г., после Сталинградской битвы, ими были напечатаны листовки с призывом к восстанию и пачками разбросаны в университетских аудиториях. 19 февраля члены организации возглавили в Мюнхене студенческую манифестацию. В тот же день гестапо арестовало троих студентов: Кристофа Пробста, Ханса и Софию Шолль. 22 февраля, после трех дней допросов и пыток, все трое были приговорены к смертной казни и вечером того же дня обезглавлены. (*Примеч. пер.*)

либо предпринять. «Хранить у себя такую листовку, — угрожает Геббельс, — значит быть виновным в государственном преступлении!» Между тем «Правдивый рассказ о казни Х. и С. Шолль» уже попал, через полевую почту, на разные фронты. Солдаты просят, чтобы им присылали текст песни «Лили Марлен», запрещенной за «пораженчество». «Новый порядок» оказывается погребенным под тысячами писем, авторы которых выполняют эту просьбу. «Лили» трогает солдатские сердца, дарует утешение в невыносимо жестоких условиях фронтовой повседневности. Песня «Лили Марлен» в исполнении Лали Андерсен, «королевы улиц», Эдит Пиаф германского мира, быстро становится мощнейшим по своему воздействию мифом. Завшивевшие солдаты всех фронтов поют эту песню на немецком, английском, итальянском, русском, испанском, румынском языках — вопреки Гитлеру и войне. Русские и немцы передают ее друг другу через линию фронта посредством громкоговорителей. Ее будут петь и в адском пекле Нормандии, даже на квебекском диалекте. Марлен Дитрих¹ перенесет ее в американскую армию — и будет иметь неслыханный успех! Может быть, дело в том, что «Лили Марлен», пришедшая из Гамбурга или Берлина, вместила в себя, как попытается показать режиссер Вернер Фасбиндер, жизнь, любовь и смерть?

Die Bienen, «пчелы»...

Фрау Бэрхен только пожимает плечами, когда в начале 1944 года Эльза показывает ей листовку о Хансе и Софии Шолль и говорит: «Ты могла бы заняться чем-нибудь более полезным». Эльза, не пропускающая ни одного танцевального вечера, не-

---

¹ Марлен Дитрих (1901—1992) — немецкая киноактриса и певица, приобрела всемирную известность в 1930 г., снявшись в фильме «Голубой ангел». В 1933 г. эмигрировала, с 1937 г. в основном жила в США, умерла в Париже. В 1944 г. в США был снят фильм «Лили Марлен», в котором она исполнила эту песню. (Примеч. пер.)

много смущена. Она с самого начала войны считает себя антифашисткой и действительно остается одной из самых надежных «оппозиционерок» среди «золотой» молодежи. Эльза провожает на вокзал каждого из своих кавалеров, уезжающих на фронт, по опыту зная, что они не вернуться. В ответ на неприятное замечание она, в свою очередь, пожимает плечами и, простившись с подругой, отправляется в антикварную лавку (которая, к счастью, пока не сгорела), чтобы поискать для себя новое кольцо. Один из ухажеров Эльзы, солидный человек, посоветовал ей припрятать ее картины. Но эта красивая девушка слишком легкомысленна. Сейчас, правда, она наконец «взялась за ум» и толкает перед собой тачку с кое-как завернутыми в газетную бумагу картинами Сезанна, Модильяни, эскизными изображениями Фрейда, письмами Планка, макетом театральной декорации работы Брехта, десятками гравюр и «антифашистских» дисков — за хранение всего этого она запросто могла бы поплатиться жизнью. Добравшись до Потсдамского вокзала, откуда собирается доехать до своего загородного дома с уютной спальней, горячей водой и ванной, она успевает до отхода поезда познакомиться с галантными офицерами, которые помогают ей разместить все эти сокровища в ее купе. Она возвращается в Берлин через два дня, чтобы не пропустить очередного бала, ничуть не беспокоясь по поводу воздушных налетов. У себя в конторе, на служебной пишущей машинке, она восемь раз перепечатывает листовку о казни брата и сестры Шолль, не обращая внимания на других работающих рядом с нею девушек. Потом заклеивает конверты с копиями текста и отдает их неизвестному, который должен бросить эти «маленькие бомбы» в почтовые ящики. Как обычно, все сходит ей с рук. «Мой новый возлюбленный красив, как Зигфрид, и вдобавок обладает чувством юмора!» — хвастается она в письме к подруге. Красота и юмор — вот что нравится Эльзе, хорошенькой беззаботной берлинке, которая перед сном читает в постели Томаса Манна, чтобы производить впечат-

ление интеллигентной женщины. Она довольна, что не подчинилась распоряжению рейхсминистерства авиации о том, что частные лица должны пожертвовать имеющимися у них произведениями искусства в пользу партии (на самом деле — в пользу Геринга). Ночью зажигательный снаряд попадает в ее дом. Пожар удастся потушить. Эльза «защищена», как любит говорить ее астролог. На следующий день, еще лежа в постели, она получает письмо от своей подруги из Рейнской области: «Мы живем в подвалах, пользуясь влажными салфетками вместо душа; носим каски и защитные очки, чтобы уберечься от ослепляющих фосфорных вспышек. Горят целые улицы. Я, как и ты, вздыхаю, вспоминая 1942 год. Прошло три года с тех пор, как Гитлер, это чудовище, отказался от плана децентрализации. Он решил, что все должно быть сконцентрировано в Берлине. Боюсь, что завтра, в связи с осложнившейся обстановкой, осуществить децентрализацию будет уже невозможно». Эльза смеется, читая постскрипtum своей подруги: «Я тебе завидую, ведь ты уверена, что борешься против войны, когда участвуешь в праздничных вечеринках или флиртуешь. Наверное, именно по этой причине мой брат так тебя любит. И у него наконец появился шанс добиться взаимности: он был ранен в освобожденной Норвегии!» Сложив письмо, Эльза сладко потягивается, и в этот момент взывают сирены; в дверь заглядывает ее старая няня, уроженка Силезии: «В укрытие, фрейлейн, *schnell* (быстро)!» Но Эльза отвечает: «Иди одна, эти жужжащие пчелы не причинят мне вреда». Няня замечает, что в комнате слишком холодно: лопнувшие оконные стекла заменены картоном. Она удаляется ворча. Британские самолеты систематически обстреливают квартал. Эльза откладывает томик Томаса Манна и берет в руки плюшевого медвежонка, которого подарил ей один молодой человек, потом погибший под Сталинградом. Грохот, прямое попадание бомбы... Эльзу найдут мертвой, обнимающей этого самого медвежонка. «Пчелы» к тому времени будут уже далеко.

Урсула фон Кардоф, самая близкая подруга Эльзы, вместе с незнакомыми ей женщинами на Аугсбургерштрассе передает по цепочке ведра с водой. Она — такая же изящная и беззаботная, какой была ее покойная подруга, но сейчас, когда в горящем зерновом складе закричал ребенок, Урсула, не раздумывая, бросается туда. «Безносый» лейтенант, как она потом напишет в своем дневнике, едва успевает оттащить ее и спасенного ею младенца от здания, прежде чем обрушиваются балки перекрытия и крыша. «Вы сумасшедшая», — задыхаясь, говорит он. Он провожает Урсулу до дому, сдает с рук на руки ее отцу, выпивает предложенный стакан шнапса и сразу уходит. Отец Урсулы встречает их в пижаме, со свечой в руке, потому что вся улица затянута дымом. С 1933 года он избегает слова «национал-социалист», во время бомбежек спускается в подвал и при свете свечи читает Флобера, сидя в небольшом кожаном кресле, перед которым, у его ног, на крошечном коврикe стоит аккордеон и валяются домашние тапочки. Он отказывается слушать радио и давно не обращает внимания на воющие день и ночь сирены.

Приходят соседи с оскорбительными претензиями: они говорят, что на этой неделе в их квартале было 1700 возгораний, а он не желает делать ничего полезного. Он в ответ только улыбается: «Долг человека состоит в том, чтобы попытаться все понять...» Они пожимают плечами: как можно до такой степени не любить свою кровь, свой народ? В Рейнской области, в маленькой деревушке, прошлой ночью было семь тысяч убитых. Дюссельдорф полностью разрушен. У кого-то там жил старый друг — так вот, после обстрела не нашли ни останков погибшего, ни даже висевших на стене фотографий его убитых на фронте сыновей.

В тот же вечер Урсула устраивает вечеринку «в память об Эльзе, которая так хотела прийти на этот праздник!» Никто, само собой разумеется, не носит

траур. Приглашенные, как обычно, приходят с бутылками и пакетами провизии. Молодежь наблюдает за воздушным налетом с балкона (пока неповрежденного) на втором этаже. Кто-то говорит: «Знаете, недавно расстреляли Курта, капитана Люфтваффе, — просто потому, что, разбушевавшись в компании своих друзей, которые не сумели его утихомирить, он выскочил на улицу и крикнул какому-то эсэсовцу: “Я больше не верю в победу!” Как вам это понравится? Каждые четыре или пять дней мы теряем один из русских городов! Ганновер, Кассель, Франкфурт, Эмден уже разрушены». Урсула непрерывно орудует штопором — по ее словам, она стала несравненным экспертом в этом деле. Все стоят в темноте, на обледеневшем балконе. Луна над развалинами имеет зловещий вид. Лучи прожекторов похожи на лапки гигантских пауков, прыгающих по снегу. Кто-то говорит, что консьерж — у него нет ни жены, ни детей — сидит в подвале один: «весь зеленый, остроносый, вылитый персонаж Брейгеля». «Вы знаете, что он мне сказал, когда мы с ним оказались вдвоем в укрытии, лицом к лицу?» — вступает в разговор отец Урсулы. «Нет, и что же он вам сказал?» — «Пусть лучше придут русские! Мы бедные люди, они ничего плохого нам не сделают».

Наташа, собирательница трупов

Наташа идет через весь город с лопатой на плече вместе с другими женщинами из «команды мусорщиков». Чем дальше они продвигаются к западу, тем чаще по пути встречаются руины. Начиная уже с Александерплац. Дойдя до Фридрихштрассе, Наташа по-православному крестится (справа налево) перед полуразрушенным остовом когда-то возвышавшегося здесь, на углу Кудамма, розового собора. Впереди пространство затянуто белесой дымкой. Обнажившиеся трубы парового отопления висят прямо в воздухе, образуя «футуристический силуэт», как сказал ей один знакомый француз. Когда Наташа сдела-

ет свою «норму», то есть выполнит тот объем работы, что гарантирует ей дневное пропитание, и сверх того соберет трупы, она отправится к магистрату Шарлоттенбурга, который еще вчера представлял собой красивое небольшое здание, уютно размещившееся на маленькой площади среди платанов. Сегодня все, что осталось от магистрата, это барак, на котором готическими буквами написано: «*Baubüro*» («Строительное бюро») — такой эвфемизм! Вокруг барака колышется море человеческих голов. Это те, кто прошлой ночью пострадал от обстрела, — только в одном квартале. Взрослым раздают совсем новенькие мешки, тачки, еще пахнущие смолой, лопаты, а детям — кожаные штаны на бретельках с нарисованными на них цветками эдельвейса или белочками. Наташе приходится снова идти работать — разбивать потерявшие устойчивость части фасадов. Вокруг нее крутятся ребятишки, визжащие от радости, когда сверху летят большие куски штукатурки. «Может быть, там, внутри, замурованы их матери», — проносится у нее в голове. Люди тащат, подгоняя ударами кирок, несчастного, истекающего кровью мародера (ему уже отрубили в наказание руку) — тащат в берлинскую тюрьму «Моабит», где страшный палач неустанно рубит головы преступникам. В другом квартале, который пострадал меньше, Наташа замечает нескольких своих соотечественниц, молодых девушек, которые заняты тем, что вставляют оконные стекла. Она их окликает. Одна из девушек протягивает ей *Vollkornbrot*, краюху хлеба из муки грубого помола, кисловатого и черного, в котором попадаются целые зерна. Кроме такого хлеба всем, кто имеет при себе лопату, дают суп. Наташа, будучи фаталисткой, думает про себя: «С одной стороны — поднакопившие жирок раздатчицы супа; с другой — тощие женщины, у которых ничего в жизни не осталось, со своими мисочками, используемыми для чего угодно». Подкрепившись, но не утолив голода, — ей дали суп из кубика, заправленный манкой, — Наташа возвращается к себе в барак и съедает за один раз весь свой недельный

рацион: полторы буханки хлеба, три сантиметра фальшивой мортаделлы, 50 граммов маргарина, столовую ложку творога и столовую ложку химического конфитюра. Завтра будет новый день, и она как-нибудь выкрутится. Она проходит через свой индивидуальный апокалипсис с такой мудростью и таким упорством, какими в старину обладали только наемники.

Геббельс работает в министерстве пропаганды

В министерстве пропаганды все уже в курсе «истинных новостей». Во время одного из последних налетов на Берлин в море огня погибли 50 тысяч человек. Трупы невозможно отделить от расплавившегося асфальта. «Это была трагедия Геркуланума, тысячекратно умноженная и происшедшая за пять минут», — как выразился один журналист.

В госпиталях огромную помощь оказывают монахини, бесшумно скользящие по палатам и коридорам в своих белых головных уборах. «Одна из них, — сообщает некий врач, — поколотила гражданку, упавшую в обморок при виде больного с развороченным брюхом». Геббельс отодвигает донесения своих агентов. Положив локоть на сверкающую лакированную поверхность своего дубового стола, он пишет гусиным пером редакторскую передовицу для своей газеты «Рейх», выходящую теперь тиражом всего лишь в 10 тысяч экземпляров (распределяемых бесплатно). Он хорошо организовал эвакуацию женщин и стариков из Берлина. Он знает: очереди у цветочных магазинов в последнее время вновь появились потому, что стало очень много убитых, а для мертвых цветы покупают гораздо охотнее, чем для живых. Но, как бы то ни было, он наладил продуктивное снабжение города и даже вышел за пределы своей роли министра пропаганды, взяв на себя более практические функции столичного бургомистра. Он непрерывно ведет борьбу против Геринга и Гимmlера. И останется верным

фюреру, когда эти двое его предадут. Геббельс, движимый личной ненавистью, даже пытается несколько ограничить кипучую активность гестапо. Его собственная городская полиция, *шупо*, эсэсовцев не любит. Поэтому он, Геббельс, никак не отреагировал, когда увидел, как старухи бросают камни в проходящих мимо «черных берлинцев». Будучи «государственным президентом» (то есть бургомистром) Берлина, постепенно превращающегося в город руин и крыс, гаулейтер Геббельс (или, как его еще называют, «*гау*») прекрасно сознает, что ему не стоит вступать в конфронтацию со ста тысячами коренных берлинцев, уже дошедших до грани отчаяния. В то время как все вокруг впадают в безумие, Геббельс сохраняет олимпийское спокойствие. Для жителей столицы страх мало-помалу становится привычным состоянием. Геббельсу доносили, что, когда на Берлин упали первые бомбы, люди инстинктивно бросились в сторону леса. Теперь берлинцы «сбиваются в стаи» (это его выражение) в подземных бомбоубежищах, он же старается успокоить их своими бесчисленными статьями и радиовыступлениями: «Мы все находимся в одной лодке»; «мы сейчас переживаем трудный момент»; «давайте сохраним солидарность»... Он знает, что аргумент «В этом виноваты евреи» более не достигает цели, и все-таки время от времени прибегает к нему. Он остается верным обеим своим ролям — ответственно-го градоначальника и творца лжи.

«Молчание моря»

Юрген фон Браухич тоже вернулся из Франции и привез для своей бабушки алансонские кружева, а также «очень шикарное платье», выбранное по совету продавщицы из Фобур-Сент-Оноре. Французы, в нормандском замке которых он жил, плакали, когда с ним прощались. Старая хозяйка его благословила: «Да хранит вас Бог, вас и моего внука!» Ее внук уехал в Лондон. Маргарита, самая младшая в семье, не ска-

зала ничего. Она только прикусила нижнюю губку и протянула ему книгу, напечатанную на плохой бумаге (может быть, нелегально): «Молчание моря» Веркора¹. В своем автомобиле *feldgrau*, который вел его шофер Ганс, любивший «хорошие шутки», Юрген, не отрываясь, прочел этот текст — к большому неудовольствию Ганса. Юрген никогда не забудет своей целомудренной любви к этой французской девушке. И никому не расскажет то, что знает об «Атлантическом вале»², «через который они [союзники] обязательно прорвутся». Ему не нужно ни у кого спрашивать совета. Юрген, в отличие от многих других берлинских юношей, — не буржуа, не служащий и даже не выходец из старой прусской знати. Как бы серьезно он ни относился к своим семейным обязанностям, вернувшись в Берлин, он прежде всего хочет встретиться с Отто — художником, который стал на войне калекой, получив серьезные ранения обеих ног, и теперь работает в своей мастерской на Клостерштрассе. Отто, своему школьному и фронтовому товарищу, Юрген может рассказать все. Он показывает другу фотографию Маргариты и просит написать ее портрет. И в заключение говорит: «Франция — это античная Греция наших дней. Я наверняка никогда больше не увижу Маргариту!» — «Главное, сохрани память о ней в твоём сердце!» — сочувственно говорит Отто, провожая его до двери на своих костылях. Юрген бросает последний взгляд на жалкую фигуру друга и, неожиданно для самого себя, весело отвечает: «А может, и увижу — ведь любовь сильнее смерти!»

---

¹ Веркор (настоящее имя Жан Брюллер) — французский писатель и художник; после оккупации Франции вместе с П. де Лескюром основал в Париже подпольное «Полночное издательство», в котором в 1942 г. опубликовал свою повесть «Молчание моря», воспринятую как литературный манифест Сопротивления. (*Примеч. пер.*)

² Система долговременных оборонительных укреплений, создававшаяся немцами в 1940—1944 гг. вдоль Атлантического побережья Западной Европы (от Дании до Испании) для предотвращения вторжения англо-американских войск на континент. К лету 1944 г. строительство «Атлантического вала» не было закончено. (*Примеч. пер.*)

Март 1944 года, разговор двух военных. «Разве молодежь Германии менее революционна, чем повсюду в других странах? — спрашивает некий офицер. — А между тем мы плывем по течению, все время лавируя между войной с внешними врагами и войной гражданской». — «Это нормально, — отвечает его собеседник, — если учесть, что по продовольственным карточкам в месяц выдают всего 400 граммов мяса, 50 граммов зерна и 200 граммов хлеба». В одной из школ тренируются пятнадцатилетние мальчики. Унтер-офицер в черной униформе кричит: «Кто первым пойдет в атаку?!» Все в один голос отзываются: «Мы!» Вопрос эсэсовца явно провокационный. Тех, кто ответит неправильно или недостаточно быстро, он отправит в карцер, где они просидят целые сутки без еды и питья. «А по какой причине вы хотите идти в атаку первыми?» — «Чтобы умереть за фюрера!» Усы унтер-офицера СС едва заметно шевелятся, потому что он удовлетворенно улыбается. Вечером он скажет своей жене: «У нас еще остаются те, кому меньше двадцати лет; это очень важно».

Всех женщин уже мобилизовала Имперская служба труда. Элизабет, или Лиза, которая всегда так гордилась своими красивыми руками, теперь распиливает доски. «Ты помнишь, — обращается она к своей подруге, — год назад, в момент Сталинградской битвы, когда все вокруг начало рушиться, Гитлер решил выиграть “пропагандистскую кампанию”. Тогда именно пресса мобилизовала всю Германию. Победа в России, само собой, была представлена как подарок солдат к десятой годовщине прихода фюрера к власти! Теперь же высшее руководство ждет высадки союзников, а нам, простым смертным, талдычат: “Они не пройдут”». — «А между тем они уже идут», — отвечает подруга, и в ту же секунду начинают стрелять зенитные установки. Элизабет поднимает голову и смотрит на пролетающие в небе бомбардировщики. Уже несколько дней британские ВВС концентрируют свои действия исключительно на Берлине.

Русские, как кажется, подошли к Варшаве (судя по радиосообщениям). Жених Лизы Франц командует танковым подразделением в ближайших окрестностях Берлина. Когда Лиза заканчивает работу, он, в своем военном непромокаемом плаще, провожает ее до дома. «Все школы превращены в казармы, — говорит он с горечью. — Государство хочет поглотить всех парнишек до последнего. До девочек тоже доберутся — вот увидишь... Мальчиков младше двенадцати лет пока не трогают. Они просто смотрят, как старшие на занятиях по гимнастике карабкаются на стены. В городе страшная эпидемия дизентерии. Ты знаешь, какими побасенками развлекаются те, кто роет окопы в Восточной Пруссии? Они говорят, что русские возьмут эти окопы за две минуты десять секунд: две минуты им понадобится, чтобы совладать со своим смехом, а за оставшиеся десять секунд они спрыгнут вниз и все там почистят». — «Ты говоришь ужасные вещи, — возмущается Элизабет. — Тебя за это следовало бы расстрелять».

Урсула читает и делает записи в дневнике

Урсула возвращается из редакции пешком. Ее отпустили домой писать обзорную статью о моде — под грохот зениток и шум вражеских бомбардировщиков. По счастью, на Кудамме ей удастся остановить проезжающую мимо машину, и сидящий за рулем голландец из организации Тодта соглашается ее подвезти. Она молча смотрит в окно, на мелькающие витрины последних магазинов модной одежды. «Теперь женщины все равно не следят за собой, не делают ни педикюра, ни маникюра, ни приличных причесок, — усмехается голландец. — Это точно». Урсула вспоминает, что единственное свое вечернее платье в последний раз надевала, чтобы пойти в гости к Дитеру и Николасу. Дитер уже погиб на фронте, а следы Николаса затерялись в подвалах гестапо. Машина пересекает полосу руин и останавливается перед неповрежденным крылом ее дома. Туда пришлось перета-

щить всю мебель. Урсула, поудобнее устроившись на кровати и закутавшись в одеяло, читает «Жалость к женщинам» Монтерлана. «Подумать только, — недовольно бормочет она, — этот болван Монтерлан полагал, что все женщины мечтают только об одном — о замужестве!» Она захлопывает книгу, предварительно заложив страницу открыткой, которую получила из Любека, еще до того, как этот город был разрушен. Потом пишет в своем дневнике: «Мы с Эльзой пошли навестить и утешить фрау Хеффнер, которая сидит в полном одиночестве среди любимых книг: Рильке и Гёльдерлина. Она больше не может выходить на улицу, но все равно так и светится спокойствием». Урсула облизывает кончик карандаша и продолжает: «На похоронах фельдмаршала фон Хаммерштейна¹ присутствовали несколько сот человек. После 1934 года многие возлагали на него надежды, думали, что именно он справится со “свиньей”. “Напасть на Россию — значит проиграть войну” — так он говорил. Мне довелось видеть, как он — в охотничьем костюме, в маленькой зеленой шляпе с кисточкой — стрелял в кабана. Последний совет, который он мне дал, звучал так: “Внученька, настоящий берлинец должен всегда сохранять свой критический ум и свободный дух»». Подумав, Урсула добавляет: «Я последую этому совету». Тетрадь уже почти закончилась, и Урсула, чтобы заполнить оставшуюся страницу, пишет еще, что последняя запись сделана 19 апреля 1944 года, накануне дня рождения Гитлера: «никто не собирается отмечать эту дату, кроме, разве что, американских бомбардировщиков, впервые участвующих в воздушном налете вместе с англичанами. Как все это не похоже на пятидесятилетие Гитлера, которое праздновалось в 1939 году! Я тогда стояла в толпе на Вильгельмплац², люди молча стояли с не-

---

¹ Генерал-полковник Курт фон Хаммерштейн-Экворд, в конце жизни занимавший пост командующего 8-м военным округом (Бреслау), скоропостижно скончался в Берлине в апреле 1943 г. (*Примеч. пер.*)

² Все таксисты еще в 1984 г. называли пространство вокруг Бранденбургских ворот «Вильгельмплац».

проницаемыми лицами, и только какая-то почтальонша плакала. Из боковой двери рейхсканцелярии вышел Аттолико, итальянский посол, — очень бледный, чем-то сильно раздосадованный. Одиноким голос выкрикивал в темноте: «Хотим парламентскую демократию!» Эсэсовцы тщетно пытались отыскать смутьяна». Урсула зевает и сама расстилает постель. Толстая Ольга, ее горничная-украинка, уехала в Потсдам с отцом. В убежище внизу сидит только тот самый портье, ожидающий чего-то хорошего от прихода русских. Чтобы поскорее заснуть, Урсула берет книгу Ортеги-и-Гассета. «На моем столе, — педантично отметит она на следующий день в своей новой дневниковой тетради, — лежит вторая книга: «Восстание масс и демистификация Гитлера»! Но из-за нее у меня бессонница».

Репортаж о жизни рабочих

«Весна, несмотря ни на что, все-таки наступила», — удивленно констатирует Эльза. Она едет, чтобы написать репортаж, на завод точных приборов (на Брунненштрассе), завод концерна АЭГ¹, где работают одни немцы. Вокруг завода вырыты траншеи, в которых во время бомбежек прячутся люди. «Эти рабочие живут лучше, чем мы», — думает Эльза во время посещения санчасти, где лежат беременные и больные женщины. Ее уверяют, что в определенных случаях работницам сборочного цеха разрешается покидать завод и выполнять свою норму, находясь в убежище. Здесь, где изготавливаются сложные детали для радаров и разного рода вооружения, в столовых каждый день выдают немного сыра и колбасы, масла и хлеба — паек, который «можно взять с собой домой». Если учесть, что по утрам на рабочем месте все получают по чашке эрзац-кофе, а в полдень — суп, то жить вполне можно. Перед тем как лечь спать,

---

¹ Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft (Всеобщая электротехническая компания). (Примеч. пер.)

рабочие с завода точных приборов, как и большинство берлинцев, делают себе *Butterbrot* — бутерброд с мортаделлой или плавленым сыром — и кроме того съедают яблоко.

Дома, закончив статью и дожевав свое яблоко, Эльза вспоминает, сколько она написала «патриотических» очерков о немецких солдатах, которые несут свою вахту повсюду — от Северного полюса до африканских пальмовых рощ, и думает: «Как беспечно мы прожигаем собственную жизнь!» «Уже видна сеть, которая нас накроет», — говорит ее шеф, начальник отдела внутренней информации. Два ее брата, закончившие Французский лицей в Берлине, погибли на фронте; Эльза бережно хранит их письма, написанные в траншеях, на грязных клочках бумаги, и извещения о смерти. Все работницы, с которыми она сегодня встречалась, пережили аналогичные драмы — даже те, кто никогда не держал в руках листовки о Хансе и Софии Шолль. В прессе сейчас много пишут о ракетах, изобретенных фон Брауном. Но если они действительно могут уничтожить всех противников рейха, то почему до сих пор бездействуют? Миллионы работниц Большого Берлина, как коренные немки, так и иностранки, не задаются подобными вопросами. Они просто стараются отоспаться, когда появляется такая возможность. Эльза тоже выключает лампу. Во мраке подвала она слышит — между двумя ударами бомб — тиканье будильника. Она жалеет, что во время своего визита на завод не посетила «иммигрантов», военнопленных, иностранных рабочих-«добровольцев», которые трудятся во «второсортных» цехах, а не в мастерских и лабораториях. Но, впрочем, такие встречи запрещены.

Первое мая 1944 года

От Клостерштрассе, которая в двадцатые и тридцатые годы была своего рода берлинским Монпарнасом, почти ничего не осталось. Несколько журнальных листов из «Сигнала» в этот первомайский день си-

дят за столиком уличного кафе, под ярким солнцем. «Это уже не похоже на праздник немецкого народа», — ухмыляется один из военных корреспондентов, одетый в форму вермахта. Его коллега читает статью Эльзы об инженерах из концерна АЭГ. Он отрывается от газеты и говорит: «Она бессовестно врет, как и все мы! Рабочие Германии уже дозрели до того, чтобы принять совершенно новый конституционный режим. Даже берлинские астрологи предрекают *“возвращение к монархии, которое произойдет еще до конца нынешнего года”*». — «А разве ты не слышал, как рабочие, и служащие, и все гражданские вопили от радости 18 февраля 1943 года, всего 15 месяцев назад, во Дворце спорта?» — «Почему же, слышал, — отвечает тот, кого перебили. — Я там был. Геббельс тогда спросил: “Хотите ли вы тотальной войны?” Толпа заревела: “Да!” — “Готовы ли вы умереть?” Толпа вновь закричала: “Да!” Признаюсь, я сам тогда пришел в такое возбуждение, что кричал вместе со всеми. На меня подействовал наркотик гитлеризма. Мы проглотили все, что нам хотели внушить, — даже байку о евреях, будто бы виновных в том, что на нас сбрасывают бомбы. На самом деле — Бог мой! — англичане нам мстят за то, что мы в 1941 году первыми начали “битву за Англию!”» — «И что же ты делаешь теперь?» — «Потихоньку прикапливаю бензин и ручные гранаты». — «Готовишься встречать русских?» — «А почему бы и нет?» Последняя фраза произносится с особой берлинской интонацией, и все смеются. Хозяин кафе приносит пиво. Журналисты чокаются толстыми пивными стаканами.

Последние скачки

В замке Нойхарденберг, в ста километрах от Берлина, залы обставлены старинной мебелью, на стенах висят гобелены. За спинами приглашенных, сидящих за столом, лакеи в париках держат зажженные канделябры. Можно ли поверить, что старая до-

брая Германия еще существует вне пределов разрушенных городов? Гости разговаривают о последних скачках на берлинском ипподроме, в Хопсенгартене. Красивая австрийка, недавно ставшая графиней, предлагает всем завтра, в воскресенье, отправиться на бега, но ее идея не находит поддержки. «Я понимаю, это немного грустно — смотреть на трибуны, заполненные калеками», — говорит после паузы графиня. И переводит разговор на другую тему: «Вы замечали, что повсюду в Германии выстраиваются очереди перед киосками “Тоталото” (лотереи)?» Ее муж, хозяин дома, еще недавно занимал в Вене пост министра. Он говорит, что вовсе не Геринг, а Винер, бывший бургомистр Вены, ставший нацистом задолго до аншлюса, первым сказал молодому Гитлеру: «Это я решаю, кто еврей, а кто нет». Берлинцы, присутствующие на обеде, с беспокойством думают о том, что не позднее чем через 48 часов им придется вернуться в ад. Приглашение на этот (может быть, последний в их жизни) уик-энд — редкая удача, пренебрегать которой было бы глупо. О продлении продовольственных карточек они позаботятся позже. Бывший венский министр переходит на нудно-торжественный тон: «Мы, как говорит фюрер, переживаем период, который является ядром Прометеевой эпохи». В этот момент каждый из его гостей-берлинцев думает о том, как будет возвращаться на поезде в столицу, возможно, именно во время воздушного налета. Вместо того, чтобы, наоборот, переждать бомбардировку за городом... Этим вечером все гости замка Нойхарденберг в глубине души надеются на то, что им предложат остаться здесь на ночь. Но их ожидания не оправдываются.

В отеле «Адлон»

Урсула обедает в «Адлоне» с Бернхардом, красивым тридцатилетним офицером, проводящим в Берлине свой отпуск. Они развлекаются, наблюдая

исподтишка за увешанными орденами нацистскими бонзами. Здесь еще можно встретить знаменитых актеров, проституток высшего класса, дипломатов. В холле деловые люди (узнаваемые по толстым портфелям из свиной кожи) — неужели такие еще не перевелись? — о чем-то оживленно беседуют, дымя толстыми сигарами. Управляющий отелем говорит им, что Берлин превратился в почти исключительно мужской город: «Правда, на наше счастье, еще осталось несколько актрис со студии УФА и танцовщицы из шикарного кабаре “Кокотка”». Урсула сегодня надела свое единственное вечернее платье. Она выпивает у стойки бара джин с тоником, вслушиваясь в тихую мелодию пластинки Коула Портера¹. Бармен в белой куртке возится со своими шейкерами и палочками из слоновой кости, подает клиентам блюдца с чипсами и жареным миндалем. Можно подумать, что война по какой-то таинственной причине еще не докатилась до «Адлона». Наверное, союзники щадят этот престижный отель. Здесь даже эсэсовцев не так много. Урсуле вспоминается *Remde's Sankt Pauli* — другой очень элегантный бар, где тоже до пяти часов утра звучат чарльстоны, танго, ламбет-уолксы.

Пока Урсула и Бернхард обедают за маленьким столиком, уютно освещаемым лампой под розовым абажуром, к ним подходит швейцарский дипломат и приглашает зайти завтра в его посольство. «К сожалению, я не смогу», — сухо отвечает Бернхард. Урсула удивлена. «Дело в том, — объясняет ей ее друг, когда дипломат удаляется, — что за всеми, кто контактирует со швейцарцами, ведется слежка и рано или поздно их арестовывают. Здесь же, в “Адлоне”, пока безопасно». Он снова становится любезным и, более того, нежным: «Как мне нравятся эти клипсы на твоих обожаемых ушках!» — «У меня есть три пары: одна — из Парижа (ее я и выбрала для сегодняшнего вечера),

---

¹ Коул Алберт Портер (1893—1964) — американский композитор, автор мюзиклов, музыки к театральным постановкам, песен. (Примеч. пер.)

другая — из Рима и третья — из Будапешта». Вилли, метрдотель, приближается к столику и спрашивает, всем ли они довольны. «В эти предзакатные дни царит какая-то странная атмосфера, — вдруг говорит он. — Особенно с тех пор, как важные господа стали строить для себя персональные бункеры на случай наступления *часа фантомов*». И, наклонившись пониже, добавляет конфиденциально: «В этих убежищах, под девятью метрами бетона, можно ощущать себя в полной безопасности — не нервничать, спокойно спать». «Увы, — отвечает молодая женщина, — нам с вами наверняка не придется воспользоваться этими преимуществами».

Тигры убежали из зоопарка

Теперь видно, что Урсула наконец расслабилась: она упоминает о Пикассо — художнике, которого любит не меньше, чем Матисса, — и все мужчины вокруг с удовольствием на нее поглядывают. «У меня дома приходится непрерывно тушить зажигательные бомбы, *Phosphorblättchen*. Охота за этими “огненными листочками” чрезвычайно утомительна». — «Это новое изобретение англичан, — комментирует ее жалобу Бернхард. — Их удобнее гасить с помощью песка». И неожиданно добавляет: «Сегодня утром союзники высадились в Нормандии»¹. Молодая женщина, уже слегка захмелевшая, не сразу осознает смысл его слов. Теперь она увлеченно рассказывает о недавнем пожаре в берлинском зоопарке, о том, как вырвавшиеся на волю тигры скачками — будто на охоте — неслись вслед за антилопами, одна из которых горела живьем, вся охваченная зеленым фосфорным пламенем. Один слон погиб. «*Prost!*» («Твое здоровье!») — Бернхард в последний раз поднимает бокал и смотрит на часы. Ровно через час ему надо ехать во Францию.

---

¹ Следовательно, разговор в ресторане происходит 6 июня 1944 г. (*Примеч. пер.*).

Живой современник короля Фридриха

По пути к дому Урсулы Бернхард вдруг резко притормаживает автомобиль, потому что дорогу ему преграждает старушка, скрестившая перед собой вытянутые руки. Это фрау Крюгер, консьержка из особняка Венделя, где только что начался пожар. Она говорит, что ее господин, которому уже исполнилось 100 лет, лежит у себя в спальне, на первом этаже. Со всех сторон сбегаются люди, зажигательную бомбу, попавшую на лестничную площадку, удастся погасить. Дверь комнаты хозяина дома наконец открывают! Комната обставлена драгоценной старинной мебелью, а сам старый граф встречает неожиданных гостей в парике и шелковом шлафроке. Голова у него ясная, но колени подгибаются. «Я удручен, что не могу оказать вам лучший прием», — говорит он Бернхарду на изысканном французском. Потом — после того, как Урсула ему представилась, — обращается к ней: «Когда я служил при дворе, я знал вашего прапрадедушку Савиньи». И добавляет: «С 1933 года я веду жизнь затворника, ни на минуту не покидая моего особняка». Эту живую мумию выносят из дома на носилках. По пути он старается каждому сказать какую-то любезность, как если бы был дипломатом. «Куда вы уезжаете, полковник?» — спрашивает он Бернхарда, желая дать понять, что еще не забыл знаки воинских отличий. «В Нормандию, с моей бронетанковой частью». — «Вы хотите сказать, с вашими кирасирами?» — переспрашивает старик, не поняв нового для него слова *blindés*... Он умрет очень скоро, в том же июне 1944 года, от сердечного приступа, — среди незнакомого ему, грязного и задымленного Берлина.

KRIEGSENDE, КОНЕЦ ВОЙНЫ

Атлантика уже фактически принадлежит союзникам. За три первых месяца 1944 года миллионы американцев на английской земле построили для себя 3400 судов. Из новых кораблей немцам удалось потопить только три. Соединенное королевство на глазах меняет свой облик. Все это говорит о том, что планируемая высадка союзников, от которой зависит исход войны, имеет серьезные шансы на успех. Главный фактор, делающий такой успех возможным, — упорное сопротивление русских, которое приковывает к Восточному фронту миллионы немецких солдат. Командование вооруженных сил рейха решает бросить на оборону морских рубежей одновременно 200 тысяч солдат — как авангард экспедиционного корпуса в шесть миллионов человек, за которым последуют тысячи самолетов и военных судов (эти данные приводятся по отчету абвера, впоследствии они подтверждаются). Рейх пока еще располагает необходимыми средствами для осуществления такой операции. Десять миллионов немецких солдат превосходно вооружены. Если исторические памятники Берлина почти полностью уничтожены, то столичные военные заводы не только не пострадали, но даже увеличили выпуск своей продукции с 865 тысяч до 2 миллионов 250 тысяч тонн. Немецкие танки превосходят по

своим качествам аналогичные боевые машины союзников, уступая лишь советским «Т-34». За фасадом вермахта скрывается не только вся индустриальная база милитаризированного рейха: на него трудятся и 500 миллионов европейских рабочих. Европейцы также сражаются на стороне нацистов в рядах специальных дивизий «Викинг», «Нордланд», «Шарлемань»¹ и пр. Русские, украинцы, французы, датчане, норвежцы, шведы, испанцы, швейцарцы и даже британцы умирают во имя «Европы, объединившейся против большевизма», на пространстве от русской границы до Берлина, тогда как чисто немецкая армия держит линию обороны от Норвегии до Испании. Наконец, в запасе у рейха еще имеется арсенал нового, пока не применявшегося оружия. Эйзенхауэр потом напишет в своих «Мемуарах», в разделе, посвященном высадке союзников: «Если бы немцы сумели на шесть месяцев раньше ввести в употребление свои Фау-1 и Фау-2, высадка провалилась бы и мы бы проиграли великую битву за Европу».

Der Blutsauger, «вампир»

Гражданское население столицы, измученное «битвой за Берлин», которая длится непрерывно с конца 1943 года, весьма скептически относится к возможности победы рейха. Берлинцам уже грезят-

---

¹ Пятая танковая дивизия «Викинг» — одна из лучших дивизий СС, в рядах которой служили не только немцы, но и голландцы, датчане, норвежцы, фламандцы и немцы из Балканских стран. Была сформирована в мае 1940 г., в 1943 г. сыграла важную роль в немецком наступлении под Курском, в 1945 г. принимала участие в последних боях за Вену.

Одиннадцатая добровольческая панцер-гренадерская дивизия «Нордланд» была создана в феврале 1943 г. как интернациональная дивизия, укомплектованная и руководимая иностранными добровольцами. В ней служили датчане, голландцы, норвежцы, эстонцы, финны, французы, шведы, швейцарцы и даже англичане. Сражалась на Восточном фронте в составе группы армий «Север», была уничтожена в апреле-мае 1945 г. в боях за Берлин.

Тридцать третья гренадерская дивизия СС «Шарлемань» была сформирована зимой 1944/45 г. из французских добровольцев и солдат из французских колоний. Сражалась в Померании и Берлине. (Примеч. пер.)

ся *Invasion und Vergeltung*, «вторжение и возмездие» (союзных армий). Их преследуют страх перед гестапо, ужас перед падающими английскими бомбами и навязчивые мысли о неизбежном приходе русских. Времена, когда берлинцы доверяли своему гаулейтеру Геббельсу, отошли в прошлое. Теперь он для них не более чем огородное пугало. Жители Берлина и его окрестностей самовольно убивают попавших им в руки английских авиаторов, ругают американцев, инстинктивно ненавидят большевиков, но при этом знают, что вовсе не русские разрушают камень за камнем их исторический город (хотя, по мнению многих, именно русские в конце концов выиграют войну). Всеобщий гнев концентрируется на человеке, которого еще недавно называли «любимым фюрером», *баумейстером* (зодчим), а теперь все чаще и чаще именуют *блутзаугером* (вампиром)! Новое прозвище восходит к реплике некоего журналиста, который, просматривая в газете страницы с извещениями о погибших на фронте, выразился по этому поводу так: «Фюрер питается кровью солдат, наших сыновей». Берлинские заводы, изготавливавшие угольные брикеты, уничтожены — как и большие радары, как и центральный пункт противовоздушной обороны. В последнем коммюнике вермахта прямо говорится: «Бомбардировка Берлина есть прелюдия к вторжению». На министерство Геринга упало 11 бомб. Люди сгорают живыми на станциях метро. На бывшей Гогенцоллерндамм, переименованной в Граф-фон-Шпее-Аллее, остался неразрушенным всего один дом. Лейпцигерштрассе, в недавнем прошлом чуть ли не самая оживленная из берлинских улиц, превратилась в зияющий кратер. Во время бомбежек там прячутся люди — «как в 1914—1918 годах прятались в траншеях», по замечанию одного ветерана. Здание редакции газеты «Фёлькишер беобахтер» окружено легким ограждением с пояснительными надписями: «*Achtung! Blindgänger!*», «Осторожно! Неразорвавшийся снаряд!» Один служащий обнаружил на своей пишущей машинке оторванную по локоть ру-

ку английского пилота — розовую руку с растопыренными пальцами, в совершенно целом рукаве. Это произошло в редакции «Ангриффа», другой нацистской газеты, где во время налета во всех помещениях выбило стекла. В результате «ковровой бомбардировки» Французского собора погибли все верующие, присутствовавшие в тот момент на службе. ОТЕЛЬ «Кемпински» был разнесен на куски. В одном из его боковых коридоров, уже добела раскаленном, оставшиеся в живых люди в течение нескольких секунд, пока не прервалась телефонная связь, напрасно умоляли, чтобы в них выстрелили из пушки и таким образом избавили от мучительной агонии. Около «Адлона» полицейские разгоняют толпу, пытающуюся прорваться в бомбоубежище отеля. Этот бункер, как и сам отель, предназначен исключительно для высших чиновников и иностранцев. Едва кончается одна воздушная тревога, начинается вторая, затем третья. Однако грабежей в городе нет. Во-первых, берлинцам не свойственно стремление воспользоваться чужой бедой. А во-вторых, зачем, ради чего они стали бы грабить? В нынешние времена многие, напротив, проматывают все, что имеют. Геббельс предал широкой огласке следующее высказывание Сталина: «Зверь смертельно ранен, но еще опасен. Он должен быть добит в собственном логове». Воспринимают ли берлинцы Сталина как кошмар? Возможно, они будут его так воспринимать завтра, но сегодня, сейчас реальным кошмаром для них является Гитлер — *Blutsauger*, «вампир».

Последний спектакль в «Театре Розы»

В западной части города, в зажиточных кварталах, люди по ночам танцуют в подвалах, чтобы не думать, как чувствуют себя во время обстрела те, кто живет на верхних этажах. Никогда прежде публика не прочитывала с таким упоением литературные странички газет. Некий анонимный автор, взявший

себе французский псевдоним «Жан Поль», сочиняет «романы плаща и шпаги», которые издаются сказочными тиражами. Критики подробно комментируют игру актрисы и ее партнера, исполняющих главные роли в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь». Лейпцигерштрассе полностью разрушена, однако выступления обнаженных танцовщиц, шансонье, мимов продолжают в «ложах консьержек» — в уцелевших помещениях цокольных этажей жилых домов. Весной и в начале лета 1944 года сыро и очень холодно — шансонье пустили в обиход словечко *Führerwetter*, «фюрерова погодка». Непрерывный вой сирен ПВО острословы сравнивают с иерихонскими трубами, возвещающими, как говорят эти шутники, скорое падение «Атлантического вала». Геббельс не обращает внимания на подобную пораженческую болтовню, даже эсэсовцев в городе почти не видно — по крайней мере, в общественных местах. Правда, члены группы Тадден¹ (17 человек) были без большого шума арестованы и исчезли в пыточных подвалах гестапо. Гестапо действует почти наугад, будто играет в «русскую рулетку», — хватается кого попало для острастки остальных недовольных. Трудно бороться с фрондирующими берлинцами, которые часто не имеют постоянного пристанища и кочуют с чемоданчиками в руках от одного приятеля к другому. Рабочие, которые плохо питаются и зарабатывают одну марку в месяц, вынуждены работать даже во время налетов. Тем не менее они покупают за пять марок годовой абонемент и ходят в «Театр Розы» на Франкфуртер Аллее, где еще идет спектакль «Мисс Сара Самсон». Многие рабочие, мелкие буржуа, коммерсанты охотно посещают этот скромный зал с обветшавшими ложами и шаткими позолоченными креслами. Там ставят Гауптмана, Шиллера. Актеры живут и спят вместе, в маленькой комнатке при театре, все удобства которой ограничивают-

---

¹ Элизабет фон Тадден (1890—1944) — протестантка, участница антигитлеровского движения. 10 сентября 1943 г. была по доносу арестована гестапо и 8 сентября 1944 г. казнена. (*Примеч. пер.*)

ся наличием кофейника. «В нашем, нам принадлежащем Берлине, — говорит актер Карл Мейкснер, — не должно быть никакого китча, никакого дурного вкуса». В антрактах, в курительной комнате, маленький оркестр, состоящий из пожилых и усталых музыкантов, играет вальсы. У зрителей сутулые спины и бледные лица, и все же, собираясь в театр, они считают своим долгом надеть приличный пиджак и галстук. У многих между коленями зажаты маленькие чемоданчики. Берлин доживает свои последние дни, и в нем много одиноких мужчин — тех, кто отослал свои семьи куда-нибудь в деревню, для безопасности, и теперь зачастил к проституткам. В убежищах скапливается столько народу, что иногда там можно сидеть только по очереди — по 20 минут. И все-таки люди еще сохраняют достоинство и ведут себя соответствующим образом. «Самолеты не сбрасывают бомбы на Вильгельмштрассе и рейхсканцелярию: можно подумать, будто союзники больше щадят нацистов, нежели их противников» (Штауфенберг).

Сад дьявола

«Гитлер еще имеет шансы на победу», — заявил Черчилль. Сейчас все в Германии — в том числе абвер и генералы «Черной капеллы» — полны решимости любой ценой воспрепятствовать вторжению союзников. Роммель и Рундштедт занимаются укреплением «Атлантического вала», втайне рассчитывая на то, что после поражения англо-американцев Роммель встанет во главе нового рейха. Роммеля очень уважают на Западе, и ему будет удобнее, чем другим генералам, вести переговоры с союзниками о послевоенном *modus vivendi*. Однако пока хозяином Германии остается Гитлер — так считают и Черчилль, и Рузвельт, и Сталин. Значит, все средства, которыми располагают разведывательные службы Великобритании и других стран, должны быть направлены на то, чтобы дезинформировать

фюрера. Нужно внушить ему чувство неуверенности, чтобы он не знал, какой из фронтов ему необходимо укрепить в первую очередь. Его нужно убедить в том, что базами для наступления союзников могут стать и Шотландия, и Норвегия, и Нидерланды, и юг Бретани, и Балканы и что в первую очередь ему следует опасаться за Па-де-Кале и бельгийское побережье. Роммель устроил с германской стороны «Атлантического вала» настоящий «сад дьявола», а Рундштедт, хотя и не верит в возможность победы Германии, готов в день «J» выступить против агрессора со своими пятью армиями (1 миллион 500 тысяч чел.), в составе которых находятся десять танковых и две десантные дивизии, 17 элитных пехотных корпусов, 300 тысяч эсэсовцев и пр. И Рундштедт, и Черчилль знают, что, если наступление союзников и на этот раз будет отброшено, им — союзникам — не хватит сил для третьей попытки. Спецслужбы Лондона разработали план *Bodyguard*, рассчитанный на то, чтобы сбить немцев с толку, помешать им вовремя принять ответные меры. Им удается постепенно убедить фюрера в том, что высадка пятидесяти дивизий в Нормандии — очень сложная операция, которая не сможет начаться раньше июля; что она будет сопровождаться одновременным наступлением англичан, американцев и русских в Норвегии, Средиземноморье, Греции, Румынии, Триесте, к северу от Рима. Русские якобы собираются атаковать на Востоке, и потому фюреру не следует оголять Восточный фронт. В действительности высадка в Нормандии произошла 6 июня 1944 года, и союзников не встретила мощная и компактная группировка нацистских войск, которая могла бы отбросить их в море, как это случилось в Дьепе. В тот день из 302 немецких дивизий 179 находились на Восточном фронте, 22 — в Италии, 16 — в Норвегии, 59 — во Франции. Гитлер тщательно сопоставлял и учитывал все данные, однако не смог проникнуть в секреты плана *Bodyguard*, осуществлявшегося с помощью машины «Ультра», и операции «Сюзерен» (высадки в Нормандии). Битву в Нормандии

Гитлер проиграл — это была вторая (после Сталинграда) решающая победа союзников. Немцам пришлось отступить, чтобы их армия не оказалась разрезанной надвое. Они потеряли на Западе 200 тысяч человек. И столкнулись с упорным сопротивлением французов, даже с новой французской армией, сражавшейся на стороне союзников в Нормандии (Леклерк¹) и на юге страны (Латр де Тассиньи²). Гитлер, будучи превосходным стратегом, задумал превратить Париж в новый Сталинград³. Однако фон Хольтиц⁴, командующий вермахтом в районе Большого Парижа, через посредство шведского консула Нордлинга вступил в переговоры с союзниками и с парижанами — участниками Сопротивления, сыгравшими решающую роль в освобождении французской столицы. Военные действия очень быстро переместились на немецкую землю. В Берлине Штауфенберг уже разыгрывал свою шахматную партию. Он был не камикадзе, а потомственным прусским аристократом с чрезвычайно вы-

---

¹ Филипп Мари Леклерк (1902—1947), настоящая фамилия де Отклок, — губернатор французского Камеруна и командующий войсками «Свободной Франции» в Экваториальной Африке. Эти войска, реорганизованные во 2-ю французскую бронетанковую дивизию, под командованием Леклерка участвовали в освобождении Туниса (март—май 1943), в Нормандской операции 1944 г. и освобождении Франции. 24 августа 1944 г. дивизия Леклерка первой вошла в Париж. *(Примеч. пер.)*

² Жан Мари Габриэль де Латр де Тассиньи (1889—1952) в 1942 г. бежал из оккупированной Франции в Северную Африку и вступил в ряды «Сражающейся Франции», в сентябре 1943 г. был назначен главнокомандующим ее войсками. С июня 1944 г. командовал 1-й французской армией, высадившейся в августе 1944 г. в Южной Франции, а затем прошедшей с боями через Южную Германию. 8 мая 1945 г. от имени Франции подписал в Берлине акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. *(Примеч. пер.)*

³ Гитлер отдал приказ при угрозе капитуляции уничтожить город. *(Примеч. пер.)*

⁴ Дитрих Гуго Герман фон Хольтиц (1894—1966) — генерал от инфантерии (с 1944 г.), был назначен на пост командующего вермахтом в районе Большого Парижа в августе 1944 г., после неудавшейся попытки военного переворота во Франции. Получил от Гитлера приказ при угрозе капитуляции уничтожить город, но 28 августа капитулировал (вместе с 20-тысячным гарнизоном) перед войсками союзников, был взят в плен и помещен во французский лагерь военнопленных. В 1947 г. освобожден и вернулся в Германию. *(Примеч. пер.)*

сокими умственными способностями. И тем не менее решил, что, поскольку обстоятельства того требуют, сам подложит бомбу под ноги фюреру. Но когда именно настанет подходящий момент? Пока Париж оставался оккупированным немцами.

Штауфенберг за работой

Тридцатисемилетний Штауфенберг¹, ставший на войне калекой, доживает свои последние дни на окраине Берлина, подготавливая антигитлеровский заговор вместе со своим братом² и Вернером Хефтенном³, уже давно занимающимся подпольной деятельностью. Все фельдмаршалы, кроме Кейтеля, настроены против фюрера, но не могут прийти к согласию относительно метода его устранения. Гитлер решил уступить часть своей власти Манштейну⁴ и в феврале 1943 года предоставил ему полную свободу действий, благодаря чему немцы смогли взять Харьков. Клюге, участник неудавшегося смоленского заговора, добился от фюрера приказа об отступлении на центральном участке фронта. Однако военачальники никак не соберутся выступить согласованно,

---

¹ Клаус Шенк фон Штауфенберг (1907—1944) был офицером Баварского кавалерийского полка, служил в Польше, Франции и Северной Африке. В Тунисе получил тяжелейшее ранение, в результате которого лишился левого глаза, правой руки, покалечил ногу. В январе 1944 г. стал начальником штаба Резервной армии. *(Примеч. пер.)*

² Бертольд фон Штауфенбергом (1904—1944), военным юристом. *(Примеч. пер.)*

³ Вернер фон Хефтен (1908—1944) — обер-лейтенант, племянник генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, в 1943 г. был прикомандирован к Общему управлению Главного командования сухопутных войск, один из самых активных заговорщиков. *(Примеч. пер.)*

⁴ Эрих Фриц фон Манштейн (1887—1973) — участник Первой мировой войны, в 1931—1932 гг. проходил переподготовку в Москве и Ленинграде. Один из вдохновителей и исполнителей плана «молниеносной войны» против Франции в 1940 г.; генерал-фельдмаршал (с 1942 г.); с 1943-го по март 1944 г. командовал группой армий «Юг», потом был отстранен от командования. По мнению военных историков, а также большинства сослуживцев, Манштейн — самый талантливый командир германской армии периода Второй мировой войны. *(Примеч. пер.)*

произвести «коллективный демарш». Большинство из них (но далеко не все) сходятся на том, что у них есть две общие цели: 1) вбить клин между Россией и Европой; 2) договориться с англичанами, чтобы те перестали бомбить немецкие города, и прежде всего Берлин. Именно в Берлине, в военном министерстве, в отсутствие фюрера и Кейтеля и в тайне от Геббельса, заговорщики готовят покушение, которое запланировано на 20 июля 1944 года. Из Берлина Гёрделер¹ пишет о планах заговора фельдмаршалу Клюге. Однако письмо не придет к адресату. И фон Клюге, и фон Рундштедта гестаповцы практически изолировали от внешних контактов. Но в Берлине, как полагают заговорщики, еще можно действовать, объединяясь вокруг Ольбрихта² (победителя Польши и бывшего шефа разведки) и пылкого фон Штауфенберга, потомка графов фон Гнейзенау, близкого друга всех фельдмаршалов, в том числе и влиятельного фон Бокка. «Черной капелле» понадобилось два года, чтобы склонить на свою сторону фон Штауфенберга, человека «чрезвычайно одаренного» (Ольбрихт). Зарекомендовав себя блестящим военным в Польше, во Франции, в Африканском корпусе, Штауфенберг затем потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. И этот калека решился перейти к непосредственным действиям в момент, когда многие другие влиятельные лица еще колебались. Гизевинус написал о нем: «Этот деятельный, холодный и ироничный человек не желал, чтобы Гитлер ввергнул армию в катастрофу». Целлер дополняет эту характеристику: «Он

---

¹ Карл Фридрих Гёрделер (1884—1945) — государственный деятель, один из руководителей заговора против Гитлера; при составлении заговорщиками списка будущего правительства планировался на пост канцлера, однако против его кандидатуры выступили К. фон Штауфенберг и другие. *(Примеч. пер.)*

² Фридрих Ольбрихт (1888—1944) — участник Первой мировой войны; после демобилизации служил в отделе «Иностранные армии» (разведка) военного министерства. За участие в Польской кампании был награжден Рыцарским крестом. С 1940 г. — пехотный генерал, заместитель командующего Резервной армией генерала Ф. Фромма и начальник Общего управления Главного командования сухопутных войск. Ведал снабжением войск и армии резерва. *(Примеч. пер.)*

[Штауфенберг] хотел воспользоваться всеобщим потрясением, которое будет вызвано смертью Гитлера, чтобы попытаться обновить само государство».

Гудериан встречается с Геббельсом

С этого момента полковник Штауфенберг начинает обсуждать с Ольбрихтом, Бекем¹, Гёрделером, Хасселем², Попицем³ (имперским комиссаром прусского министерства финансов) состав предполагаемого нового правительства. Каждый из генералов хочет обеспечить себе место на будущее. Группы заговорщиков имеются и на Востоке, а не только в Берлине. «Второе сердце» заговора генералов — Париж. Как отмечает в своем дневнике писатель Эрнст Юнгер⁴, в период оккупации Парижа «Отель Мажестик», «Георг V» и многие другие столичные отели и рестораны были излюбленными местами встреч заговорщиков. До поры до времени никто не решался вступить в открытую борьбу с гестапо. Однако с 1943 года Париж и Сен-Жермен-де-Лайе превращаются в подлинный центр заговора, в котором участвуют многие влиятельные лица вермахта. Заговорщики совершают конные прогулки в Булонском лесу и попутно разрабатывают свои планы. А потом обедают в городе вме-

---

¹ Людвиг Бек (1880—1944) — генерал-полковник (с 1938 г.), в 1938 г. отправлен в отставку. Заговорщики прочили его на пост временного главы государства. *(Примеч. пер.)*

² В 1943 г. Ульрих Кристиан Хассель вышел в отставку с государственной службы и стал сотрудником Института экономического развития (Берлин). Заговорщики очень рассчитывали на его зарубежные связи. *(Примеч. пер.)*

³ Йоханес Попиц (1884—1945) считался крупным специалистом в области финансов, был сторонником реставрации монархии. Летом 1943 г. от имени заговорщиков вел переговоры с Г. Гиммлером, предлагая ему поддержать переворот, но Гиммлер от ответа уклонился. *(Примеч. пер.)*

⁴ Эрнст Юнгер (1895—1990) — немецкий писатель, участвовал добровольцем в Первой мировой войне, офицер. В годы Второй мировой войны в основном служил в Париже, при штабе Штютльпнагеля, возглавлявшего военную администрацию во Франции. Автор романов «На мраморных утесах» (1939), «Гелиополис» (1949), других сочинений, опубликовал свои дневники военных лет. *(Примеч. пер.)*

сте со знаменитыми интеллектуалами и, поднимая бокалы, осуждают посла Отто Абеца, Розенберга и Заукеля¹, выполняющих «специальные задания» партии. Фон Штюльпнагель² — душа этой новой активной оппозиции. 31 мая 1944 года он присоединяется к проекту убийства фюрера. 20 июля по его распоряжению будут арестованы все находящиеся в Париже эсэсовцы во главе с генералом Обергом³ и захвачены все радиопередатчики. После провала путча он узнает, что Клюге так и не присоединился к заговору, получив в последний момент информацию о неудаче покушения. Сам Штюльпнагель будет казнен. Далеко не все берлинские заговорщики имеют прозападную ориентацию. Канарис пока старается держаться в тени, но и за ним ведется негласная слежка. Лебер⁴ и фон Хассель — сторонники сближения с русскими. Шелленберг, который когда-то приезжал в качестве дипломата в Москву, даже подумывает о том, чтобы нанести личный визит Сталину, и Штауфенбергу не

---

¹ Отто Абец (1903—1958) с 1940 г. был представителем имперского министерства иностранных дел при начальнике военной администрации во Франции; премьер-министр французского правительства в Виши П. Лаваль считал его наиболее влиятельным германским должностным лицом во Франции. Созданный Альфредом Розенбергом так называемый «Штаб Розенберга» в годы войны превратился в организацию, осуществлявшую в крупных масштабах захват культурных ценностей на оккупированных территориях. Фриц Заукель (1894—1946) — партийный деятель, руководитель ведомства по использованию рабочей силы. В 1942 г. получил неограниченные полномочия и наладил невиданное по размаху использование подневольного труда (всего под его руководством из оккупированных стран было вывезено ок. 7—10 млн чел.). *(Примеч. пер.)*

² Карл Генрих фон Штюльпнагель (1886—1944) — генерал пехоты (с 1939 г.); с 1942 г. возглавлял военную администрацию во Франции. Один из руководителей антигитлеровского заговора в Париже. *(Примеч. пер.)*

³ Карл Оберг (1897 — после 1962) — обергруппенфюрер СС; с 1942 г. — высший руководитель СС и полиции в Париже и личный представитель Гимmlера на оккупированной территории Франции. Осуществлял руководство проведением карательных акций СС, казней заложников и пр. *(Примеч. пер.)*

⁴ Юлиус Лебер (1891—1945) — один из лидеров немецкой социал-демократической партии, ветеран Первой мировой войны, в 1924—1933 гг. — депутат рейхстага. Активно участвовал в заговоре против Гитлера, его прочили на пост рейхсканцлера и министра внутренних дел. *(Примеч. пер.)*

удается разубедить его в целесообразности этой «трудной миссии». Вицлебен, Бек, Хёпнер, Фельгибель (создатель «Энигмы») и многие другие высшие офицеры сожалеют о том, «что Рузвельту и Черчиллю не хватает ума, чтобы внимательнее относиться к германским проблемам». Этим людям СССР представляется будущим европейским соседом — они пока не видят в нем возможного оккупанта. И сказанное вовсе не означает, что они — хоть в какой-то мере сталинисты. Даже Гудериан приходит в министерство пропаганды, желая уговорить Геббельса, чтобы тот, воспользовавшись всем своим авторитетом, попытался склонить Гитлера «к более разумной позиции». В противном случае, говорит Гудериан, Берлин — за который Геббельс несет ответственность — будет полностью разрушен. Геббельс — самый верный из семи ближайших сподвижников Гитлера. Он презирает «сатрапа» Геринга, «визионера» Гесса, «недалекого поэта» фон Шираха¹, «путаного теоретика» Розенберга², «молодого буржуа» Шпеера и «маньяка жестокости» Гимmlера. Геббельс, который последним вошел в этот круг, испытывал, как показывают его записки, патологическую ненависть к англичанам, американцам, евреям и большевикам. Долгое время он верил в то, что Гитлер сумеет сам, ни на кого не опираясь, исправить сложившуюся неблагоприятную ситуацию. Гитлер, человек двойственный, не настолько доверял Геббельсу, чтобы позволить последнему хоть в какой-то мере влиять на вопросы германо-советских отношений. Однако Йозеф Геб-

---

¹ Бальдур Бенедикт фон Ширах (1907—1974) — партийный деятель, обергруппенфюрер СС. С 1931 г. был имперским руководителем партийной молодежи, главой «Гитлерюгенда». С 1939 г. — ответственный за использование молодежи в войне. В 1940 г. был заменен на посту главы «Гитлерюгенда» А. Аксманом и назначен гаулейтером и имперским наместником Вены. (*Примеч. пер.*)

² Альфред Розенберг (1893—1946) — один из теоретиков нацизма, оказавший огромное влияние на формирование взглядов Гитлера; свои взгляды изложил в книге «Миф XX века» (1930). В 1933 г. создал Бюро иностранной помощи НСДАП (АПА), осуществлявшее пропаганду нацизма за рубежом. С 1941 г. возглавлял вновь созданное имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. (*Примеч. пер.*)

бельс не высказывает Гудериану своего убеждения в том, что «с Гитлером невозможно ничего сделать». Он просто молчит. Но зато и не расскажет — даже Гитлеру, своему идолу, — о предложении, с которым к нему обратился «изобретатель молниеносной войны». Гудериан избежит участи многих генералов и офицеров, которые будут казнены после 20 июля. И тем не менее позиция, избранная Геббельсом в день его встречи с Гудерианом, незаметно склоняет чашу весов в пользу Гитлера. Перевес совсем незначительный, но с этого момента судьба Германии уже окончательно предопределена.

«Самолеты-роботы» атакуют

Пока готовится заговор генералов, «самолеты-роботы», непилотируемые Фау-1 и Фау-2, истинные предшественники современных баллистических и космических ракет, обрушиваются на Лондон и потом на Антверпен, сея вокруг себя смерть. Так будет продолжаться до марта 1945 года. 14 июня 1944 года было выпущено 200 таких ракет, а за пять последующих недель — более 3000. Англичане прозвали Фау-1 и Фау-2 «жужжащими бомбами» (*buzz-bombs*) из-за характерного шума их моторов. Они падают с неба куда попало и в любое время суток. После того как одной польской разведчице из «Красной капеллы» (между прочим, именно «Красная капелла» пустила в обращение листовку о брате и сестре Шолль) удалось устроиться домработницей в Пенемюнде, союзники, бросив на эту операцию 1300 бомбардировщиков, уничтожили 75 «лыжеобразных» (по словам генерала Маршалла) пусковых установок для Фау, располагавшихся на Атлантическом побережье. Тем не менее от нового немецкого оружия пострадают, в той или иной мере, все кварталы Лондона. 50 тысяч оставшихся без крова столичных жителей будут ютиться на вокзалах и в поездах. 750 тысяч домов будет разрушено, 33 447 человек погибнут в Лондоне и других местах. Что думают об этом в Берлине? Голу-

бые информационные бюллетени, публикуемые по распоряжению гаулейтера, сообщают об ужасном ущербе, причиненном противнику ракетами Фау-1, и рекламируют новые модификации этого оружия — Фау-2, Фау-3, Фау-4, даже Фау-5, — способные взорвать всю планету! На сей раз это не блеф: еще немного времени на доработку проекта — и с помощью Фау-3, Фау-4, Фау-5 немцы смогут выиграть войну. Однако Гитлер уже стал заложником времени. Может ли он думать о чудодейственной силе еще не готовых ракет, будто бы способных разрушить Москву и Нью-Йорк, когда союзники уже высадились в Нормандии и их со дня на день ожидают в Берлине? Самой немецкой столицей тоже овладевает странная смесь апатии и цинизма. Уже ничто не имеет значения. В городе не осталось ни одного целого стекла.

Повседневные заботы Фрици, молодого берлинца

Фрици работает как агент Штауфенберга: расширяет сеть участников заговора, подвергает себя риску, вступая в разговоры с незнакомыми людьми. Когда ему представляют очередного желающего участвовать в активном сопротивлении, Фрици недовольтно ворчит: «Опять граф! Нам больше нужны рабочие». Вокруг Фрици уже собралось много отпрысков старых прусских фамилий (все они вскоре будут казнены). Его непосредственный начальник — Вернер фон Хефтен, «стальной человек», подчиняющийся, в свою очередь, непосредственно Клаусу фон Штауфенбергу. Эти трое приняли «коммунистическую систему разделения обязанностей». Фрици пробирается сквозь завалы и руины вместе с Полонием, своим псом, который обожает купаться в лужах, образующихся в воронках от бомб. Иногда, чтобы преодолеть какой-то километр пути, требуется не меньше часа. В таких условиях даже велосипед бесполезен. Фрици уже приобрел полезные связи в социалистических кругах, а также встречается с человеком по кличке «Тилен» и с фрау Бэрхен — той самой, кото-

рая со времени «Хрустальной ночи» оказывает помощь евреям. Он завел себе друзей и среди полицейских, а сейчас пытается установить контакты с остарбайтерами. Он завербовал трех французских рабочих, ранее уже присоединившихся к немецкому антифашистскому движению! Людей, подобных этим французам, должно быть много. Фрици, хотя и не принадлежит к «Красной капелле», стремится слить ее усилия с усилиями «Черной капеллы». Он осознал — что вообще для его среды нехарактерно — необходимость обретения заговорщиками более широкой социальной опоры. Он даже пытается, с максимальной осторожностью, агитировать за свое дело некоторых членов нацистской партии — людей «честных и разочаровавшихся [в идеалах нацизма]». Он создал ячейку сторонников новой политики и в редакции «Дойче альгемайне цайтунг». Там он подружился с Урсулой фон Кардоф, которая ведет страничку моды, — молодой женщиной, близко знакомой с некоторыми руководителями заговора. Урсулу как будто бы не угнетает, а скорее бодрит понимание того, что она живет на вулкане, который в любой момент может начать извергать лаву. Фрици эта девушка очень нравится. Она бывает в самых изысканных компаниях. Фрици приглашает Урсулу на концерт Шумана, в полуразрушенное здание Филармонии, где собралась многочисленная, но усталая публика. У Фрици есть «свои люди» и среди актеров и музыкантов. Он уговаривает свою спутницу, «молодую и красивую светскую женщину», чтобы она попробовала, действуя через знакомых в военном министерстве, добиться перевода с русского фронта во Францию нескольких его друзей, которые, прибыв на новое место службы, могли бы вести пропагандистскую работу среди лучших немецких офицеров. Вот уже шесть лет, как Фрици работает таким образом, не позволяя себе ни малейшей передышки. Он завербовал даже некоторых эсэсовцев, «которые разочаровались в политике и больше всего желали бы вновь стать крестьянами». В бункере отеля «Адлон» ему помогает элегантная любовница одного из министров.

Ведь он такой милый, симпатичный молодой человек, «настоящий берлинец», и с ним приятно общаться в эти хмурые летние дни 1944 года, когда весь город пропах газом, вытекающим из разбитых труб! Фрици легко знакомится с пожарными, рабочими, остарбайтерами, которые убирают трупы с Унтер ден Линден. Люди с киностудии УФА и даже сотрудники Геббельса по секрету сообщают ему, что «во всей Европе имеется не больше двух миллионов настоящих нацистов, не принадлежащих к германской нации»; эту цифру признает как соответствующую действительности и «Красная капелла». Фрици знает, что в немецких тюрьмах на каждого заключенного приходится не больше сорока квадратных сантиметров. Сейчас он ищет в горящем Шарлоттенбурге для своих друзей настоящий кофе и «первитин», какое-то витаминизированное лекарство. Потом покупает для них же на черном рынке на 12 марок тушенки. В обмен на эту услугу они должны будут срывать флаги со свастики, водруженные на каждую кучу руин, и уничтожать лозунги, которыми покрыты все обгоревшие стены: «*Führer, befiel, wir folgen!*» («Фюрер, приказывай, мы последуем за тобой!») или: «Наши стены обрушиваются, но сердца наши выдержат всё!» Фрици спокоен, он знает, как много еще нужно сделать. Даже «переворот» Клауса фон Штауфенберга ничего не изменит, если Гитлер останется в живых. Это чувствуют все, кто имеет отношение к заговору. Спустившись в метро, на станцию «Биржа», Фрици видит маленький оркестр из моряков-калек, которые таким образом собирают средства на «зимнюю помощь»! Наверху всю ночь работают сварщики, чтобы к утру вновь начала функционировать пострадавшая в результате взрыва линия эс-бана. «Наш народ очень трудолюбивый», — думает Фрици. Возвращаясь домой, он также замечает, что в соответствии с распоряжением Геббельса все выбитые окна в кварталах иммигрантов уже затянуты красными тряпками. «Это делается, чтобы нагнать на людей страх», — мелькает у него в голове вполне обоснованная мысль.

19 июля 1944 года, в отдельном кабинете рестораника на Жандармском рынке, в центре города, который уже насчитывает четыре миллиона жителей (включая рабочих и не считая убитых и уехавших), несколько немцев и один швед угощаются уткой с апельсинами, сбрызнутой шампанским. Вообще хозяин спекулирует коньяком, а в общем зале его заведения каждый желающий может получить тарелку обычного супа. На доходы от этих видов деятельности он приобрел недвижимость в пригородах. Сейчас, самолично обслужив почетных гостей, он скромно удаляется. Разговор поначалу вертится вокруг Фау-1 и Фау-2, немецких «самолетов-роботов», и американских бомбардировок Берлина, осуществляемых почти вслепую. Тот, кто представился как швед (а в действительности является секретным агентом Соединенных Штатов и имеет задание наладить контакты с абвером), обеспокоен успехами немцев в сфере разработки ядерного оружия. Его собеседникам известно, что, помимо Ферми, выходца из Италии, и Бора, получившего инженерное образование в Дании, имеется и ряд других ученых, которые под руководством Оппенгеймера работают в Нью-Мексико над созданием атомной бомбы. «Я вас уверяю, что американский проект, уже продвинувшийся достаточно далеко, не будет опробован на немцах», — говорит «швед». Его приятели, прусские офицеры в штатском, молча приподнимают рюмки с коньяком и никак не реагируют на эту фразу. Отпустив несколько ироничных замечаний по поводу отеля «Адлон», который, очевидно, потому не пострадал от налетов, что янки намереваются устроить в нем берлинский штаб оккупационных войск, мнимый швед предпринимает еще одну попытку расшевелить своих собеседников: «Что хотел сказать Гитлер, когда употребил фразу: “Да простит мне Бог последние пять минут войны?”» — «Только то, что он на пять минут опоздал», — презрительно усмехается один из офицеров.

Слова «атомная бомба» так и не были произнесены. Не всплыли в беседе и имена физиков-ядерщи-

ков, еще работающих в Германии: Хейзенберга, директора Института физики в Берлине, Вейсцакера, наиболее пронацистски настроенного из всех. Один из трех собравшихся за столом немцев подзывает официанта, чтобы тот принес еще коньяка. И снисходительно цедит сквозь зубы, будто обращается к своему подчиненному: «Мы потеряли после 1939 года четыре миллиона солдат, но у нас в запасе еще десять миллионов!»

Возвращаясь к себе в отель «Адлон», мнимый шведский бизнесмен отмечает, что, несмотря на очень поздний час, на улицах довольно много людей. Проходя мимо здания министерства пропаганды, все еще целого, он видит танки и солдат с пулеметами, которые не то собираются напасть на министерство, не то, наоборот, от кого-то его охраняют. В темноте он не может разобрать, эсэсовцы перед ним или просто военные.

Танки разворачивают свои башни

20 июля 1944 года военное министерство в очередной раз не пострадало от воздушных налетов. Уже с полудня все сотрудники ждут возвращения Штауфенберга, который рано утром улетел на совещание в Растенбург (Восточная Пруссия), в «Волчье логово»¹. Клаус собирался лично подложить бомбу к ногам «свины» и Кейтеля. Фельгибель, изобретатель «Энигмы», прервет связь между проклятым бункером, который «к 13.10 превратится в общую могилу», и остальным миром. Штауфенберг, оставив портфель с бомбой на полу, выходит из комнаты совещания за несколько секунд до взрыва, в 13.09. Как все пруссаки, он умеет быть точным. У последнего охранного поста, перед тем как подняться в самолет, летящий из Растенбурга в Берлин-Рангсдорф, он слышит глухой взрыв. И понимает, что его замысел удался. Менее чем через три часа начнется операция «Валькирия». Родится новая

---

¹ Название ставки Гитлера под Растенбургом. (Примеч. пер.)

Германия — новая и одновременно традиционная. Создатель «Энигмы» уверяет его, что все пройдет хорошо, ибо «машины не совершают ошибок». Сейчас главное — не вспугнуть раньше времени Геббельса.

В здании военного министерства, построенном еще в эпоху империи, работает более тысячи офицеров, секретарей, телефонисток, шифровальщиков, машинисток. На Тирпиц-уфер (кабинет Канариса сейчас пуст) вдоль канала высажены каштаны. Только в 15.00 из Растенбурга поступает кодированное донесение для Хёпнера и Ольбрихта: «Сообщаю о наличии раненых и об имевшем место взрыве». О Гитлере ничего не говорится. Фельгибель исчез после того, как надежно (так ему казалось) изолировал «могилу» от живых. Шверин фон Шваненфельд, Шелленберг, Йорк фон Вартенбург¹ начинают испытывать сильное беспокойство, Ольбрихт и Хёпнер — тоже. Наконец Вернер фон Хефтен («стальной человек», по словам Урсулы), адъютант Шелленберга, звонит из берлинского аэропорта с известием, что «Гитлер мертв». Он также говорит, что, хотя Фельгибель сумел-таки заблокировать штаб-квартиру в Растенбурге, он ничего не знал о секретных линиях связи, которые соединяют ставку со всем миром и, в частности, с кабинетом Геббельса в министерстве пропаганды. В 16.00 Ольбрихт является к Фромму, своему непосредственному начальни-

---

¹ Ульрих Вильгельм Шверин фон Шваненфельд (1902—1944) — сын дипломата, участник движения Сопротивления. В 1939 г. призван в вермахт лейтенантом, состоял адъютантом генерал-фельдмаршала Виттебена.

Вальтер Шелленберг (1910—1952) — один из руководителей немецкой разведки, бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС. В 1933 г. окончил юридический факультет Боннского университета. С 1939 г. — начальник группы IV Е 4-го управления РСХА, занимавшейся вопросами контрразведки, борьбы со шпионажем в Германии и оккупированных странах. С 1942 г. возглавлял 6-е управление РСХА, занимавшееся вопросами иностранной разведки. Летом 1942 г. по поручению Гимmlера начал проводить политический зондаж о возможности заключения сепаратного мира с западными странами.

Граф Петер Йорк фон Вартенбург, наряду с Хельмутом Мольтке, возглавлял «группу Крейсау», созданную в 1933 г. в Силезии и объединявшую оппозиционно настроенных по отношению к режиму младших офицеров и государственных служащих. (Примеч. пер.)

ку¹ с требованием дать сигнал к началу операции «Валькирия». Однако Фромм, человек дотошный, хочет проверить, действительно ли Гитлер мертв. Он телефонирует в ставку, говорит с Кейтелем и узнает, что фюрер чудесным образом спасся, что его защитила от взрыва массивная ножка стола. Штауфенберг, только что прибывший на Тирпиц-уфер, обвиняет Кейтеля во лжи. Ольбрихт и Штауфенберг отнимают у Фромма оружие и запирают его в его собственном кабинете. В итоге Хёпнер, а не Фромм отдает приказ «Валькирия» о начале общевойсковой операции против партии. Двадцать штабов получают этот приказ, но, к сожалению, заговорщики забывают об одном важном деле: они не поставили своего человека — им не хватает разбирающихся в технике надежных людей — во главе службы связи. Фельгибель все еще находится в Пруссии и боится звонить оттуда, а генерал Бек решает действовать так, как если бы Гитлер был мертв. В Вене, Праге, Касселе и Париже командующие военными округами принимают меры, предусмотренные планом «Валькирия». В Берлине пехота и танковые части приступают к выполнению своих заданий. Командир берлинского охранного батальона «Великая Германия»² получил приказ арестовать Геббельса, а потом захватить здания министерств и телефонные станции. Геббельс встречает его с улыбкой, вежливо спрашивает: «Вы мне позволите поговорить с рейхсканцлером?» Получив утвердительный ответ, он соединяется со ставкой и передает телефонную трубку офицеру. Тот, ошеломленный, механически отвечает: «*Ja, mein Führer*» («Да, мой фюрер») — и выходит из кабинета вместе со своими людьми, оставив Геббельса на свободе, вместо того чтобы его убить. Этот эпизод говорит о многом. Далее Вицлебен официально занима-

---

¹ Фромм был главнокомандующим германской Резервной армией, Ольбрихт — его заместителем. (Примеч. пер.)

² Отто Эрнст Ремер (1912—?). (Примеч. пер.)

³ Гитлер по телефону приказал Ремеру подавить путч, похвалил за лояльность и тут же произвел его в полковники. После этого Ремер стал принимать меры против заговорщиков: начал готовить атаку на здание военного министерства, взял под охрану радиостанцию и пр. (Примеч. пер.)

ет пост Кейтеля¹, но паника и неуверенность уже распространяются среди заговорщиков, особенно самых молодых. Дивизия резерва направляется к радиостанции, но почему-то не захватывает ее. Путч в Берлине так и не состоялся², а завтра он провалится и в Париже, хотя там заговорщики уже успели нейтрализовать СС и гестапо. После того как путчисты заняли помещения СД, парижскую радиостанцию и Эйфелеву башню, они обратились к фон Клюге, главнокомандующему группой армий «Запад», чтобы он выполнил ту роль, которую согласился на себя взять³.

Однако до Клюге уже дошел слух о том, что Гитлер жив. И он не осмеливается ничего предпринять — хотя в 1943 году, под Смоленском, ему хватило мужества, чтобы попытаться убить фюрера. Абец склоняет заговорщиков к компромиссу и добивается освобождения генерала СС Оберга. Заговорщики и эсэсовцы вместе обсуждают проблему, «как бороться с французским Сопротивлением». И вместе радуются: «Похоже, пока ни один француз не подозревает, что у нас происходит. Нам необходимо помириться перед лицом общего врага».

Все это закончится гекатомбой трупов — трупов немцев и представителей других национальностей. Конфликт принимает затяжной характер. Многие генералы будут казнены, фон Клюге и фон Рундштедт покончат с собой. Однако гражданская война между СС и вермахтом по-настоящему так и не начнется.

Непонятные маневры вокруг зоопарка

Берлинцы, в том числе и иммигранты, были свидетелями этой маленькой репетиции несостоявшейся гражданской войны. Например, рабочие одной из «мусорных команд» 20 июля могли видеть следующее: «У

---

¹ Кейтель был начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ). (*Примеч. пер.*)

² Однако 7 тысяч мятежных офицеров будут арестованы, и из них 4 тысячи казнены — акция, сопоставимая по своей жестокости и масштабам с «Ночью длинных ножей».

³ Он должен был начать переговоры с союзниками о заключении перемирия. (*Примеч. пер.*)

входа на станцию метро “Зоологический сад” два вооруженных солдата в касках и сапогах осматривали прохожих. У их ног стоял пулемет, обращенный в сторону перекрестка. Пулеметная лента была заправлена в казенную часть. Третий солдат сидел верхом на металлической станине. Еще три солдата со вторым пулеметом расположились перед обувным магазином. Мост эс-бана контролировали люди вермахта. Невозмутимые, твердо стоящие на широко расставленных ногах, они поглядывали на прохожих, но их собственные лица были неразличимы, затенены касками». Каванна, который все это наблюдал и позже описал в своей книге, зашел на станцию метро, возвышавшуюся над полем руин. В тот день повсюду в городе ему встречались солдаты — пехотные формирования. Он также отметил, что вокруг наиболее значимых общественных зданий движутся танки: некоторые из них украшены флагами со свастикой, другие — вымпелами с черно-белыми крестами, с приколотым в углу маленьким Железным крестом. Рабочих-французов, в том числе и Каванну, все это чрезвычайно заинтересовало. Танки напоминали аккуратные игрушки, расставленные в определенном порядке. А пулеметы на всех перекрестках, противотанковые пушки, проволочные заграждения, орудийные башни, обращенные друг к другу (одни — с Железным крестом, другие — со свастикой), которых особенно много в районе зоопарка, — что бы это могло значить? Возле старой станции метро уложены в ряд мешки с песком, танки нацелили свои пушки на вход. Один из французов говорит: «Тут что-то не состыковывается. Если все дело в русских, тогда объясните мне, почему пушки, танковые орудия и прочий металлолом обращены к центру Берлина? Ведь не на метро же заявятся сюда русские?» (Каванна).

День скорби

Геббельс наводнил город своими «голубыми листками». «*Schade Tag*» («скорбный день»), — говорят друг другу люди с застывшими от горя лицами: всех

тех, кто недавно на протяжении нескольких часов слишком откровенно радовался, уже арестовали. Популярные газеты наставляют своих читателей: «Следует вести себя крайне осторожно». А люди все равно перешептываются: «Кажется, маленькая клика офицеров-аристократов подняла мятеж». Подобная оценка происшедшего — дело рук Геббельса, которому пока удается представлять недавние события в таком свете, чтобы берлинцы воспринимали их как малозначимый «инцидент». Консьержки гораздо более обеспокоены «утечкой удушающих газов, которые, как говорят, вот-вот погубят Берлин!». Девушка, которая эпизодически помогала Фрици, обзванивает посвященных: «Это был Штауфенберг! Все его сообщники арестованы». Люди живут в страхе, «черных берлинцев» (эсэсовцев) можно встретить повсюду; подозреваемых в связях с заговорщиками расстреливают, вешают, бросают в тюремные застенки, пытаются — однако под падающими бомбами мало кто способен это заметить. «Вы слышали последнюю речь фюрера?» — спрашивает кто-то своего собеседника. Прошло совсем немного времени, и Гитлера перестали называть «вампиром»: ведь он доказал, что является «баловнем судьбы». Люди стараются много не болтать. Перед памятником погибшим воинам три солдата тренируются в выправке, отрабатывая «гусиный шаг». Вежливые полицейские останавливают прохожих, выказывающих неуместный интерес к этому зрелищу: «Прошу вас задержаться на несколько секунд!» Две женщины обмениваются впечатлениями перед большим магазином: «Хлопчатобумажное платье за 200 марок — это безумие». Один солдат, перекусив в кафе, дает официанту на чай половину своего месячного жалованья. «Все равно я скоро умру», — говорит он себе. Его зовут Отто Франк (и о подробностях описываемого здесь дня он расскажет мне в 1983 году). Он поднимается из-за стола, кто-то незаметно вкладывает ему в руку листовку, озаглавленную «Письмо к обычному человеку», и он сует ее в карман френча. В переходах метро на станции «Фридрихштрассе» играют музыканты и продают свой не-

хитрый товар мелкие торговцы. Солдат Отто Франк слышит обрывки чужих разговоров: «...сегодня вечером по радио будут передавать “Страсти по Матфею”...»; «...мне снилось, будто разрушенный Дрезден полностью восстановлен; кстати, ты знаешь, больше не будет отмечаться *Tag der Luftwaffe*, День авиации, потому что у них теперь есть беспилотные самолеты...»; «...ты замечал, что остарбайтеров уже не заставляют носить на груди букву “О”...»; «...никогда раньше у нас не было столько проституток, предлагающих свои услуги одиноким мужчинам...» Проституток действительно много. Чтобы привлечь клиентов, они по ночам подсвечивают свои икры цветными фонариками. Поэтому повсюду в Берлине их называют «голубоножками».

Для Фрици находится замена

Скрывается ли Фрици в подполье или уже мертв? Урсула фон Кардоф, во всяком случае, пока еще на свободе и действует. Она никак не может забыть потрясающий уик-энд, проведенный в компании Клауса фон Штауфенберга, которого она полуласково-полушутливо называла «одноруким и одноглазым паладином» и которому разрежала на тарелке мясо. И еще она непрерывно думает о том, что Вернер Хефтен и Фрици, скорее всего, погибли под пытками. Она решает заменить их — работать, как раньше работали они, преодолевая «русские горки руин», а потом проскальзывать, как угорь, сквозь нескончаемую толпу в бункер «Адлона», чтобы спокойно отсыпаться там все воскресенье. В другие дни она встречается со своим помощником по кличке «Тилен» среди развалин зоопарка. Там давно не осталось ни птиц, ни животных — кроме разве что ворон и нескольких сбившихся в стаю диких баранов, изредка мелькающих между воронками от бомб. Присев на развалившуюся каменную ограду, она наскоро просматривает «голубые листки» Геббельса, стараясь угадать недосказанное, таящееся между строк, затем съедает

свой обед — порцию эрзац-супа, принесенную из дома в судке, — и нисколько не жалеет о том, что в разоренном Тиргартене теперь уже не увидишь ни трубочистов, ни тем более нянечек с колясками, в строгих платьях и кружевных наколках. Сама Урсула как бы стала олицетворенной памятью Берлина, живым повторением «Берлинки» — той статуи в центре Александерплац, которую Аарон, Гроссер, Шагал считали самым знаменитым скульптурным памятником Европы... Солдаты, только что вернувшиеся с фронта, говорили ей: «Мы ненавидим Гитлера, но боимся и русских, которые могут сгноить нас в сибирских лагерях». Она какое-то время отдыхает, не выпуская из рук своего чемоданчика, в ботаническом саду — бродит меж ярких ядовитых цветов, слишком зеленых дурных трав.

Потом направляется к мрачному зданию Народной судебной палаты, чтобы попытаться получить хоть какую-то новую информацию о тех, кто, как понятно каждому, заранее обречен на смертный приговор. По дороге ей приходится отбиваться от стаи бродячих собак. И ее неотвязно преследует одна мысль: «Неужели Фрици еще не отстрадал свое?»

Последняя битва Канариса

Урсула не знает одного: что знаменитый Канарис (с которым она никогда не встречалась лично) в настоящее время находится в заключении на Принц-Альбрехт-штрассе¹ в Берлине — в том самом здании, где вскоре будут допрашивать ее саму. Адмирал, друг Хасселя, Остера², Каульбарса, Клауса (которые именно благодаря ему стали сотрудниками абвера), вел сложную игру попеременно то с Востоком, то с Запа-

---

¹ На Принц-Альбрехт-штрассе располагалась штаб-квартира гестапо. (*Примеч. пер.*)

² Ганс Остер (1888—1945) — генерал-майор; с 1938 по 1943 г. — начальник Центрального отдела абвера, ведавшего архивом абвера и кадровыми вопросами. В начале 1944 г. отправлен в отставку. Был участником июльского заговора 1944 г. (*Примеч. пер.*)

дом — но все-таки главным образом с Западом. Он как будто был сторонником заключения сепаратного мира с западными державами, но в то же время изучал вместе с Каульбарсом (теперь мы уже не узнаем, с какой целью) русский язык. Он постоянно находился на подозрении, но его противники не могли ничего доказать — и даже не осмеливались четко сформулировать свои обвинения, хотя делом Канариса занимались такие специалисты, как шеф гестапо Мюллер и Кальтенбруннер¹ из СД. Предполагаемые свидетели, которых подвергали пыткам, как выяснялось, ничего не знали. Канариса просто уволили с должности, соблюдая все приличия, а абвер раздробили, чтобы таким образом лишить эту организацию влияния. Теодор Хейнрих стал новым шефом III отдела абвера, а полковник Хансен возглавил I отдел, занимавшийся иностранной разведкой. Архивы абвера были анонимно переданы на хранение в Прусский банк, а позднее спрятаны в тайнике «Морбах II», рядом с генеральным штабом, причем ни офицеры штаба, ни банкиры ничего не знали о содержании хранившихся у них документов. Канарис тогда еще пользовался свободой передвижения и отправился в Венецию, чтобы нанести визит людям Бадолью², которым, между прочим, сказал: «Я вас поздравляю с вашим 25 июля [днем переворота, приведшего к падению диктатуры Муссолини]». Потом адмирал как ни в чем не бывало поехал в Рим, все еще находившийся под контролем

---

¹ Эрнст Кальтенбруннер (1903—1946) с 1939 г. был высшим руководителем СС и полиции Верхней и Нижней Австрии. Когда после убийства Гейдриха, в мае 1942 г., Гиммлер принял на себя обязанности начальника РСХА, Кальтенбруннер фактически стал его постоянным заместителем. В 1943 г. был официально назначен начальником РСХА, Гиммлер поручил ему руководство прежде всего разведывательной деятельностью РСХА, сохранив за собой непосредственное руководство гестапо и криминальной полицией. В то же время Кальтенбруннер осуществлял руководство карательными действиями эйнзатцгрупп СД на территории России до момента их ликвидации в 1943 г. (*Примеч. пер.*)

² Пьетро Бадольо (1871—1956) — итальянский военный и государственный деятель, фельдмаршал. После переворота 25 июля стал премьер-министром и 3 сентября 1943 г. заключил перемирие со странами антигитлеровской коалиции, а 13 октября объявил войну Германии. 9 июня 1944 г. вышел в отставку. (*Примеч. пер.*)

немцев. Он по-прежнему блефовал, водил за нос и Кейтеля, и других фельдмаршалов, и Гитлера, и даже самого Шелленберга из СД. Гиммлер всегда прикрывал Канариса. Только случайно, в связи с административной проверкой различных подразделений министерства иностранных дел Риббентропа — а в Третьем рейхе проверки проводились повсеместно и регулярно, — шеф гестапо Мюллер допросил полковника Хансена, нового руководителя абвера, относительно событий 20 июля. Неожиданно Хансен «раскололся» и дал показания, которые позволили составить приблизительную картину «измен» Канариса. Он подписывал свой протокол перед совершенно оторопевшим Мюллером. Опираясь на эти показания, Шелленберг нарушил волю Гиммлера и один (охрана ждала снаружи) вошел в кабинет маленького адмирала, чтобы его арестовать. Последовавшая далее сцена описана в мемуарах Шелленберга. Канарис сказал: «Я знал, что придете именно вы. У вас имеются показания этого идиота полковника Хансена?» Шелленберг кивнул. «Ну хорошо, пойдете», — произнес маленький человек. Шелленберг (согласно его собственному, не очень правдоподобному признанию) предложил Канарису бежать, но тот отказался. Он еще надеялся, что выкрутится. Они вдвоем поехали на «Мерседесе» Шелленберга в Фюрстемберг-ам-Хассель, в школу пограничной полиции, где втайне содержались в заключении фельдмаршалы, генералы и пр. Шелленберг и Канарис пообедали в столовой школы, выпили бутылку вина и потом расстались. На прощание Канарис сказал с иронией: «Постарайтесь избегать того, что привело меня сюда». Шелленберг больше не принимал личного участия в этом деле, но отдал распоряжение, чтобы с его бывшим соперником обращались мягко. Однако усилиями Мюллера и — в еще большей степени — Хуппенкотена и Зондереггера (самого ожесточенного из всех) Канарис был переведен в Берлин, в подвалы на Принц-Альбрехтштрассе, ибо они намеревались лично со всей возможной тщательностью исследовать это дело, чтобы собрать неопровержимые улики. Допросы, которыми

руководил сам шеф гестапо Мюллер, на протяжении многих месяцев не давали никаких результатов. Канариса плохо кормили, лишали сна, пытали, но в интеллектуальном смысле он неизменно торжествовал над своим палачом — умело избегал ловушек, все отрицал. Остер, как и некоторые оставшиеся в живых члены его группы, с которой Канарис «осторожно» сотрудничал, тоже не дали никаких показаний, доказывающих вину адмирала. Об этом свидетельствует рапорт Кальтенбруннера Мартину Борману. Генерал Пфульштейн, главный агент Канариса, обвинил адмирала в «саботаже», и всем троим долго устраивали очные ставки. Остер и Пфульштейн умоляли Канариса признать свою вину. Но он согласился подписать в протоколе только одну двусмысленную фразу: «Моя роль состояла в том, что я даже в самые мрачные дни предвидел будущее». Прошло семь месяцев, и за это время Зондереггер почти утратил надежду на успех. Но потом один шофер (Кестенхам), ранее не привлекавший внимания следователей, показал Зондереггеру тайник в стене с замурованными в нем «архивами Остера», о существовании которых Канарис не знал. Остер был вынужден дать все требуемые показания. В результате гестапо, искавшее участников заговора 20 июля 1944 года, напало на след антиправительственной организации, действовавшей еще в 1938 году. Гитлер распорядился пометить это дело грифом «совершенно секретно». Канарис, когда выплыли эти новые обстоятельства, получил неожиданную передышку. Он имел время, чтобы подготовить свои объяснения, пока допрашивали его бывших сотрудников — Донаньи и Йо Мюллера¹, которые, в чем он не

---

¹ Ханс фон Донаньи (1902—1945) — немецкий юрист; с 1933 г. работал в министерстве юстиции, с 1939 г. — в абвере. В марте 1943 г. принимал участие в попытке покушения на Гитлера. Через несколько месяцев был арестован гестапо. Впоследствии освобожден, но после июльского заговора 1944 г. вновь арестован и отправлен в концлагерь Заксенхаузен.

Йозеф Мюллер (1898—?) — мюнхенский юрист, с началом Второй мировой войны вступил в абвер и был направлен в Рим. В 1943 г. был арестован и содержался в Бухенвальде, потом в других лагерях. (*Примеч. пер.*)

сомневался, «умели держать удар». Оба по его поручению вели переговоры с союзниками через посредство Ватикана. 3 февраля 1945 года англо-американская авиация разбомбила штаб-квартиру гестапо. Считая, что «птены из гнезда предателей» «полезнее живые, чем мертвые», гестаповцы извлекли их из-под обломков. Канариса и Остера доставили в камеры Флоссенбурга¹, несколько позднее туда же перевели и Йо Мюллера. Там Ставицкий, гестаповец последнего призыва, устроил Канарису очную ставку с агентом абвера в Мадриде, который под пыткой рассказал о секретных переговорах между Канарисом и Франко, приведших к тому, что Испания в 1940 году сохранила нейтралитет. Это не поколебало адмирала, и он продолжал все отрицать, как рассказал потом его сосед по камере (в прошлом лично знакомый с Канарисом), некий Лундинг. Канарис не подтвердил и признания другого агента, работавшего в Италии. Между тем союзники на всех фронтах приближались к Берлину, и, чтобы спастись, адмиралу нужно было просто оттянуть время. Увы! Выполняя последние распоряжения Геббельса и Гитлера о мерах по обороне Берлина, Бюле, чересчур исполнительный генерал из ОКВ, нашел замурованные в цементе бумаги — «примерно от 80 до 200 листов» (Хёне)². Это были секретные дневники Канариса, чтение которых привело Гитлера в страшную ярость. «Выходит, меня окружают одни предатели», — сказал фюрер шефу СД Кальтенбруннеру и тут же решил, что Канарис должен быть казнен немедленно, после краткой пародии на судебное заседание, прямо здесь, во Флоссенбурге. И вот на заседании трибунала, в помещении тюрьмы, Канарис и Остер встречаются в последний раз. Канарис спрашивает: «Но, в конце концов, разве ты не понимал, что я притворялся?» — «Нет, для этого я должен был бы быть негодяем», — говорит Остер. После выне-

---

¹ Небольшой концентрационный лагерь, расположенный в округе Нейштадт, Верхняя Бавария. (*Примеч. пер.*)

² См. донесения Хуппенкотена Кальтенбруннеру, а также многочисленные монографии, по-разному оценивающие личность Канариса. Наиболее объективной представляется работа Хёне.

сения ему обвинительного приговора адмирал отвечает на последний вопрос: «Вы, наконец, признаете себя виновным?» — «Да». Он произносит это слово тихо и умиротворенно, как бы выдыхает его. 9 апреля в шесть часов утра за ним приходят, чтобы повесить. Он откладывает книгу, которую читал, — биографию Фридриха II — и, сняв с себя, в соответствии с тюремными правилами, всю одежду, выходит в зал экзекуций. «У него было две или три конвульсии», — скажет потом палач. Тело Канариса сожгут во дворе, и его пепел через окошко залетит в камеру Йо Мюллера. Йо все еще ждет своей казни, которая должна состояться 10 апреля. Но в шесть часов утра вместо палача к нему является улыбающийся шеф местного отделения гестапо Ставицкий: «Американцы в девяноста километрах отсюда». Так Йо Мюллер, уже ступивший на порог смерти, спасся. А Канарис погиб; он был сторонником умеренных фашистов, итальянских и испанских, человеком прошлого (правда, всегда демонстрировавшим свой высокий профессионализм и упорство) — но в любом случае его фигура очень своеобразна и резко выделяется на фоне других главных персонажей Третьего рейха.

«Понт» в 1944—1945 годах

Каванна, мобилизованный Имперской службой труда и все еще работающий в Берлине, отмечает «распространение душка непристойности» и тот факт, что хорошенькие француженки, подпав под это новое веяние, быстро «теряют лоск фальшивого благородства». По его словам, большинство из них кончают тем, что «грубо пристают, в районе Александерплац, ко всем (узнаваемым по особым усикам) французам, будь то военнопленные или удачливые жучки, оттеснившие на задний план своих менее предприимчивых берлинских коллег, — сутенеры, владельцы баров и игорных заведений, торговцы фальшивыми документами для немецких дезертиров»... Он уверен, что покрытый руинами Берлин постепенно превращается в жалкое захолустье — не-

смотря на то, что здесь еще можно достать французскую свинину по 400 франков за кило.

«Понт» («Мост») — газета французских коллаборационистов, издаваемая в Берлине, — извещает своих читателей о том, что ресторанам для богатых пришел конец, что центр и западная часть столицы уже деградировали до уровня восточной части, в которой живут менее обеспеченные люди и которой гаулейтер Геббельс, видимо, отдает предпочтение. А еще из публикаций «Понта» можно узнать — цензура это пропустила, — «что зимой 1944/45 года термометр не поднимался выше отметки минус 20° и что для обогрева квартир каждая семья получала всего по три торфяных брикета». Когда топить было нечем, в домах воцарялся почти сибирский холод. В эти последние месяцы войны все ждали, что температура опустится еще ниже — до минус 30°. «Американские четырехтонные бомбы сносили каменные здания, как если бы они были из соломы», — и повсюду люди использовали в качестве топлива балки, паркетные дощечки, двери, мебель. Имело смысл прибирать к рукам все, что плохо лежит, несмотря на расклеенные повсюду афиши «*Plünderer werden abgeschossen*», «Мародеры будут расстреляны». Афиши не производили должного впечатления ни на «рабов», постоянно рыскавших в поисках добычи, ни на мелкий берлинский люд, так как все знали, что полицейские и эсэсовцы предпочитают без особой нужды не покидать свои теплые жилища. Согласно все тому же «Понту», берлинцы — как «немцы», так и представители «низших» рас — живут по продовольственным карточкам и «уже давно очереди опять стали обычным явлением». Эта маленькая газета коллаборационистов пользуется такой свободой, какой не обладает даже «Фёлькишер беобахтер», официальный орган нацистской партии. Журналисты «Понта» смеются над путанами с Шарлоттенбургского шоссе и Савиньиплац, они даже позволяют себе иронические высказывания в адрес верующих, молящихся в полуразрушенных храмах. Но и не забывают отметить возмутительные случаи пьяных дебошей негров

из армии США, расквартированных во Франции, которую «еврей» де Голль будто нарочно наводнил крепкими американскими напитками! Геббельс сводит старые счеты. Берлин барачков является в его представлении идеалом коллективного, легко контролируемого существования граждан. В таком городе нет места ни для Фрици, ни для фрау Бэрхен, ни для Урсулы. Сотрудников министерства пропаганды вполне устраивает картина Берлина, возникающая на страницах «Понта», устраивают даже зарисовки жизни русских работниц. Что касается молодых немки, прилично питающихся, в белых носочках и со светлыми косами, то они работают в восточной части города, изготавливают тяжелые снаряды, время от времени с беспокойством поглядывая на новые радары системы ПВО. Эти девушки тоже живут в бараках, но их общежития часто бывают украшены цветами. Над казарменными кроватями со старыми матрасами приклеены к стенам фотографии. Они изображают мать, или сестру, или отца, или младшего брата, или мужа, или приятеля. Реже — какого-нибудь популярного актера. Очень часто — военного. «Лейтенант» военизированного женского подразделения Анна С. была завербована Фрици. Она получила свою должность после того, как ее предшественника, капитана войск территориальной обороны, отправили на русский фронт (который уже приблизился к Берлину). Адам, бодрый старик на велосипеде, поддерживает связь между нею и подпольщиками.

Люди слушают фон Паулюса

Неужели Геббельс, гаулейтер, не знает, что в бараках «нового Берлина», в восточной части столицы, как и в бывших богатых кварталах, все слушают Московское радио, предпочитая его даже Би-би-си? На то есть серьезные причины. Нацисты конфискуют и сжигают письма немецких военнопленных, которые проникают в Германию из СССР через посредство перегруженного работой Красного Креста. В глазах Гит-

лера все, попавшие в плен в России, — мертвецы. Советская же администрация позволяет военнопленным посылать домой очень краткие весточки о себе. Миллионы солдат, пропавших без вести (*Vermisste*), все как один считают себя «героями, верными фюреру». В последнее время целые дивизии, целые армии сдаются врагу. Два генерала, фон Паулюс и фон Зейдлиц¹, возглавляют комитет «Свободная Германия» и выступают по Московскому радио, в результате чего немецкие солдаты уже не так боятся сдаваться в плен. В столице СССР ведутся специальные радиопередачи на немецком языке, по ходу которых непрерывно зачитываются нескончаемые списки находящихся в русском плену немецких солдат и письма некоторых из них. Как англо-американские пропагандисты, так и сами нацисты недооценивают значимость подобных передач. Слушателей, которых застают на месте

---

¹ Фридрих Вильгельм Эрнст фон Паулюс (1890—1957) — участник Первой мировой войны, генерал-фельдмаршал (с января 1943 г.). В январе 1942 г. по предложению генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау Паулюс, не имевший опыта командования крупными воинскими соединениями, был назначен командующим 6-й армией. 21 ноября 1942 г. 6-я армия была окружена под Сталинградом, 31 января 1943 г. Паулюс вместе со штабом сдался в плен. Всего в «котле» сдано около 91 тысячи человек. Паулюс, помещенный в лагерь для военнопленных, первоначально отказывался вступить в Союз немецких офицеров и Национальный комитет «Свободная Германия», но после провала июльского заговора 1944 г. изменил свое решение. 8 августа 1944 г. выступил по радио с антифашистским заявлением, призвав войска выступить против Гитлера. В тот же день его семья в Германии была арестована. В качестве свидетеля обвинения выступал на Нюрнбергском процессе. Долгое время находился в заключении в СССР, но осужден не был. В 1953 г. передан властям ГДР и освобожден.

Вальтер фон Зейдлиц - Курцбах (1888—1976) — участник Первой мировой войны, генерал артиллерии (с 1942 г.). С июня 1941 г. — участник боев на советско-германском фронте. С мая 1942 г. — командир 51-го армейского корпуса 6-й армии, сыгравшего главную роль в штурме Сталинграда. 25 января 1943 г. предложил Паулюсу капитулировать, а после его отказа отдал приказ, разрешавший командирам полков и батальонов сдаваться в плен без особого приказа. 31 января был взят в плен вместе со штабом корпуса. 11—12 сентября был создан Союз немецких офицеров, и Зейдлица избрали его председателем. После того как стало ясно, что идея Союза провалилась, Зейдлица в 1944 г. перевели в Ростов, где он содержался в очень суровых условиях. В 1950 г. был приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В 1955 г. освобожден и передан властям ФРГ. (*Примеч. пер.*)

«преступления», расстреливают. Однако вопреки желанию Гитлера и Геббельса доносов по этому поводу почти не бывает: здесь играет свою роль культ родственной солидарности, поддерживаемый в каждой семье рейха. Аннедора, вдова социалиста Лебера, арестованного еще до июльского заговора 1944 года и впоследствии казненного, сопоставляет «тупость нацистов» в этом вопросе с тупостью союзников, которые бомбардируют дома приверженцев «Черной капеллы», организации правых традиционалистов, но почему-то щадят здания министерств и рейхсканцелярии. Ни одна из немецких газет не осмеливается прокомментировать факты вынесения смертных приговоров тем, кто был застигнут за слушанием Московского радио. Ничего не говорит по этому поводу и Геббельс — но казни продолжаются. Красная армия уже вступила на территорию Германии. Немцы слышат грохот ее пушек, видят ее самолеты. Русские и американцы уже планируют встречу на Эльбе. Необходимо мобилизовать население на оборону посредством тотального террора. Юноши из «Гитлерюгенда»¹ в слишком просторных для них форменных куртках и брюках — последний оплот нацизма. Берлинское метро со всеми находившимися в нем беженцами затопили, чтобы на несколько часов задержать продвижение русских к центру города. Сам Гитлер спешно укрылся в своем «неприступном» бункере под зданием рейхсканцелярии, «чтобы спасти Берлин»². В

---

¹ «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь») — молодежная нацистская организация военизированного типа, главный кадровый резерв НСДАП. Была создана декретом от 1 декабря 1936 г. Охватывала всю немецкую молодежь в возрасте от 10 до 18 лет и делилась по возрастным категориям. Мальчики от 10 до 14 лет входили в подразделение «Дойчес юнгфольк» («Немецкие подростки»), с 14 до 18 лет — собственно в «Гитлерюгенд». Были также соответствующие возрастные подразделения для девочек и девушек. *(Примеч. пер.)*

² Гитлер перенес свою ставку в бункер под зданием рейхсканцелярии 1 апреля 1945 г. С 20 по 30 апреля он находился там непрерывно. Из ведущих нацистских деятелей и приближенных фюрера в это время в бункере пребывали вместе с ним Ева Браун, А. Аксман (руководитель «Гитлерюгенда»), пилот Ганс Баур, М. Борман, Й. Геббельс (с женой и шестью детьми), Г. Мюллер (шеф гестапо), Герда Кристиан и Гертруда Юнге, секретарши Гитлера (Кристиан — с 1933 г.). *(Примеч. пер.)*

возможность спасения он верил до последней минуты — в этой вере нашли выражение и его сила, и его безумие. Геббельс же, чтобы бороться с «большевистской опасностью», олицетворением которой в его глазах были подпольные организации типа той, что создала фрау Бэрхен, начал выпускать новую газету — «*Panzerbär*», «Бронированный медведь»!

Под властью тотального террора

Зимой 1944/45 года гестапо в Германии пытается замаскировать тот шокирующий факт, что многие приближенные Гитлера обратились против него. Гораздо позже, в 1983 году, один журналист из «Дойче альгемайне цайтунг» напишет, что если в 1940 году Гитлера поддерживало 60% населения, то к 1944 году этот показатель снизился до 5%. Гитлер чудом избежал смерти. Но эта «деталь» — только видимая часть айсберга; вся армия травмирована террором, который теперь косит ее кадры и число жертв которого уже превзошло число пострадавших десять лет назад, во время «Ночи длинных ножей». Разрушенные стены обклеены объявлениями, сулящими, например, награду в миллион марок за поимку Гёрделера. Этот активный борец против нацизма (правда, довольно поздно присоединившийся к антигитлеровскому движению), похоже, неуловим, зато миллионы других — мужчин, женщин, детей — убиты. Даже эсэсовцы утратили уверенность в себе и своем будущем. Некоторые из них — уже, так сказать, под самый занавес — переходят к активному сопротивлению. Сам Гиммлер готовится предать фюрера. Реорганизованное гестапо упорно сражается с гигантским заговором, в данный момент парализованным, перешедшим к обороне, но имеющим огромный размах. Потребуется месяцы, чтобы сложить фрагменты головоломки и восстановить, как того требуют Гитлер и Геббельс, целостную картину оппозиционной деятельности военных из «Черной капеллы», — восстановить путем

прослушивания телефонных разговоров, обысков, облав и сопоставлений разнородной информации, в том числе показаний, добытых под пыткой. Этот долгий и требующий терпения труд постепенно приводит следователей к ошеломляющим выводам. Уже известно, что в Берлине во всех министерствах имелись сотрудники, сочувствовавшие заговорщикам. Под подозрением находятся служащие самого Геббельса — например, генеральные директора различных агентств массовой информации. Ильза, сестра Евы Браун, как выяснилось, имела контакты с агентами Фрици. И не так важно, что ей были не известны их планы. Гораздо важнее другое: все, даже министры, даже люди из ближайшего окружения Гитлера, оказались опутанными «гидрами предательского вермахта», как написал в своей передовице журналист из «Ангриффа». Между тем упомянутые «гидры» уже пришли к убеждению, что всю ответственность за поражение Германии следует свалить на Гитлера.

В Народной судебной палате

Гитлер и Геббельс желают организовать показательные публичные процессы — несмотря на то, что Штауфенберг (который, вопреки слухам, не умер под пытками) успел крикнуть, когда его расстреливали: «Да здравствует Германия!» Вся его семья, включая новорожденного сына, была казнена. Геббельс намеревается сделать так, чтобы заговорщики выглядели жалкими и смешными. Оппозиционеры, со своей стороны, пытаются получить информацию о близких, заручиться поддержкой каких-то, пусть и периферийных, нацистских деятелей. Одна такая «оппозиционерка», поддерживающая контакт с Ильзой Браун, сестрой Евы, разглядывая с очевидным умилением фотографию, запечатлевшую «дядю Ади» (Гитлера) в окружении его маленьких племянников, думает про себя, что фюрер, наверное, «*sanft wie die Tauben doch auch klug wie die Schlangen*», «мудр, как

змии, и прост, как голуби»¹. Только журналисты-эсэсовцы допускаются ежедневно, с 9 до 12 утра, на заседания Народной судебной палаты. Они потом рассказывают, как ужасный генеральный прокурор, Фрейслер², в ярко-красной мантии и с налившимся кровью лицом, драматически жестикулируя, требует «смерти для всех этих кобелей и сук». В зале стоит невероятный шум, публика криками выражает свои симпатии участвовавшим в путче генералам, аплодирует им. Тогда принимается решение о закрытии доступа на судебные заседания для «обычных» эсэсовцев. Их заменят те, кто обладает *Blechmarke* — металлической пластинкой, которая является знаком принадлежности к «новому гестапо». Обстановка на процессах раз от разу становится все более тягостной. Под вспышками фотоаппаратов в зал входят подследственные генералы — источающие злобное, с отросшими бородами, в разорванных грязных одеждах, придерживающие спадающие штаны, как фельдмаршал Вицлебен. Желательно было бы, чтобы они униженно признали свою вину; однако эти люди, несмотря на весь ужас ситуации, сохраняют достоинство. Обвиняемые заставляют присутствующих услышать себя, перекрывают своими головами даже истеричные выкрики прокурора Фрейслера, и последний, произнеся неизменный приговор — смертная казнь через повешение, — каждый раз поспешно ретируется в раздевалку, весь взмокший от пота и с дрожащими руками.

Два журналиста из нового СС делятся между собой впечатлениями о том, с каким негодованием относятся к происходящему публика, хотя она сплошь состоит из проверенных кадров, «очищенных в семи нацистских водах», — и тут же сообщают последние

---

¹ Аллюзия на Мф. 10:16: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». (*Примеч. пер.*)

² Роланда Фрейслера (1893—1945), президента Народной судебной палаты, в прошлом участника Ванзейского совещания, ожидало удивительное возмездие: 3 февраля 1945 г., председательствуя на очередном суде над «изменниками», он был убит бомбой, сброшенной с американского самолета. (*Примеч. пер.*)

новости своим коллегам с радио и из редакций газет, чтобы те известили семьи приговоренных. Через час после казни одного генерала (заснятой на киноплёнку) его скрывавшемуся в подполье сыну, Вольфу, рассказали о случившемся. У потрясенного юноши вырвалась такая фраза: «В нашем словаре уже не осталось иных слов, кроме тех, что обозначают пытки, повешения, извещения о смерти и тому подобное». Гёрделера в конце концов выдал один из его близких друзей, не устоявший перед искушением получить награду в миллион марок. Не прошло и двух суток, как доносчика линчевали. Новое гестапо решило, что «эти пародии на судебные заседания бесполезны и даже вредны. Они могут спровоцировать массовое дезертирство на фронтах» (Гиммлер). Отныне разбирательства будут продолжаться негласно, в благодатной тени застенков и концентрационных лагерей, — такой подход явно более эффективен. Сравнительно менее важных преступников будут убивать на Францёзишерштрассе, более серьезных — в подвалах гестапо, на Принц-Альбрехт-штрассе¹.

Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе

Сначала хватают крупных рыб, потом средних, потом рыбешек поменьше и так далее. Урсулу вызывают на допрос в гестапо одной из последних. Гене-

---

¹ Казни совершались с изощренной жестокостью. Гитлер выказал пожелание, чтобы осужденных «повесили, как вешают туши в мясных лавках», поэтому их подвешивали на крючья и душили постепенно. Гитлер несколько раз за ночь просматривал киноплёнку, запечатлевшую это зрелище. Курсанты военных училищ, которым в назидание продемонстрировали этот фильм, падали в обморок. Многие участвовавшие в заговоре офицеры предпочли самоубийство аресту и суду. Пытался застрелиться (по дороге из Парижа в Берлин) генерал Карл Генрих фон Штюльпнагель. В результате ранения он потерял зрение и после суда его за руку вели к месту казни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель в момент покушения лечился после ранения. Однако гестапо получило данные о его причастности к заговору, и его принудили принять яд, пригрозив репрессиями в отношении его семьи. Официальной причиной смерти было объявлено кровоизлияние в мозг, и ему устроили пышные государственные похороны. *(Примеч. пер.)*

ральный директор «Дойче альгемайне цайтунг», который всегда не прочь, как говорят немцы, «сохранить и козу, и капусту», передает ей повестку заранее, за 12 часов. А может, это сам Геббельс пожелал сделать поблажку хорошенькой женщине, которую все называют «справочником светской жизни»? Наверняка нет. Приятельница канувшего в неизвестность Фрици проводит свою последнюю перед встречей с гестаповцами ночь у фрау Бэрхен: женщины обсуждают все возможные варианты вопросов и ответов, потом Урсула принимает ванну, душится, надевает на шею медальон со святым Георгием, поражающим дракона, — «подарок на счастье от единственного мужчины, которого она любит». Фрау Бэрхен, высказав все советы, которые приходят ей в голову, оставляет Урсулу одну. Урсула укладывает в сумку бигуди, средство от клопов, помаду и прочую косметику, авторучку, свою едва начатую статью. На дорогу уходит немного времени — и вот она уже сидит в кабинете советника по криминальным делам господина Опица, сотрудника Кальтенбруннера. «Что вы знаете о людях, принимавших участие в заговоре 20 июля?» — «Скажите, кого конкретно вы имеете в виду, — круг моих знакомых очень велик». — «Я медленно зачитаю вам список». Опиц, человек маленького роста, с тонкими губами и светлыми невыразительными глазами, перечисляет 23 имени, которые (что она каждый раз подтверждает кивком головы) ей известны. «Вейсберг?» — «Да, это мой друг. Он мне присылал розы даже зимой». — «Штауфенберг?» — «Он превосходный танцор». — «Шуленбург?»¹ — «Я хорошо его знала с самого ран-

---

¹ Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург (1902—1944) — сын офицера генерального штаба, в молодости увлекался марксизмом, за что получил прозвище «красный граф». В 1932 г. вступил в НСДАП. Вскоре после «Хрустальной ночи» перешел на сторону активных противников режима. Обер-лейтенант, с 1937 г. — заместитель полиции-президента Берлина. Вместе с фон Штауфенбергом и фон Варгенбургом разработал проект будущей конституции Германии. В планируемом заговорщиками правительстве должен был занять пост статс-секретаря министерства внутренних дел. В начале 1944 г. служил в запасном батальоне 9-го пехотного полка, в Потсдаме. (Примеч. пер.)

него детства, как и всю его семью». — «Фрау Лебер?» (Здесь уже речь идет о контактах между «Красной капеллой» и «Черной капеллой», а это опасный вопрос.) — «Она приходила к нам вместе с другими друзьями, еще когда я жила со своим отцом». — «Филиппа и Вернер Хефтен?» (Урсула знает, что Филиппа скорее всего «раскололась», тогда как Вернер наверняка до конца оставался «стальным человеком».) — «У нас в доме было много приемов, на которых присутствовала эта пара».

Урсула в том же фривольном тоне продолжает болтовню о своей светской жизни и многочисленных романах, а Опиц время от времени кивает головой с терпением кошки, которая смотрит на прыгающую перед ней мышь. «Штауфенберг, когда ужинал с вами 16 июля, конечно, говорил что-то о готовящемся покушении? Вы ведь сидели рядом с ним, слева». Урсула делает вид, будто страшно удивлена: «Зачем бы он стал говорить со мной о таких вещах? Я только разрешила ему мясо, как всегда. Я ведь уже упоминала, что была очарована им как героем войны и прекрасным танцором». — «Кто еще сидел за столом?» Опиц сам это знает и знает, что знает она. Урсула перечисляет присутствовавших, притворяясь, будто изо всех сил напрягает память. В кабинет заходит Кальтенбруннер, быстро выходит, заходит снова. Они с Опицем шепотом переговариваются. Тон Опица становится очень доброжелательным: «А теперь я должен вас расспросить по поводу вашей работы в “Дойче альгемайне цайтунг”. Вы ведь, кажется, дружили с фон Книхаузенем...» Урсула вздрагивает: речь идет о Фрици. «Вы представляли его в Потсдаме Шуленбургу?» Урсула немного расслабляется (потому что такого не было): «Я действительно знала Фрица фон Книхаузена, который часто бывал у меня на Паризерплац. Но я никому не представляла его в Потсдаме». — «Имел ли он намерение бежать?» Урсула понимает, что Фрици либо мертв, либо уже месяцами подвергается пыткам — может быть, в этих самых подвалах, в нескольких метрах от нее. «Вовсе нет!» Допрос продолжается весь день и ночь, без перерыв-

ва. Машинистка, платиновая блондинка, часто поднимается, чтобы сходить в туалет. Следователь наклоняется к Урсуле: «А теперь опишите мне в более личном плане руководителя заговора... Штауфенберга». — «Это весьма утонченный человек, так сказать, *Sonnenknabe* (дитя солнца)». Господин советник по криминальным делам громко смеется, услышав у себя в кабинете это выражение из лексикона великосветских дам: «Вы либо дурочка, либо очень умелая лгунья». — «Но вы же не станете приговаривать к смерти маленькую идиотку вроде меня, которая просто хотела показаться более умной, чем есть на самом деле!» — «Это не исключено. Стоит вам хотя бы один раз впасть в противоречие с самой собой или пропустить хоть одну важную деталь, и машина правосудия вас уже не выпустит!» Он опять смеется и протягивает к ней руки, будто хочет ее схватить. Блондинка с удивлением смотрит на них: «Ну хорошо, давайте посмотрим протокол». Может, это ловушка? Просмотр протокола длится еще несколько часов. Урсула проявляет удивительное упорство, обдумывает каждое слово, каждую фразу, повторяет свои заявления, не допуская ни единой ошибки, не противореча себе. В заключение она еще раз прочитывает и перечитывает безупречно напечатанный протокол, все время ожидая от своего визави коварного выпада. Она находит в себе силы, чтобы улыбнуться платиновой блондинке, и наконец — играючи, как если бы перед ней лежала ее статья, — ставит внизу свою подпись. «Фрейлейн, вы свободны. До встречи с вами я не видел, чтобы отсюда вышел хоть один человек — за исключением разве что отца-иезуита. Поздравляю вас!» В редакции все празднуют ее возвращение. Уже десять вечера. Она очень тронута тем, что сам генеральный директор заходит, чтобы выпить с ней шнапса. Она кладет так и не законченную статью на стол, потом подходит к своему шкафчику, достает туфли на высоких каблуках и говорит, оборачиваясь к друзьям: «А теперь пойдемте, будем танцевать всю ночь!» Но вдруг без сил опускается на пол и засыпает — она проспит сутки подряд.

Прихода русских ожидают к 22 февраля 1945 года. Но они придут только в апреле. Угля осталось не больше чем на 14 дней. Громкоговорители хрипло вещают: «Уезжайте из Берлина, уезжайте как можно скорее». Но чтобы уехать, нужен билет, который стоит денег. Каждый вечер, точно в 20 часов и в 23 часа, появляются вражеские бомбардировщики. «Бункер Шпеера» — последнее место, где можно поговорить. Это роскошное убежище: с ванными комнатами, горячей водой, кроватями, письменными столами, креслами; там еще встречаются элегантно одетые светские люди, а продовольственных припасов столько, что их вполне хватило бы для снабжения Ноева ковчега. Здесь начинаешь верить, что самые хитрые или те, кем не интересуются представители высших сфер, все-таки спасутся, выживут. Придя сюда, можно увидеть, например, лучшего танцовщика Оперы или ветерана Первой мировой войны в русской шубе и остроконечной каске! А наверху, в городе, некоторые бойцы невидимого фронта — вроде Фридриха Эберга-младшего — готовятся к тому, что вскоре смогут вздохнуть свободно после двенадцати лет нелегального существования. Священники продолжают делать свою повседневную работу. «Тилен» принял эстафету от Фрици и Урсулы. Он действует в контакте с Хельмутом, Клюстом и Юттой — молодой еврейкой, работающей одновременно на организацию фрау Бэрхен и на «Красную капеллу» (и уже научившейся убивать). Килограмм муки стоит 300 марок. В госпиталях самым тяжелым больным выдают гранаты — видимо, чтобы они могли в случае чего организовать оборону своих коек. Последние газеты комментируют случаи «насилия», совершаемого русскими в восточных провинциях, где оккупанты уже объявили о национализации частной собственности и теперь крадут что ни попадя, вплоть до рельсов. После февральских воздушных налетов американцев весь квартал прессы снесен с лица земли, редакций «Дойчер ферлаг» и «Дойче альгемайне цайтунг» больше не существует. О двенадцатой годовщи-

не прихода к власти нацистов из выступающих по радио вспоминает только Геббельс — он до сих пор уверяет своих слушателей, будто со дня на день будет одержана «тотальная победа». Между тем из громкоговорителей доносятся все те же настойчивые призывы: «Они идут (*Sie kommen*)! Уезжайте из города, уезжайте как можно скорее!» Циркулируют самые невероятные слухи: будто нацисты, чтобы замести следы, взрывают концентрационные лагеря, а «Красная капелла» готовит группы рабочих, которые должны будут этому воспрепятствовать. Повсюду (в подвалах, известных только узкому кругу посвященных) изготавливают фальшивые рабочие и командировочные удостоверения, другие документы, железнодорожные билеты. Одна такая фальшивка стоит от 500 до 1000 марок. А, скажем, килограмм настоящего кофе — 300 марок. Берлинцы стараются не покидать своих убежищ, куда приносят мешки с постельными принадлежностями, — отчасти по привычке, отчасти потому, что у них нет денег. Потсдамерплац и весь «шикарный уголок» центра были еще раз прочесаны американской авиацией. «Адлон» перестал быть табуированным для вражеских летчиков «островом блаженных». И тоже уже уничтожен. Жителей рабочих кварталов эвакуируют. Люди богатые улетают на самолетах — с двух оставшихся, еще не пострадавших от обстрела аэродромов. На старом вокзале, построенном еще в Первую мировую войну, десятки тысяч людей кричат, толкают друг друга, пытаются влезть в поезда через окна, но их отталкивают. Полицейские требуют предъявить билеты. А офицеры в «черно-серебряной форме» (эсэсовцы), с револьверами в руках, останавливают подростков и пожилых мужчин, сгоняют их в отдельную группу. Вообще же 70% пятнадцатилетних парней из

---

¹ Немецкое ополчение, созданное по инициативе Гимmlера и Геббельса для последней обороны Третьего рейха зимой 1944/45 г. «Фольксштурм» набирался из числа немцев, по той или иной причине не годных к строевой службе, в возрасте от 16 до 60 лет. Первые батальоны считались вспомогательными отрядами местной полиции, но в последние дни обороны Берлина подразделения «Фольксштурма» были брошены против наступавших регулярных войск союзников. (*Примеч. пер.*)

«фольксштурма»¹, «молодых волков», — добровольцы. Геббельс устраивает им смотри, даже Гитлер на минуту вышел из своего бункера, чтобы позвать маленькие руки невинных ребят в униформе, обреченных на смерть. Повсюду снуют деятельные монахини из госпиталя Святого Франциска. Известно, что даже в брошенные бараки власти приглашают безработных, которые проводят там всю зиму (при минус 20°), каждый день от восхода до заката, чтобы эти помещения не пустовали и чтобы легче было их контролировать. Понятно, почему после 1943 года было так много беременных женщин, — они не хотели выполнять трудовую повинность. «Мы тогда засовывали подушки под свои юбки», — рассказала мне одна женщина в 1984 году. По городу по-прежнему расклеивают листовки: «Они насилуют, они убивают!»; «Мы хотим победить — значит, мы победим»... Штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе уже нет: она была снесена внезапным взрывом. По улицам торопливо движутся размытые силуэты — из никуда в никуда, сквозь задымленный день, сквозь озаряемую фосфорными вспышками ночь... Советские солдаты уже в городе.

Kriegsende, конец войны

Район Тиргартен (Зоологический сад) превратился в поле битвы. Неповрежденным осталось только здание министерства пропаганды. Геббельс в последний раз обращается к своим соотечественникам через громкоговорители: «Фау-5 уничтожат Россию, Англию, всю Вселенную»¹. Фрау Бэрхен — героиня

---

¹ Об этих днях Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» (1947) пишет: «Наши разбитые, разрушенные города падают, как созревшие плоды...»

Русские войска, заняв Кёнигсберг и Вену, высвободили силы для форсирования Одера, миллионные армии устремились к лежащей в развалинах столице империи, из которой давно уже вывезли все министерства, и, довершая разрушения с воздуха огнем своей тяжелой артиллерии, в настоящую минуту подходят к центру города...

Тем временем заокеанский генерал приказывает населению Веймара продефилировать перед крематорием тамошнего конц-

этих последних дней войны, когда берлинцы (циничные, исхудавшие, потерявшие все, с ввалившимися глазами, похожие на встревоженных птиц) прячутся на этажах полуразрушенных домов. Она и сама живет, если можно так выразиться, в полукомнатке (у которой осталось лишь две стены), где достаточно сделать лишний шаг вправо или влево, и ты провалишься в пустоту. Она называет такие жилища *Sperlinger Lust*, «улада для воробьев». Она видела старика в гражданской одежде, который вывесил белый флаг на десять минут раньше срока и в результате был расстрелян за 60 секунд до окончания военных действий. Она помогала организовывать первые обеды в оккупированном Берлине: тогда суп стоил 100 марок, а ложка выдавалась под залог в 200 марок. Она видела, видела собственными глазами, в конце апреля, как человек по кличке «золотой фазан», известный гешефтмахер из нацистской партии, пришел в аптеку, которая расположена на маленькой улочке за рейхсканцелярией, чтобы реквизировать яды для «Черного паука». Провизор Шваб сказал: «Я приготовил очень маленькие дозы, достаточные, чтобы заставить человека страдать, но недостаточные, чтобы принести смерть. Это будет наша месть». Какой-то иезуит молится; вокруг него собрались дети в белых одеждах, впервые принимающие причастие, и женщины в черном. Адъютант Геббельса, задержанный тремя русскими, не сомневается в

лагеря, объявляет (так ли уж несправедливо?) всех этих бюргеров — по видимости, честно продолжавших заниматься своими делами, хотя ветер и доносил до них зловоние горелого человеческого мяса, — соответчиками за совершенные злодеяния и требует, чтобы они своими глазами все это увидели. Пусть смотрят, я смотрю вместе с ними, мысленно бок о бок с ними прохожу в тупо молчащих или содрогающихся от ужаса рядах...

Ах, я боюсь, что за дикое это десятилетие подросло поколение, которому мой язык столь же непонятен, сколь непонятен мне тот, на котором говорит оно, боюсь, что молодежь нашей страны так от меня далека, что негоже мне быть ее учителем; и более того: сама злосчастная Германия стала мне чужой, совсем чужой, именно потому, что, предчувствуя страшную развязку, я стоял в стороне от ее прегрешений, одиночеством спасался от них. И вот опять я должен себя спросить, правильно ли я поступал? И еще: было ли то поступком?» (пер. С. Апта и Н. Ман). (*Примеч. пер.*)

том, что его сейчас расстреляют. Вдруг он кричит: «Шнапс, шнапс!» — и, сорвавшись с места, бежит вместе со своими красными конвоирами туда, где раньше был бар *Gruban und Souchay*, чтобы достать из тайника в развалинах припрятанные им бутылки. Все четверо тут же напиваются. Одна женщина выменяла на несколько фляг спиртного новенький гроб — и теперь, умиротворенная, сидит в нем, дожидаясь конца войны. Эсэсовцев проводят по улицам, заставляя держать руки за головой, и потом расстреливают у руин Бранденбургских ворот. Русский младший офицер (который расскажет мне об этом эпизоде в 1983 году) спрашивает молоденького немецкого солдата: «У тебя есть невеста?» — «Да». — «Она красивая?» — «Да». — «Хорошо, тогда давай быстрее сматывайся!» В последней стычке танки «Т-34» одерживают победу над «тиграми». Мальчишки из «фольксштурма», переодетые в солдатскую форму, еще стреляют. Видела ли фрау Бэрхен, как бежал Мартин Борман?¹ Знала ли, что Гиммлер предал фюрера?² Что Геринг, уже некоторое время находившийся в Альпах, в одной из «твердынь национал-социализма», поступил так же?³ Во всяком случае, она

---

¹ Перед смертью, в своем политическом завещании, Гитлер назначил Мартина Бормана руководителем НСДАП. Борман покинул бункер уже после смерти фюрера и погиб 2 мая, пытаясь прорваться из осажденного Берлина. Долгое время ходили слухи, что Борман бежал в Латинскую Америку. В 1973 г. Франкфуртская прокуратура официально подтвердила, что Борман погиб в мае 1945 г. Однако лишь в 1998 г. экспертиза окончательно удостоверила, что найденные в Берлине останки принадлежат Борману. (*Примеч. пер.*)

² С 1943 г. Гиммлер становится вместо Фрика имперским министром внутренних дел, а после провала июльского заговора 1944 г. — командующим Резервной армией. Начиная с лета 1943 г. Гиммлер через своих доверенных лиц начал осуществлять контакты с представителями западных спецслужб с целью заключения сепаратного мира. Узнавший об этом Гитлер в своем политическом завещании, составленном 29 апреля 1945 г., исключил Гиммлера из НСДАП как изменника и лишил его всех чинов и занимаемых постов. Покинув рейхсканцелярию, Гиммлер направился к датской границе, но 21 мая был арестован британскими военными властями и покончил с собой, приняв яд. (*Примеч. пер.*)

³ В конце лета 1944 г. Люфтваффе практически распалось. Гитлер публично обвинил Геринга в том, что тот не смог организовать противоздушную оборону страны. 23 апреля 1944 г. Геринг

знает, что Адольф и Ева, заключившие брак *in extremis*¹, уже мертвы, как и семейство Геббельсов. Они все покончили жизнь самоубийством!² От внимания фрау Бэрхен не ускользает ничего. Она, например, разделала тушу убитой лошади и распределяет между желающими, которые принесли с собой ведра, окровавленные куски мяса. Вернувшись домой, она окликает бродящих по этажам русских солдат, и те, уловив в ее интонации что-то родное, сла-

---

обратился к Гитлеру по радио, прося его согласия на принятие им, Герингом, на себя функций руководителя правительства. Геринг объявил, что, если не получит ответа к 22 часам, будет считать это согласием. В тот же день Геринг получил отказ Гитлера и был арестован отрядом СС по обвинению в государственной измене. Гитлер впал в ярость, называл Геринга «проклятым наркоманом» и «вороватым спекулянтom», а в своем политическом завещании исключил Геринга из НСДАП и вместо него официально назначил своим преемником гросс-адмирала К. Дёница. Геринг содержался в заключении в замке близ Берхтесгадена. 8 мая был арестован американскими войсками. На Нюрнбергском процессе превосходно построил свою защиту, но был приговорен к смертной казни через повешение. 15 октября 1946 г., за два часа до исполнения приговора, отравился цианистым калием. Геринг не считал себя предателем и, узнав о самоубийстве Гитлера, сказал жене: «Он мертв, Эмма! Теперь я уже никогда не смогу объяснить ему, что был верен ему до конца!» (*Примеч. пер.*)

¹ В силу чрезвычайных обстоятельств (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

² Бракосочетание Гитлера и Евы Браун состоялось в бункере 29 апреля 1945 г. Затем фюрер продиктовал своему личному секретарю Гертруде Юнге последнюю волю и политическое завещание. На следующий день он застрелился, выпустив себе пулю в рот, а Ева Браун приняла капсулу с цианистым калием. В соответствии с распоряжением Гитлера их тела облили бензином и сожгли в саду рейхсканцелярии. Йозеф Геббельс и его жена Магда попросили присутствовавшего в бункере врача сделать смертоносные уколы шести своим дочерям, а их самих, также по их просьбе, прикончил выстрелами в затылок один из эсэсовцев.

Пока догорали их трупы, последние обитатели бункера выбрались наружу, чтобы, воспользовавшись темнотой, попытаться скрыться. Генриху Мюллеру, находившемуся в бункере, удалось бежать. По некоторым сведениям, он перешел на службу в советскую разведку и умер в Москве в 1948 г. Кальтенбруннер, Риббентроп, Кейтель, Розенберг, Йодль, Франк были на Нюрнбергском процессе приговорены к смертной казни и повешены. С Вальтера Шелленберга в ходе судебного разбирательства были сняты все обвинения, кроме членства в преступных организациях, а также причастности к расстрелам военнопленных. В 1949 г. он был приговорен к шести годам тюремного заключения, но в декабре 1950 г. освобожден. Жил в Швейцарии, а потом в Италии, где и умер в 1952 г. Гудериан был взят в плен американцами, но вскоре освобожден. (*Примеч. пер.*)

вянское, вдруг начинают плакать, как дети, у нее на груди. Эта женщина, в красном платке и больших сапогах, с простонародным выговором, на самом деле есть другое воплощение, другой лик Урсулы. Вот она кипятит в котелке грязноватую воду, оказывает первую помощь раненым мальчишкам, на несколько часов примиряет «черных» и «красных».

Англичане и американцы в Берлин еще не вошли! Между тем Германия Дёница и Кейтеля уже капитулировала¹. Немцы слышат, как иностранные солдаты просят: *«Frau, komm»*, «Пойдем, фрау», — обращаясь к тридцатилетним женщинам, которым можно дать 60. Солдаты пытаются подманить женщин пальцем или щелкают себя по горлу, что означает: «Я хочу выпить». Десятилетние шалопаи играют в войну, забравшись в перевернутый обгоревший танк, застрявший напротив рейхстага. Берлин сейчас напоминает разрушенный Сталинград. Вокзал Груневальд еще функционирует. Дежурный диспетчер нарочно замедляет ход поездов, чтобы молодые немецкие военнопленные успели выскочить из вагонов! В первом вновь открывшемся театре, украшенном портретами Сталина и Гарро Шульце-Бойзена, одного из руководителей «Красной капеллы» (которого повесили

---

¹ Карл Дёниц 20 апреля посетил Гитлера в бункере в связи с его 56-летием. Гитлер в политическом завещании назначил Дёница своим преемником на посту президента и верховного главнокомандующего. Став главой страны, Дёниц 2 мая перенес свою резиденцию во Фленсбург. Он предпринимал активнейшие попытки добиться скорейшего заключения перемирия с западными союзниками и вывести как можно больше войск и гражданского населения с территорий, которые могут быть заняты советскими войсками. 23 мая вместе со всем составом правительства был арестован американскими военными властями. В Нюрнберге блестяще провел свою защиту, но был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Отбывал свой срок в тюрьме Шпандау и вышел на свободу в 1956 г. Автор нескольких книг по истории мировой войны и мемуаров. Умер в 1980 г.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (вместе с генералом Г. Штумпфом и адмиралом Г. Фридебургом) 8 мая 1945 г. в Берлине подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Затем выехал во Фленсбург, к К. Дёницу, где и был арестован вместе со всеми членами правительства. На Нюрнбергском процессе признал себя виновным по предъявленным ему пунктам обвинения, был приговорен к смертной казни и повешен. (*Примеч. пер.*)

в 1942 году вместе с его сестрой Либертас), играют «Трехгрошовую оперу» Брехта. Весь город пропах смертью, характерным запахом *Muckefuck* (кофейного суррогата), затхлостью давно не мытых человеческих тел.

Мир, содрогаясь от страха, открывает для себя правду о концентрационных лагерях. Многие берлинцы — тоже. Незнакомые люди легко переходят на «ты», бросаются друг к другу на шею, отпускают циничные шутки, плачут. Вскоре на Кудамме появляются британцы — они выглядят безупречно, часто прогуливаются под руку с не менее элегантными женщинами. Вот какой-то берлинский дедушка бродит среди руин вместе со своей внучкой. Девочка-подросток кивком головы показывает на молодого немецкого солдата с покалеченными ногами, в грязной униформе, и спрашивает: «Скажи, он тоже хотел войны?» Старик ничего не отвечает и только печально смотрит на нее. Тогда она пожимает плечиками и изрекает странную фразу: «*Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral*», «Сперва приходит жратва, а уж потом мораль».

БИБЛИОГРАФИЯ

[При составлении библиографии использовались справочные издания «Энциклопедия Третьего рейха» (М., 2000, сост. С. Воропаев) и «Вожди и военачальники Третьего рейха. Биографический энциклопедический словарь» К. А. Залесского (М., 2000).]

Aron R. Mémoires, Julliard, 1983 (глава о Германии).

Abschlagen K. H. Canaris, Laffont.

Alexander G. So ging Deutschland in die Falle. Düsseldorf, 1976.

Alexandrov V. La mafia des SS, Plon, 1983 — и другие многочисленные труды (публиковавшиеся в издательстве «Малапарте») о тайнах Третьего рейха.

Амурских Н: все его труды о годах оккупации Европы.

Aronson S. Heydrich und die Anfänge des SD und der Gestapo 1931—1935, Berlin, 1966.

Baum V. Grand Hôtel (речь идет об «Адлоне», который был разрушен только в 1945 г.), Stock.

Bartz, Karl. The Downfall of the German Secret Service, Kimber, London, 1956.

Benedikt H. Geschichte der Republik Österreich, Wien, 1954.

Bennecke H. Die Reichswehr und der Röhm-Putsch, München und Wien, 1964.

Benoist-Mechin J. Histoire de l'armée allemande, Paris, 1964—1966.

Bernstein J. The Analytic Empire, Random House, New York.

Bertrang G. Enigma et les origines de la guerre, Plon, 1973.

Bovery M. Treason in the 20th Century, Macdonald, London, 1961.

Buchheit G. Hitler chef de la guerre, Arthaud, 1958.

(См. также другие его работы, прежде всего The Anatomy of the SS state, Collins, London, 1968.)

Bullock A. Hitler ou les mécanismes de la tyrannie. Marabout, 1980.

Burdick C. Germany's Military Strategy and Spain, Syracuse, USA, 1968.

Carsten F. The Reichswehr and Politics, Oxford University Press, 1966.

Cavana. Les Russkoffs, Livre de poche.

Cave Brown A. La Guerre secrète, Pygmalion, 1981 (в этой книге используются источники из архивов американского и британского генеральных штабов, впервые рассекреченные после тридцати лет молчания).

- Celovsky B. Das Münchner Abkommen 1938, Stuttgart, 1958.
- Charisius A. Nicht länger geheim. Berlin-Est, 1969.
- Churchill W. The Great War, George Newnes, London, 1953.
- Ciano G. Memorie, Einaudi, Milano, 1948.
- Diplomatic Papers, London, 1941.
- Clart A. Barbarossa, Morrow, New York, 1965.
- Collier R. Ten Thousands Eyes, Dulton, New York, 1958.
- Conquest R. La Grande Terreur, Stock, 1970.
- Crankshaw E. The Gestapo, Putnam, London, 1956.
- Cookson J. Chemical Biochemical Warfare, Sheed, London, 1969.
- Dahlerus. Dépositions à Nurenberg (архивные документы).
- Dahms H. G. Der spanische Bürgerkrieg. Tübingen, 1962.
- Dallin A. La Russie sous la botte nazie, Fayard, 1970.
- Delarue J. Histoire de la Gestapo, Fayard.
- Delmas A. Biographie psycho-pathologique de Hitler, Rivière, 1938.
- Doenitz K. Memoirs (очень интересные мемуары гросс-адмирала К. Дёница, преемника Гитлера; см. также: Ten Years and Twenty Days, Nicolson, London, 1959).
- Deutsch H. Conspiracy against Hitler, University Press, London, 1968.
- Hitler and his Generals: The Hidden Crisis 1938, Oxford University Press, 1975.
- Donnevert R. Wehrmacht und Partei, Leipzig, 1938.
- Dulles A. Les Secrets d'une reddition, Beauval, 1970.
- Fabry P. Der Hitler — Stalin — Pakt 1939—1941, Darmstadt, 1962.
- Farago L. Le IVe Reich (о Мартине Бормане и нацистах, бежавших в Южную Америку), Belfond, 1975.
- Fest J. C. Hitler, 2 vol., Gallimard, 1973 (труд капитальной важности). См., особенно, главы «Jeunesse» и «Conquête du pouvoir».
- Fischer A. Sowjetische Deutschlandpolitik, Stuttgart, 1975.
- Flicke W. F. Rote Kapelle, Hilden, Dusseldorf, 1945.
- Foerster W. Generaloberst Von Beck, Munich, 1953.
- Ford C. Donovan of OSS, Robert Hale, London, 1971.
- François Poncet A. Souvenirs d'une ambassade, Plon, 1945.
- Galland A. Luftwaffe dans la 2e Guerre Mondiale.
- Gallo M. La Nuit des longs couteaux, Laffont.
- Gehlen R. L'Organisation Gehlen — Mémoires, Beauval, 1978.
- Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende, Hamburg, 1964 (очень интересные свидетельства).
- Giskes H. Spione überspielen Spione, Hamburg, 1955.

Goebbels J. Derniers Carnets, Flammarion, 1977; The Goebbels Diaries, Hamilton, London, 1948.

Gordon D. & D. The Hidden Weapons, Harper's, New York, 1947.

Gorlitz W. Generalfeldmarschall Keitel, Göttingen, 1961.

Guderian. Panzer Leader, Ballantine, London, 1972 (воспоминания генерала Гудериана, командующего танковой армией).

Guillaume G. La Guerre germano-soviétique, Fayard, 1949.

Grunfeld F. V. The Hitler File, Weidenfeld & Nicolson, London, 1946.

Halder. Hitler as Warlord, Putnam, London, 1946.

Hassel U. Vom anderen Deutschland, Fribourg, 1946; Diaries (дневники Хасселя, являющиеся серьезной базой для исследования той эпохи), Hamilton, London, 1948.

Harriman A. Paix avec la Russie, Arthaud, 1960.

Heiden K. Hitler: a biography; Röhm et la SA; A History of NS (эти работы, к сожалению, очень трудно найти).

Helmdach E. Überfall? Neckargemünd, 1975.

Henderson N. The Failure of a Mission, New York, 1940.

Hindenburg. Aus meinem Leben, Leipzig, 1934 (воспоминания президента Гинденбурга, в 1933 г. назначившего Гитлера на пост рейхсканцлера).

Hilberg R. The Destruction of the European Jews, W.H. Allen, London, 1961.

Hitler A. Mein Kampf, Boston, 1943 (полная версия); Hitler Letters and Notes Hasper, 1933—1945, New York, 1974.

Hill L. Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950, Wien, 1974.

Hoerke K. P. Terzo Reich, Italia fascista, Einaudi, Milano, 1970.

Hoettl W. The Secret Front and Nazi Espionage, Praeger, New York, 1954.

Höhne H. The Order of the Death's Head, Secker & Warburg, London, 1969.

Canaris le maître de l'Abwehr, Belfond, 1982 (обе работы очень серьезные).

Huzenberg. Krupp et la Grande Alliance.

Hossbach F. Wehrmacht und Hitler, Hannover, 1949.

Hull Cordell. Memoirs, Mac Miller, New York, 1948.

Ingersold R. Ultra secret, La Jeune Parque.

Irving D. German Atomical Bomb, Sunon Scheister, New York, 1968; Hitler's War, Hodder & Stoughton, London, 1977.

Isherwood Ch. Adieu à Berlin, Hachette Littérature, 1980.

Jacobsen H. A. Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933—1938, Frankfurt und Berlin, 1968.

Jaksch W. Europas Weg nach Potsdam, Stuttgart, 1958.

Jasper G. Von Weimar zu Hitler 1930—1933, Frankfurt, 1963.

- Jong J. Die deutsche Fünfte Kolonne, Stuttgart, 1959.
- Joukov G. Mémoires (мемуары одного из победителей войны), Fayard.
- Kaltenbrunner E. Spiegelbild einer Verschwörung (отчеты Борману и Гитлеру по поводу событий 20 июля 1944 г., архивы руководителя СД), Seewald, Stuttgart, 1961.
- Kardoff U. Auszeichnungen aus den Jahren 1942—1945, D.T.V., Munich, 1976 (очень важные свидетельства о повседневной жизни).
- Kempner R. S.S. im Kreuzverhör, Munich, Princeton, 1968.
- Kersten F. The Kersten Memoirs 1940—1945, Hutchinson, London, 1956.
- Keilmannsegg A. Fritzschprozess 1938 (о «сухой чистке» в германском генеральном штабе), Hamburg, 1948.
- Knef H. A cheval donné, Laffont, 1972 (жизнь в Берлине при нацистах).
- Kordt E. Nicht aus den Akten, Mannheim, 1949.
- Kotze H. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943, Stuttgart, 1974.
- Krummacher F. A. Krieg und Frieden, Esslingen, 1970.
- Leber Annedore. Das Gewissen entscheidet, Frankfurt, 1957.
- Leverkuehn P. German Military Intelligence, Nicolson, London, 1954.
- Lewin R. Rommel, London, 1969.
- Liddell Hart. Les généraux allemands vous parlent, Fayard, 1949.
- Histoire de la 2e Guerre mondiale, Fayard, 1973.
- Longmate N. If Britain had Failed (проекты Гейдриха относительно колонизации Великобритании), Archiv für historische und zeitgeschichtliche Dokumentation Seewald, Stuttgart.
- Majdanaly F. Alamein in the Desert, Lippincot, New York, 1965.
- Manchester W. Churchill, 1984.
- Manstein E. Last Victories, Chicago, 1958 (воспоминания одного из величайших военачальников германской армии, пережившего войну).
- March. Memoirs of a Nazi Architect, New York, 1942.
- Marshall G. Reports to the Secretary of War, Washington D.C. 1943—1945.
- Meixner K. Archives sur le théâtre Schiller, Berlin, 1943.
- Mason D. U Boat, the Secret Menace, New York, 1968.
- Maser W. Hitler's Letters and Notes, Harper's, New York; Hitler inédit, Albin Michel, 1975.
- Masterman J. Double-Cross System in the War of 1939—1945, Yale University Press, 1972.
- Montgomery. Memoirs, World Cleveland, 1958 (мемуары британского генерала, победителя Роммеля).

- Mosley L. *The Cat and the Mice*, Harper's, New York, 1959.
- Müller J. *Bis zur letzten Konsequenz*, Munich, 1975 (текст секретного агента абвера, действовавшего против нацистов).
- Müller K. J. *Das Heer und Hitler*. Stuttgart, 1969.
- Mussolini B. *Memorie 1942—1943*, Roma.
- Nathan O. *German's Mobilization for War*, Durban, 1944.
- Nicolai W. *Mémoires du vieux maître des services secrets allemands qui inspira les officiers de l'Abwehr*; *The German Secret Service*, Harrap, London, 1929; *Geheime Mächte*, Leipzig, 1925.
- Olden. *The Pawn*, London, 1939 (портрет Риббентропа).
- O'Neil R. J. *German Army and the Nazi Party*, Cassell, London, 1966.
- Pasch B. *The Alsos Mission*, New York, 1969.
- Papen F. *Memoirs*, Deutsch, London, 1952 (воспоминания союзника и врага Гитлера).
- Peis G. *Naujoks l'homme qui déclara la guerre*, Arthaud, 1959.
- Perrault F. *L'Orchestre rouge*, Fayard, Livre de poche (на эту тему есть и другие работы).
- Pertinax. *Souvenirs*, Paris, 1944.
- Philby K. *Ma guerre silencieuse*, Laffont, 1968.
- Pinto O. *Amici o traditori?* Mondadori, Milano, 1953.
- Poliakoff L. W. *Dritte Reich und die Juden*, Berlin-Est, 1955.
- Praun A. *Soldat in der Telegraphen und Nachrichten-truppe*, Würzburg, 1965.
- Putlitz W. *Unterwegs nach Deutschland*, Berlin-Est, 1957.
- Puttkamer J. *Von Stalingrad zur Volkspolizei*, Wiesbaden, 1951.
- Ranson H. *The Intelligence Establishment*, Cambridge University Press, New York, 1970.
- Rauschnig H. *Hitler m'a dit*, Flammarion, 1951.
- Reile O. *Geheime Ostfront*, Munich, 1963.
- Reiman V. *Goebbels*, Zürich, 1971.
- Remy: много работ о войне, главным образом об оккупационном режиме во Франции и других странах Европы.
- Ribbentrop. *From London to Moscow* (автору попадались только цитаты из этой книги в разных изданиях, с интересными описаниями дипломатических поездок министра иностранных дел Третьего рейха).
- Robertson T. *Dieppe, Shame and Glory*, Hutchinson, London, 1963.
- Roden H. *Deutsche Soldaten*, Leipzig, 1935.
- Rommel E. *The Rommel Papers*, Harcourt, New York, 1953 (тексты генерала Роммеля).
- Rovan J. *Allemagne, «Petite Planète»*, Le Seuil, 1957.
- Seabury P. *The Wilhelmstrasse*, Berkeley, Los Angeles, 1964.

Schlabrendorf W. Secret War against Hitler, Hodder and Stoughton, London, 1950.

Schellenberg W. Le Chef du contre-espionnage nazi parle, Julliard.

Schmidt. Mémoires de l'interprète de Hitler, Bonne, 1943 (очень достоверные воспоминания, были изданы на многих языках).

Schramm von Thadden E. Griechenland und die Grossmächte im Zweiten Weltkrieg, Wiesbaden, 1955.

Shirer W. L. Le Troisième Reich, Stock, 1967; Livre de poche, 2 vol. (фундаментальный труд, без знания которого не может обойтись ни один историк).

Siebert F. Italiens Weg in den Zweiten Weltkrieg, Frankfurt, 1962.

Smith R. O.S.S., University of California Press, 1972.

Sommer T. Deutschland und Japan, Tübingen, 1962 (существует английский перевод).

Speidel H. Invasion 1944, Tübingen, 1961.

Strobing R. A/54, List Verlag, Munich, 1966.

Strutton B. The Secret Invaders, London, 1948.

Taylor A. De Sarajevo à Potsdam, Flammarion, 1969.

Thyssen F. I paid Hitler, New York, 1941.

Thomas H. La Guerre d'Espagne (участие немцев в этой войне, показанное с точки зрения Берлина), Cercle de la Bibliographie française.

Toynbee A. Hitler's Europe, London, 1954.

Veit U. Justus Gruner als Schöpfer der Geheimen Preussischen Staatspolizei, Coburg, 1937.

Waerlemont W. Inside Hitler's Headquarters 1939–1945, Praeger, 1966.

Wedemeyer A. C. Wedemeyer Reports! New York, 1958.

Weisenborn D. Der lautlose Widerstand, Rowohlt, Hamburg.

Welles. The Times for Decision, New York, 1944.

Weizsacker E. Memoirs, London, 1950.

Westphal S. German Army in the West, Cassell, London, 1951.

Whaley B. Codeword Barbarossa, M.I.T. Press, Cambridge, 1973.

Wheatley R. Operation Sea Lion, Oxford University Press, 1958.

Witzig R. Die Einnahme von Eben, Werkinde, 1946.

Young D. Rommel, New York, 1949.

Wouk H. Le Souffle de la guerre, Laffont, 1972 (Берлин глазами американца).

Ziesel K. Der rote Rufmord, Tübingen, 1961.

Zolling H., Höhne H. Network, Secker & Warburg, London, 1972.

Zweig S. The World of Yester Day, New York, 1943.

Книги из этого списка, имеющиеся в русских переводах

- Абжаген К. Х. Адмирал Канарис. — Ростов н/Д., 1998.
Геббельс Й. Последние записи. — Смоленск, 1993.
Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Ростов н/Д., 1998.
Деларю Ж. История гестапо. — Смоленск, 1993.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М., 1969.
Ишервуд Ч. Прощай, Берлин! — М., 2000.
Манштейн Э. Утерянные победы. — Ростов н/Д., 1999.
Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. — М., 1993.
Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. — Смоленск, 1998.
Фест И. Гитлер: биография. Т. 1—3. — Пермь, 1993.
Шелленберг В. Лабиринт. — М., 1991.
Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1—2. — М., 1991.

См. также

- Асы подводной войны. — Харьков, 1997.
Безыменский Л. А. По следам М. Бормана. — М., 1965.
Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. — М., 1998.
Военные летчики: асы Второй мировой войны. — Минск, 1997.
Волков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. — М.; Смоленск, 1998.
Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. — М., 1997.
Галанд Д. Адольф Гитлер. Т. 1—2. — М., 1993.
Галкин А. А. Германский фашизм. — М., 1989.
Гротов Г. Герман Геринг — маршал рейха. — М.; Смоленск, 1998.
Зегер А. Гестапо — Мюллер. — Ростов н/Д.; М., 1997.
Мичем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха. — Смоленск, 1993.
Павленко П. Мартин Борман: «серый кардинал» III рейха. — М.; Смоленск, 1998.
Педфилд П. Рудольф Гесс — сподвижник Гитлера. — Смоленск, 1998.
Пикет Г. Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск, 1993.
Ржевская Е. М. Геббельс: портрет на фоне дневника. — М., 1994.
Хлебников Г. Интимная жизнь Гитлера. — М., 1995.
Шпеер А. Воспоминания. — Смоленск; М., 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Владимир Галл</i> . Берлин остается Берлином!	6
Предисловие	10

Глава первая **ВРЕМЯ ШТУРМОВЫХ БРИГАД**

Красный митинг и праздник «мартовского» пива	13
В семейном пансионе	14
Гитлер играет с Оскаром и Отто	17
Всё начинается с шантажа	20
Безработные, воры, молодые авантюристы	22
Призрачные войска на улицах	24
Телефонистки устали	26
Как имиджмейкер создавал канцлера	28
Эмоции, переживаемые на сцене	30
Переполох в редакциях	32
Гаванские сигары и «тикеры»	33
Много штурмовиков и чуть-чуть эсэсовцев	34
Эйнштейн на Шпрее	36
Актеры, кабаре	37
Дадаистское такси покидает Берлин	40
В «Романском кафе»	41
Йо-йо, Блошиный рынок, мальчишки для развлечений	42
В Советском посольстве	43
Рейхстаг горит	44
В синагоге	45
Время пироманов	46
Нацистское «государство благоденствия»	47
СС против СА, схватка в аду	49
Резня в Берлине	52

Глава вторая **АПОФЕОЗ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР**

Два «ангела-хранителя» Гитлера на конной прогулке	57
Мужская компания в отеле «Кемпински»	60
Мы хотим мира!	61
Черные играют против белых	62
Пиво по 10 пфеннигов	64
Выставки, конгрессы, праздники	65
«Таратара» и ходьба «гусиным шагом»	67
«Корабль-призрак» «дяди Германа»	68
«Нордический» праздник	70
Первый парад рейхсвера	71

Глава третья
1938-й: «ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ»

Профессор из комиксов	74
Дипломаты, бароны, генералы чувствуют угрозу	76
Журналисты завтракают в кафе	76
После «влажной» чистки — «сухая» чистка	77
«Особенный день»	80
Свидетели церемонии на Цепелиновых полях	82
Строительство столицы мира	83
Берлинер рундфунк, радио «Берлин»	86
Быть евреем в Берлине	87
Ноябрьская ночь	89
Люди спускаются в метро	91
Неудавшийся заговор против рейхсканцелярии	94
Мюнхенское соглашение спасает Гитлера	96

Глава четвертая
ПАРТИЯ В ПОКЕР

Как пытались справиться с ситуацией состоятельные евреи	100
Смерть старой берлинки	102
На Бернхардштрассе	103
В Новой рейхсканцелярии	104
Гитлер празднует свое пятидесятилетие	107
Человек, разряженный, как павлин	108
Два самолета взлетают с аэродрома «Темпельхоф»	109
Гитлер боится	111
«Пляска смерти» в кабаре	112
Трагические фарсы и ловушки?	113
Пока город спит... ..	115
На Дельбрюкштрассе	117
Громкоговорители на опустевших улицах	119
И что теперь?	120

Глава пятая
БАРАБАНЫ ВОЙНЫ

Маргот, девочка в школьной форме	123
Присяга Гитлеру	125
Генералы недовольны «свиньей»	127
СС экспериментирует	128
В студии УФА на Дёнхофплац	131
Летчик встречается с великим артистом	135
Продовольственные карточки, черный рынок, сутенеры ...	137
Британские ВВС атакуют Берлин	138
Огороды в центре Берлина	139
Остатки рыцарственности вопреки Гитлеру	141
Гитлер в опере	142
Свидетельствует Линдберг	143

Глава шестая

1941-й: «УЛЬТРА» ПРОТИВ «ЭНИГМЫ»

В заводских цехах	146
Две роторные машины	148
Рождество под знаком «Графа Шпее»	150
Дамы беспокоятся за своих парикмахеров и своих поклонников	152
На сцене появляется «Ультра»	154
Интриги в центре Берлина	158
На набережной Тирпиц-уфер	160
В подвале на Вильгельмштрассе	160
Берлинские чиновники за работой	162
Помог ли Канарис Черчиллю?	164
«День орла»	167
Ночные налеты	168
Исход партии еще далеко не ясен	170
Город, потерявший чувствительность	173
Как сохранить хрупкое равновесие сил?	175
Генералы в рейхсканцелярии выражают беспокойство	175
Весенний день в Берлине	177
«Бегство» Рудольфа Гесса	179
«Братья и сестры...»	181
Гудериан пророчествует: Берлин станет новым Вавилоном!	184

Глава седьмая

1942-й: ТРИУМФАЛЬНЫЙ ГОД

Гитлер как «строитель»	188
По ночам «роботам» страшно	190
Совещание по поводу «окончательного решения»	193
Несвоевременная болезнь Вицлебена	195
Лист — как Моисей, Черчилль — как Исав	198
Похороны в Берлине	200
Дьеп: сон в летнюю ночь	201
Берлин в зените славы	203
Траур ради Гитлера	205
Вечеринка в честь «триумфального года»	206
Подпольщики	207
Дети, кухня, церковь?	208
Рабы Большого Берлина	211
На заводе Греца	214

Глава восьмая

1943—1944-й: ОГОНЬ И КРОВЬ ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДА

Последняя битва в Атлантике	218
Реализм в кафе «Рейман»	220
Мимолетные романы	221
«Новый порядок» в Берлине	222

Солдатские письма и заупокойные службы	223
Собор в огне	225
Нет больше ни трубочистов, ни угля	226
Дух Парижа в Берлине	227
Время «Лили Марлен» и листовок о брате и сестре Шолль ...	229
<i>Die Bienen</i> , «пчелы»... ..	230
В ожидании русских	233
Наташа, собирательница трупов	234
Геббельс работает в министерстве пропаганды	236
«Молчание моря»	237
Школьники на занятиях по военной подготовке	239
Урсула читает и делает записи в дневнике	240
Репортаж о жизни рабочих	242
Первое мая 1944 года	243
Последние скачки	244
В отеле «Адлон»	245
Тигры убежали из зоопарка	247
Живой современник короля Фридриха	248

Глава девятая **KRIEGSENDE, КОНЕЦ ВОЙНЫ**

<i>Der Blutsauger</i> , «вампир»	250
Последний спектакль в «Театре Розы»	252
Сад дьявола	254
Штауфенберг за работой	257
Гудериан встречается с Геббельсом	259
«Самолеты-роботы» атакуют	262
Повседневные заботы Фрици, молодого берлинца	263
Встреча на Жандармском рынке	266
Танки разворачивают свои башни	267
Непонятные маневры вокруг зоопарка	270
День скорби	271
Для Фрици находится замена	273
Последняя битва Канариса	274
«Понт» в 1944—1945 годах	279
Люди слушают фон Паулюса	281
Под властью тотального террора	284
В Народной судебной палате	285
Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе	287
«Фольксштурм», «молодые волки»	291
<i>Kriegsende</i> , конец войны	293
Библиография	299

Марабини Ж.
М 25 Повседневная жизнь Берлина при Гитлере / Пер. с фр. Т. А. Баскаковой. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 308[12] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02469-9

Книга Ж. Марабини разрушает стереотипы нашего восприятия фашистской Германии и открывает неизвестные широкому читателю страницы жизни немецкой столицы, находившейся в период власти Гитлера под таким «железным занавесом», приподнять который не смогла даже Олимпиада 1936 года, проходившая в Берлине. Предлагаем познакомиться с повседневной жизнью этого города в самые тяжелые годы его истории. Из отдельных глав, словно из отдельных стеклышек, как в калейдоскопе, перед нами неожиданно складывается общая картина жизни Берлина.

УДК 943.085.0
ББК 63.3(0)6(4Гем)

Марабини Жан

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕРЛИНА ПРИ ГИТЛЕРЕ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **А. В. Никитин**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.05.2002. Подписано в печать 22.01.2003. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 22734.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02469-9

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Б. Н. Флоря

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Мрачная фигура царя Ивана Грозного заслоняет собой историю едва ли не всего русского Средневековья. О нем спорили еще при его жизни, спорят и сейчас — спустя четыре столетия после смерти. Одни считали его маньяком, залившим страну кровью несчастных подданных. Другие — гением, обогнавшим время. Не вызывает сомнений, пожалуй, только одно: Россия после Грозного представляла собой совсем другую страну, нежели до него.

О личности царя Ивана Васильевича, а также о путях развития России в XVI веке рассуждает известный историк Борис Николаевич Флоря.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41, 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неужержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЬ В ОВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

П. Антонетти

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФЛОРЕНЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ДАНТЕ»**

Н. Черкашин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ ПОДВОДНИКОВ»**

Ж. Каркопино

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ»**

Ж. Эр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАПСКОГО ДВОРА
ВО ВРЕМЕНА БОРАДЖИА И МЕДИЧИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85, 978-89-82, 787-63-87, 787-63-75.

<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество других подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Зверев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАРИЖА»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

Л. Флем

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРЕЙДА И ЕГО ПАЦИЕНТОВ»**

П. Монтэ

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клулас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85, 978-89-82, 787-63-87, 787-63-75.

<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dset@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

ЖИВА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

**Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».**

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

www://mg.gvardiya.ru ☎ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Флэм

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРЕЙДА
И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02469-9

9 785235 024694

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ